

Сергей Волков

Чингисхан³

Книга третья
СОЛДАТ НЕУДАЧИ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Волков, С.

В67 Чингисхан 3. Книга третья: Солдат неудачи. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 224 с.

Артем Новиков спасает молодого предпринимателя Андрея Гумилева и оказывается вне закона – за ним теперь охотятся и бандиты, и сотрудники правоохранительных органов. Старый тренер предлагает выход – уехать из страны на Балканы, где уже несколько лет идет война.

Скучая по любимой девушке Телли, Новиков пытается отыскать ее следы, но прежде он должен избавиться от коня. Профессор Нефедов заинтересован в обратном. Артем стоит перед выбором, цена которого – новая война...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67**

ISBN 978-5-904454-30-2

© Рыков К., 2010
© Волков С., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЙ «ЧИНГИСХАНА»:

Когда Артем Новиков в 1979 году получил в наследство от дальнего родственника запертую шкатулку, он еще не догадывался, что судьба его отныне накрепко связана с Чингисханом. Серебристая фигурка заставила Артема расстаться с близкими, изменила характер, бросила в огненный ад Афганской войны – и показала, как нищий монгольский сирота, обреченный на смерть, стал Властелином Вселенной. Сила Чингисхана дремлет, но близится день, когда она сможет вернуться в мир.

Серебряный конь вел Артема Новикова и профессора Нефедова через ледники и перевалы Гиндукуша. По пятам за ними следовали люди Надир-шаха, горящие желанием отомстить за своего хозяина. Свистят пули, грохочут лавины, пустынные демоны жаждут человеческой крови и получают ее сполна. Отбившись от врагов, Артем и профессор попали к загадочным махандам, живущим в недоступной горной долине. Там Новиков влюбился в красавицу Телли, дочь вождя. Благодаря своему таланту стрелка Артем спас махандов от банды кашгарских контрабандистов. Он хотел остаться с Телли, но воля Чингисхана побудила его продолжить путь.

Блуждая по чужим землям, Артем и Нефедов оказались в долине, где время остановилось. Здесь живут бок о бок древние скифы и офицеры русской Белой гвардии, воины Александра Македонского и китайские солдаты армии Чан Кай-ши. Таинственный хроноспазм украл четырнадцать лет жизни Артема и, чудом выжив в лабиринте аномальных зон, он оказался в России 1994 года. Новиков не узнал своей страны. Его друг детства Витек стал криминальным авторитетом. Он предложил Новикову стать киллером и убить молодого московского предпринимателя Андрея Гумилева...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воля Чингисхана

Я расстегиваю сумку, думаю: «Тебе ничего и не надо понимать». Достая оранжево-белый надувной мячик, кидаю ошарашенному Гумилеву.

– Много-много лет назад я обещал тебе, что куплю новый мяч взамен того, что лопнул под колесами автобуса. Вот.

Андрей смотрит на мячик, поднимает голубые глаза на меня:

– Не может быть! Как вы меня нашли?

– Тебя нашли другие, Андрей, – я показываю ему содержимое сумки, сажусь на край стола. Серебряный конь жжет грудь нестерпимым холодом. – У тебя есть ровно минута, чтобы объяснить мне, почему я не должен тебя убивать.

Эту дурацкую фразу я произношу, чтобы обозначить ему всю серьезность положения. Андрей косится на сумку, бледнеет. Но еще не верит, пытается улыбнуться.

– А разве есть за что?

И снова я чувствую, как фигурка коня источает порцию холода, от которого меня начинает колотить, как в лихорадке. Мой проклятый талисман не просто ожил – он давит на меня, туманит разум, путает мысли. Такого еще никогда не было!

Конь хочет, чтобы я убил Гумилева! Я понимаю это ясно и четко. Моя воля подчиняется воле того, кто послал мне фигурку через бездну времени.

Незримые холодные пальцы сдавливают сердце. Я судорожно вдыхаю, закашливаюсь. Дрожащей рукой расстегиваю во-

рот рубашки. В ушах шумит, и сквозь этот шум до меня доносится голос... чужой, но вполне понятный: «Убей!».

Представляю, как достаю пистолет из сумки, как срез глушителя упирается в грудь парня, как мой палец нажимает на спусковой крючок, как пуля пробивает плоть, и бьющееся в агонии тело Андрея Гумилева падает на пол.

Зачем? Кому это нужно? Витьку? Богдашвили? Мне?

Нет. Это конь хочет устранить еще одно препятствие на моем пути к горе Хан-Тенгри. Это Чингисхан властно указывает мне через века – убей и иди ко мне, к своему господину и повелителю!

Но я – не раб его и не подданный. Хватит! Того, что я успел натворить, и так хватит на несколько ссылок в преисподнюю, причем заживо.

– Вам плохо? – спрашивает Андрей, пытаюсь заглянуть мне в глаза. – Может, «Скорую»?

Я пытаюсь встать, но ноги точно одеревенели. Хватаю его за отвороты куртки, притягиваю к себе и сквозь зубы цежу:

– Похоже, работать тебе сегодня не придется.

Он вскидывает подбородок, с трудом сглатывает.

– Что вы собираетесь делать?

Слышу свой голос как бы со стороны:

– Для начала – Отправить тебя на тот свет...

«А ведь я сейчас и в самом деле его убью», – мысль эта равнодушно скользит по краю сознания. Похоже, конь опять победил. Похоже, я отниму жизнь у человека, которого однажды спас от смерти. А потом получу за это деньги. Куплю снаряжение и поеду в Среднюю Азию. Нет, сначала я все же разыщу маму...

Мама! Становится чуть теплее, словно кто-то подышал на заледеневшие руки. Мама! Мертвенный холод сдает свои позиции, отступает. Я разжимаю пальцы. Андрей что-то говорит, но я не слышу – какофония звуков бьется в уши, как океанский прибой. Перед глазами все плывет.

Я борюсь с холодом.

Я, Артем Новиков, сопротивляюсь воле Чингисхана!

Я не буду убивать этого человека!!

Я сам хозяин своей судьбы!!!

Дзинь! Ощущение такое, словно где-то рассыпалась на мириады осколков огромная глыба льда. Я прихожу в себя. Вижу Андрея с телефонной трубкой в руке. Он набирает номер, поглядывая на меня через плечо. Сумка с оружием все так же лежит на столе.

– погоди, – говорю я парню. – оставь телефон. у меня был... приступ. Все прошло. у нас очень мало времени, Андрей. Меня зовут Артем Новиков. В настоящий момент я – киллер...

Историю о том, как его заказал Богдашвили, Гумилев слушает молча, только бледнеет все сильнее. Но держится он молодцом – не впадает в истерику, не паникует. И, едва я заканчиваю рассказ, кивает головой:

– Понятно. Спасибо тебе. Значит, так, давай сделаем вот что... – после чего начинает говорить так методично и уверенно, как будто у него была пара суток на обдумывание плана...

– И последнее. Артем, я так понял, документов у тебя нет. Вот мой студенческий, мы примерно одного возраста, думаю, билет на самолет ты по нему купишь без проблем, – заканчивает он свой монолог.

Верчу в руках серый прямоугольник, открываю. А что, и в самом деле можно попробовать. Фотография мутноватая, абрис лица похож, а кто там будет разбираться, вглядываться.

Перевожу взгляд на этого взрослого и уверенного в себе мужчину, каким за считанные – для меня – месяцы стал карапуз, которого я когда-то выдернул из-под машины, и вдруг понимаю, что он ведь старше меня – почти на год. И жизненный опыт у него, раз уж он не только выжил, но и преуспел в этом чужом и неудобном мире, никак не беднее моего. Это другой опыт, но в той ситуации, в которой мы с ним оказались, именно такой и

нужен. Это для меня новая Россия с ее изменившимися до неузнавания законами жизни – терра инкогнита, а для него – естественная среда обитания, в которой он вырос и сформировался. Он, как в старой песне пелось, другой страны не знает.

– Спасибо, – несколько невпопад отвечаю я.

– Это я должен тебя благодарить.

– Погоди, бог даст, успеешь еще. Где, говоришь, второй выход?

– Вон, через старую котельную. Мы им никогда не пользуемся, о нем и забыли все. Дверь заперта.

– Ключи?

– В сейфе где-то.

– Давай, Андрюха, давай, – тороплю я его.

Часы на стене показывают без трех минут девять. Если за офисом следят – а Хазар наверняка послал «шестерку» проверить меня – могут возникнуть вопросы, мол, что я так долго делал внутри, наедине с клиентом?

Лязгает дверца сейфа. Андрей выкладывает на стол деньги. Я таких никогда не видел – зеленоватые купюры с заключенным в овал портретом какого-то человека в парике. Доллары. Много, несколько сотен. Это – на реализацию родившегося только что плана.

– Черт, наличку в офисе всегда стараюсь держать по минимуму. Ладно, должно хватить. А, вот они, ключи. Артем, а если...

– Никаких «если». Все будет путем, Андрюха. Телефон я запомнил. Давай, бегом. И – удачи тебе.

– И тебе!

Он жмет мне руку, бежит к дальней стене, отпирает не приметную дверь и скрывается за ней. Я облегченно выдыхаю, достаю из сумки гранату, зажимаю скобу и выдергиваю чеку. Ну что, Артем Владимирович, поиграем в войнушку?

С порога кидаю гранату за спину и быстро поднимаюсь по лестнице. Во дворе несколько человек. Они далеко, у соседне-

го здания, стоят возле микроавтобуса, что-то обсуждают. На меня не смотрят. Успеваю сделать несколько шагов, поворачиваю за угол...

Взрыв! Подвальные окна разлетаются вдребезги, оттуда выметываются клубы пыли вперемешку с осколками и мусором. Перехожу на бег. Плохо, что люди во дворе видели меня. Или не видели? Впрочем, это уже не так важно.

Важно другое – как можно скорее покинуть этот район. Вылетаю на улицу, останавливаюсь, придаю лицу испуганное выражение. Таких, как я – удивленных, растерянных – тут много. Взрыв слышали все. Случайные прохожие озираются, переговариваются вполголоса. Над крышей двухэтажного дома, в котором был офис Гумилева, поднимается дым.

– Газ взорвался! – уверенно говорит мужчина с портфелем.

– Бомба, бомба, – щебечет стайка девушек поодаль.

– Милицию надо вызвать, – советует пожилая женщина.

На меня никто не обращает внимание.

Теперь надо приобрести одежду. Это важная часть нашего с Андреем плана. Шмотки, купленные на аванс Витька, «засвечены». Их надо будет сменить. Не сейчас, но скоро.

Мои познания о Москве-торговой ограничиваются парой магазинов да ГУМом. Чутье подсказывает – там ловить нечего. Что ж, судя по всему, сейчас в столице должно быть множество мест, где продают одежду. Поищем.

Выхожу на край тротуара, голосую. Останавливается плоская коричневая машина с зализанными формами. Я уже знаю – это новый-старый «Москвич». В семьдесят девятом таких еще не было, а сейчас, в девяносто четвертом, они уже считаются рухлядью.

– Куда едем? – интересуется хозяин «Москвича», толстый мужик в кожаной кепке.

– Где одежду можно купить не очень дорого?

– Ха! – на пухлом лице отображается тяжелый мыслительный процесс. Итогом его становится безапелляционное: – В Коньково лучше всего!

– Поехали, – я сажусь на пассажирское сидение.

– Так это... – и отчаянно выпучив глаза, он бухает: – Семьдесят долларов!

– Поехали! – я повышаю голос, давая понять, что деньги – не проблема. – В рублях возьмешь?

– По курсу три сто! – мужик краснеет, как помидор.

«Три-сто», надо же! Это при том, что сегодня за один доллар в обменниках просят три тысячи тридцать семь рублей! Вон вывеска, мимо проезжаем. Ни стыда у людей, ни совести. Одни доллары на уме.

Водила включает радио. Передают новости. Диктор скорбно сообщает, что появились новые факты в расследовании убийства Дмитрия Холодова.

– Во, – кивает хозяин «Москвича» на радио. – Дожили. Журналистов прямо на рабочем месте мочат. Верно я говорю?

Пожимаю плечами. Я не в курсе этой истории.

– Может, и правильно, что грохнули, – воодушевляется вдруг мой собеседник. – Не лезь, куда не надо! А полез – так получил. Верно я говорю?

Он меня раздражает, и я не особо подбираю выражения.

– Верно. Вернее некуда. Для хомяков особенно.

Недобро зыркнув, он умолкает. Едем дальше.

Путь в Коньково оказывается неблизким. Я догадываюсь, что есть рынки и поближе, чем эта ярмарка на юге Москвы. Толсто-мордый и тут меня облапошил. Чувствую, что начинаю злиться. Это плохо. Мне сейчас нельзя поддаваться эмоциям.

«Москвич» останавливается.

– Приехали, – сообщает мужик и выразительно смотрит на меня. С трудом подавляю в себе желание врезать ему по роже, сую двести тысяч.

– На.

– Э, мы ж на семьдесят баксов договаривались! – он, едва взглянув на деньги, с азартом начинает «выбивать» из меня свое, кровное: – Двести семнадцать должно быть!

Я кидаю на сиденье пачку купленных накануне импортных сигарет.

– На, сволочь. Тут больше.

– Э, я не курю!

– А мне без разницы.

Ярмарка «Коньково» оказывается обычной барахолкой, только очень большой. В огромном железном ангаре стоят железные прилавки, крашенные синей масляной краской. За прилавками тесными рядами – продавцы со товаром, по другую сторону – покупатели. Многоголосая переключка первых со вторыми сливается в общий невыразительный гул. В воздухе витают, смешиваясь, запахи плохо выделанной кожи, табака, пота, духов, прогорклого жира, перегара и бог еще ведает чего. Повсюду громоздятся перетянутые полосами скотча клетчатые тюки с барахлом, высятся стойки с развешанными на них дубленками, пуховиками, куртками, свитерами, шапками, джинсами. Наверное, в мое время вот так должен был выглядеть рай в представлении покупателей магазина «Одежда».

Перед тем, как погрузиться в рыночную стихию, звоню из автомата Хазару. В трубке – гудки, гудки. Наконец слышу хриплый голос:

– Алло?

Произношу, как и условились, одно слово:

– Да.

– Ништяк, – хрипит Хазар и отключается.

Пробираясь сквозь толпу, разглядываю выложенный товар. После всего того, что я пережил в офисе Андрея, после ледящего холода и ощущения тяжелой руки Чингисхана мне при-

ятно находиться среди людей. Спустя минут двадцать становлюсь счастливым обладателем норковой шапки – в Казани их носят все поголовно – кожаных перчаток, вязаной спортивной шапочки и свитера.

Остается самое главное – двухсторонний пуховик. Такая одежда позволит быстро изменить внешний вид. Нужный мне пуховик обнаруживается у самого выхода, в небольшом павильончике. Как раз то, что надо. Хочешь – ходи в длинном, до колен, одеянии, а хочешь – отстегни полы, выверни, и у тебя уже дулая спортивная куртка совсем другого цвета.

Складываю покупки в клетчатый баул, купленный тут же. Выхожу на улицу. За рядами киосков и палаток, торгующих сигаретами и пивом, украдкой оглянувшись, засовываю в самую середину баула пистолет. Это тоже придумал Гумилев. Он сказал:

– Полетишь на самолете. Оружие положишь в сумку и сдашь в багаж. Никто не заметит. Сейчас багаж в аэропортах не проверяют.

Несмотря на его уверенный тон, опасения попасться с пистолетом у меня присутствуют. Поэтому на всякий случай покупаю в палатке у смуглого носатого гостя с юга жареную курицу. У них здесь теперь это называется «гриль». Ем курицу – я проголодался, а в фольгу из-под птицы заворачиваю ТТ. Багаж, насколько мне известно, просвечивают рентгеновскими лучами. Очень надеюсь, что упакованный таким образом пистолет не будет виден на экране аппарата.

До аэропорта Домодедово добираюсь без приключений на автобусе. Покупка билета проходит без сучка, без задоринки. Женщина в кассе равнодушно смотрит на студенческий Гумилева, выписывает данные. Дальше регистрация, сдача багажа – все как положено. Перелет тоже ничем примечательным не запоминается. Практически пустой Як-42, похожий изнутри на большой автобус, за два с небольшим часа пере-

носит меня вместе с другими пассажирами в казанский аэропорт.

А вот багаж получать я иду с влажными ладонями и неприятным чувством обреченности. Лента транспортера выносит из подземелья сумки и чемоданы. Появляется и мой клетчатый баул. Считаю про себя до десяти, чтобы успокоиться, и делаю шаг к бортику транспортера. Берусь за пластиковые ручки. Поднимаю баул.

И тут за моей спиной раздается вежливый голос:

– Простите, можно вас на пару слов?

Вздрагиваю. Озноб – до самых костей. Вот и все, киллер чертов. Как там у Высоцкого? «Вывели болезного, руки ему за спину, и с размаху кинули в черный «воронок».

Чувствую – фигурка коня на шее налилась тяжестью. А что, если резко повернуться, с правой в челюсть и ноги в руки? Тут же одергиваю себя – аэропорт в сорока километрах от города, вокруг заснеженные поля. Куда тут убежишь?

Медленно поворачиваюсь, натянув на лицо доброжелательную улыбку.

– А что случилось?

Передо мной небритый человек в кожаной куртке и норковой шапке, почти такой же, как моя, купленная в Коньково. Он чем-то неуловимо похож на толстомордого хозяина «Москвича». Тоже улыбается, и тоже фальшиво.

– Вам в город надо?

– Ну...

– Водители забастовали, автобусы на линию не вышли. До города поедem?

У меня отлегаet от сердца. Черт, это же просто-напросто таксист! Тут же чувствую злость, кулаки сжимаются сами собой. Видимо, и в лице моем происходят некие перемены – он делает шаг назад и частит, путая вежливые слова с базарными:

– Извините. А че, в натуре! Я четырех человек в машину сажаю, по десять штук с носа. Другие по двадцать ломают. Не успеете ведь! Одно место осталось.

Злость проходит. Да уж, везет мне сегодня на предприимчивых водителей. Напускаю на себя высокомерный вид, киваю.

– Уговорил. Вон сумку в клеточку видишь? Цепляй и поехали.

Старенькая «Волга», забитая алчущими выбраться из аэропорта, вырывается со стоянки. В машине холодно, печка не справляется. Притиснутый крупным мужиком в дубленке к дверце, вывожу на запотевшем стекле буквы: «Т Е Л Л И».

Провал в прошлое происходит быстро и резко...

Старый шаман Мунлик и его сын Кокочу сидели у костра, разведенного на красном камне. В бездонном небе над их головами парил одинокий кречет. Поодаль паслись лошади, вдалеке виднелись юрты. Там жили люди, что служили шаману.

За годы, прошедшие с тех пор как Темуджин начал восстанавливать свой улус, Мунлик сделался одним из самых уважаемых и богатых людей в степи. К нему на поклон шли и ехали из самых далеких краев и даже из-за пределов монгольских земель. По велению Чингисхана обижать паломников было запрещено под страхом смерти.

Мунлик одряхлел. Седые космы свисали на изрезанное морщинами лицо. Руки, похожие на скрюченные лапы хищной птицы, теребили амулеты и обереги. Сын его Кокочу, напротив, молод и силен. У него гордое лицо, но тяжелая челюсть и хищные глаза делали выражение этого лица недобрым.

– Вечное Синее небо благоволит к нашему роду, – прошамкал старый шаман. – Сын мой, пришел черед тебе взять священный бубен и заменить меня в служении Тенгри. Ты готов?

– Да, отец, – Кокочу встал, низко поклонился Мунлику.

– Бессчетное сомнище облаков проплыло по небу с той поры, как я по просьбе Есугея-багатура спас его сына. Ныне Темуджин стал Чингисханом и подгибает всю степь под свое колено. Он окружил себя сильными нойонами. Все реже и реже он призывает меня, чтобы узнать волю Вечного Синего неба. Ты слышал об этом.

– Да, отец, – Кокочу снова поклонился.

– Сегодня, – голос Мунлика окреп и загремел над травами, – я объявлю, что мне было видение. Будто бы бежал по степи каурый жеребец, и путь ему преградила бурная река. Несколько раз пытался жеребец переплыть ее, да всякий раз возвращался. И вот тогда со стороны восхода прибежал на берег белый жеребец. Громким ржанием увлек он каурого за собой, и поплыли они, причем каурый смотрел на воду, а белый высоко вытягивал шею и видел небо. Так они и переплыли реку. Ты понял, о чем это видение, сын мой?

Кокочу снял круглую шапку, расшитую по швам желтым шнуром, потер ладонью бритую голову.

– Прости, отец, смысл твоего видения для меня туманен.

– Каурый конь – это Темуджин, – терпеливо начал разъяснять Мунлик. – Бурный поток – враги его. А белый жеребец – это ты, Кокочу. Ты станешь при нем верным другом, советчиком и проводником воли Тенгри. А чтобы у друзей и родни Чингисхана не возникло и тени сомнения... – старый шаман поднялся и высоко воздел руки. – Нарекаю тебя, сын мой, именем Теб-Тенгри¹! Нынче же весть о твоём избранничестве понесется по степи от куреня к куреню и вскоре не останется ни одного арата, который бы не знал этого. А теперь, шаман Теб-Тенгри, ступай и десять дней молись Вечному Синему небу о даровании милости. На одиннадцатый день ты отправишься к Чингисхану.

– А ты, отец?

¹ Теб-Тенгри (монг.) – Отмеченный Небом

– Старость требует покоя. Я уйду на гору Бурхан-Халдун и там окончу свои дни. Прощай, сын мой.

– Прощай, – Кокочу, нареченный Теб-Тенгри, в последний раз низко поклонился отцу, принял из его рук шаманский бубен и пошел прочь от костра.

Чингисхан принял весть о преемнике Мунлика спокойно.

– Я не противлюсь воле Тенгри, – сказал он.

Молодой шаман поселился неподалеку от становища Чингисхана. Он велел покрыть свою юрту синей – цвета неба – тканью. Вокруг нее стояло девять белых юрт, в которых жили слуги Теб-Тенгри. Брат Чингисхана Хасар, узнав об этом, возмутился:

– В белых юртах живут только ханы. Этот выкормыш Мунлика дает нам понять, что он выше любого из нас!

– Успокойся, брат, – ответил ему старший сын Есугея-багатура. – Тенгри на небе, хан – его тень на земле. Так всегда было и будет.

Верные люди донесли слова Хасара до Теб-Тенгри и молодой шаман запомнил их. Как-то раз на охоте, куда был приглашен и сын Мунлика, Хасар и Теб-Тенгри оказались рядом. На них из кустов выбежал испуганный загонщиками олень.

Шаман вскинул лук, прицеливаясь, чтобы попасть в шею или голову животного. Хасар, слывший самым метким стрелком среди всех монголов, выстрелил навскидку и сразил добычу.

– Я первым увидел этого оленя! – закричал Теб-Тенгри. – Он был предназначен мне Вечным Синим небом!

– Зато я первым его убил, – посмеиваясь, ответил Хасар, спрыгнул с коня и принялся свежевать тушу.

Шаман скрипнул зубами и ускакал. На следующий вечер после возвращения с охоты его люди подкараулили Хасара и избили так, что брат Чингисхана едва дополз до порога своей юрты.

– Не противься воле небес! – приговаривали они.

Отлежавшись, Хасар отправился к брату и пожаловался на обидчика.

– Привык побеждать, но оказался побежденным... – пробормотал Чингисхан и нахмурился.

– Брат мой, ты покароешь его? – выдавил из себя Хасар.

Он никогда и ничего не просил у старшего брата, но Теб-Тенгри, который умел вызывать демонов и духов, внушал здоровяку ужас. Шаман служил силам, способным погубить весь род людской. Что для них какой-то Хасар Борджигин?

Чингисхан никак не ответил ему. Разозлившись, младший брат ушел и три дня не выходил из своей юрты. Зато к престолу владыки всех монголов явился шаман. Приняли его радушно. В огромной ханской юрте по велению Чингисхана расстелили дорогие ковры и выставили блюда с изысканными яствами.

Когда Теб-Тенгри вошел в юрту, сын Есугея-багатура поклонился ему. Шаман в ответ лишь милостиво кивнул. Усевшись у подноса с вареной кониной, сдобренной черемшой и диким луком, Теб-Тенгри отложил бубен, отрезал кусок мяса, не дожидаясь хозяина, и принялся жевать.

Повелитель монголов сел поодаль, глотнул архи из серебряной чаши, задумчиво разглядывая молодого шамана. Насытившись, тот вытер жирные пальцы о соболя хвосты, свисающие с его украшенной перьями сов и беркутов шапки, и сказал, глядя мимо Чингисхана:

– Я не могу поручиться за твое будущее, хан.

– Что ж так? – удивленно приподнял бровь Чингисхан.

– Великий Тенгри поведал мне, что брат твой Хасар хочет попеременно с тобой править монголами, а когда ты состаришься, сделаться единовластным хозяином всей степи. Если ты не остановишь его, то можешь потерять все.

После этих слов шаман поднялся и покинул юрту Чингисхана, оставив его в глубокой задумчивости. «Старый шаман Мун-

лик часто предостерегал меня от опасностей, – подумал Чингисхан. – Теперь пришло время его сына». Вечером того же дня верные владыке всех монголов нукеры схватили Хасара, связали его и посадили в яму, а к многочисленному семейству был приставлен крепкий караул из трех сотен воинов.

Ночью большинство слуг и вассалов впавшего в немилость брата повелителя откочевали к становищу Теб-Тенгри и старейшины попросили его милостиво принять изгоев под свою руку. Молодой шаман думал не долго. Уже к полудню возле его жилища появилось почти две тысячи юрт.

Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы одна из жен Хасара не сумела выбраться из своей юрты. Девушка поймала в степи лошадь и поскакала к вдове Есугея-багатура Оэлун, матери Чингисхана. Упав перед свекровью на землю, она обняла ее ноги и, заливаясь слезами, начала умолять женщину спасти своего сына. Оэлун немедленно повелела запрячь в кибитку тройку самых быстрых кобылиц и отправилась к Чингисхану.

Она успела как раз вовремя, но стража не пустила Оэлун к сыну. Связанный Хасар топтался перед братом и владыка монголов, сдвинув брови, сурово спрашивал:

– Как смел ты, единокровный мой брат, злоумышлять против меня?

Стояла жара, войлочные стены ханской юрты были подняты и многие стражники-турхауды, нукеры и простые монголы видели это. Среди них оказались и слуги Теб-Тенгри. Вскоре молодой шаман уже знал, что над Хасаром нависла угроза.

Так ничего и не добившись от брата, Чингисхан отправил его обратно в яму. Всю ночь владыка всех монголов провел в раздумьях, а утром к нему явился младший брат Темуге-отчигин². Он рассказал Чингисхану, что люди из его куреня, глядя на то,

² Отчигин (монг.) – хранитель очага. У монголов и по сей день существует обычай, согласно которому младший сын остается жить с родителями, ухаживает за ними и наследует все имущество

как переселились под руку шамана слуги Хасара, тоже снялись с места и откочевали к синей юрте Теб-Тенгри.

– Я послал к ним своего верного нукера, зовущегося Сохор, – взволнованно расхаживая по юрте, говорил Темуге, – ты знаешь его, Темуджин. Прислужники шамана избили его, привязали на спину седло и отправили ко мне пешком.

– Это дерзость, – пробурчал Чингисхан. – Она требует наказания.

– Я сам поеду к этому Теб-Тенгри! – Темуге хлопнул сложенной вдвое плетью по голенищу сапога. – Верну людей и потребую кару для тех, кто нанес обиду моему Сохору.

Оэлун, так и не поговорив со старшим сыном, жила в кибике рядом с ханским станом. Ей прислуживали жены Хасара. Они готовили пищу, приносили дрова для очага – и новости, от которых гудела вся степь.

– Вы слышали, хатун – шаман Теб-Тенгри сказал: ни одно решение хан не волен принимать, не посоветовавшись с тем, кто провидит волю Вечного Синего неба...

– Говорят, когда Темуге-отчигин явился к Теб-Тенгри, чтобы вернуть свое, с него сняли шапку, поставили на колени и шаман заставил его просить прощения за глупость его старшего брата, Чингисхана, который не сумел вразумить Темуге...

– Быть может, Теб-Тенгри хочет удалить от нашего повелителя всех братьев и родню, чтобы занять их места и быть толковым советчиком?

– А может, шаман сам решил сделаться великим ханом?

– Если на то будет воля Тенгри...

Слушая эти разговоры, Оэлун темнела лицом. Руки ее тряслись. А по степи мимо ставки Чингисхана ползли кибитки, ехали конные, шли пешие – люди собирались к синей юрте шамана, как ручьи стекают с гор в озеро.

Каждый день Теб-Тенгри устраивал для вновь прибывших большие камлания. Нарядившись в шкуры, вывернутые ме-

хом наружу, он стучал в бубен, вертелся волчком, прыгал через огонь огромного костра, разложенного на открытом месте, и пламя не причиняло ему никакого вреда.

Шаман предсказывал будущее, врачевал, вызывал души ушедших на небесные луга предков и давал людям возможность поговорить с ними. После камлания он говорил с теми, кто попал в затруднительные обстоятельства или стал жертвой чьей-то хитрости. Теб-Тенгри судил монголов, будто бы он являлся верховным ханом. Люди дивились, но никто не осмелился роптать – шаман мог наложить проклятие на весь род смутьяна.

Темуге-отчигин после унижения, которому он подвергся в синей юрте, к старшему брату больше не ездил. Теб-Тенгри так обернул дело, что во всех бедах Темуге оказался виноват Чингисхан.

Сам владыка монголов тем временем окончательно уверился, что Хасар замышлял свергнуть его с золотого престола и стать верховным ханом. Накануне праздника Надам, именуемого еще «тремя играми мужей», он в очередной раз велел привести брата и гневно закричал, сжимая в руках деревянную палку:

– Ты не брат мне больше, Хасар! К тому, кто таит злобу и готов подсесть задние ноги лошади, нельзя поворачиваться спиной!

И тут в юрту Чингисхана вошла Оэлун. Увидев своих сыновей – одного связанного, а второго с палкой в руках, старая женщина упала на колени. Распахнув дели³, она вытащила сморщенные груди и закричала, сверкая глазами:

– Видите?! Вот груди, что сосали вы! Ты, Темуджин, опорожнял полную. А Хасару и двух было мало. Не за это ли ты сейчас занес над ним палку? А где Темуге? Ему с Хачиун хватало пол-

³ Дели – халат с косой застежкой, национальная монгольская одежда. Дели носили и мужчины, и женщины

груди. Неужто поэтому он и прячется, питая злобу к вам, сыновья мои?

Чингисхан потупился. Палка выскользнула из рук, упала в тлеющий очаг. Оэлун запахла дели, подошла к Хасару и развязала его.

– Ветер ломает одинокое дерево, но не может согнуть рощу, – сказала она.

Хасар обнял мать. Чингисхан сел к ним спиной. Так прошло около часа. В юрте стало многолюдно – сюда явились жены Чингисхана, главы родов и племен, присягнувших ему на верность, военачальники и нукеры. Слуги разносили кувшины с кумысом и блюда с лепешками, угощая гостей.

Последним на праздник приехал Темуге. Он вошел в ханскую юрту и сел у входа, давая понять, что не собирается кланяться брату. И тогда встала Борте, старшая жена Чингисхана, и ударила в медное блюдо деревянной ложкой. Все замолчали и повернули головы к ней.

– Государь мой Чингисхан! – зазвенел голос Борте. – Разве ослеп ты? Разве оглох? Ты на грани гибели, на краю бездны. Кто вырастит малюток моих, кто заступится за них, если падешь ты в эту бездну, подобно подрубленному стволу дерева? Синяя змея свила себе гнездо на твоих землях, государь. Она перессорила тебя и братьев твоих. Завтра подует ветер – и вас не станет. Зачем тогда жить мне?

Чингисхан молчал, все ниже и ниже склоняя голову на грудь. Темуге встал, прошел на середину юрты, туда, где стояли Оэлун и Хасар. Откинув занавеску на входе, вбежал стражник-турхауд:

– Повелитель, шаман Теб-Тенгри едет на праздник!

Чингисхан выпрямился. Тяжелым взглядом обвел всех собравшихся и обратился к Борте.

– Слова твои снова оживили меня, Борте-хатун. Вечное Синее небо не оставило нас.

Резко повернувшись к братьям и матери, Чингисхан махнул рукой и процедил сквозь зубы:

– Теб-Тенгри сейчас явится. Разрешаю поступить с ним по вашему усмотрению.

Хасар кивнул и выбежал прочь, увлекая за собой трех воинов.

За войлочными стенами ханской юрты завывали трубы, зазвенели колокольчики, но все звуки перекрыли глухие удары бубна. Минуту спустя шаман, сопровождаемый восемнадцатью здоровяками-борцами, вошел и двинулся к ханскому престолу, сиявшему чистым золотом у дальней стены. Все расступались перед ним, пока процессия не дошла до Темуге.

– Ты обманул меня, колдун, – крикнул он, схватил шамана за грудки и потащил обратно на улицу, приговаривая: – Давай-ка попытаем жребий, давай поборемся, как положено мужчинам в праздник Надом.

Борцы, что прибыли с Теб-Тенгри, попытались вступить за своего господина, но турхауды обступили их, выхватив мечи.

– Ваш черед бороться придет позже, – с улыбкой сказал им Боорчу, поигрывая шипастой булавой.

Трое нукеров и Хасар поджидали шамана. Когда Темуге выволок его из юрты, все они набросились на Теб-Тенгри, заткнули ему рот клубком шерсти, подняли извивающееся тело и начали гнуть его, подобно луку, до тех пор, пока позвоночник шамана не сломался с громким треском.

Бросив тело у коновязи, братья Чингисхана вернулись в юрту.

– Теб-Тенгри оказался другом на час, – усмехнулся Темуге. – Теперь притворяется спящим, чтобы не бороться со мной.

Чингисхан все понял и кивнул брату. Оэлун просияла – угрожавшей ее детям опасности не стало. Труп шамана увезли в его синюю юрту. Дверь и дымовое отверстие закрыли железными заслонками. Вокруг по приказу Чингисхана встали в круглосточный караул турхауды.

Праздник Надом продолжался своим чередом. Тысячи багатуров со всей степи боролись на круглых площадках у ханской юрты. Тысячи стрелков пускали стрелы в долине, на берегу реки. Тысячи наездников участвовали в скачках, стремясь первыми прийти к шесту с красным бунчуком наверху. Все они хотели получить награды – барана, позолоченный колчан и лук, саврасового жеребца и милость Чингисхана. Но никто из них не отважился вступить в единоборство с Темуге-отчигином, человеком, который одолел самого верховного шамана.

На третью ночь с момента смерти Теб-Тенгри его тело исчезло. Это событие взволновало всех. Множество людей собралось вокруг синей юрты. Люди тихо переговаривались. Многие видели в случившемся недоброе предзнаменование.

Чингисхан в сопровождении братьев и нукеров приехал в становище шамана под вечер. Он в одиночестве вошел в юрту и пробыл там до темноты. Когда вокруг запылали костры, сын Есугея-багатура возник на пороге.

– Душу и тело Теб-Тенгри забрали тенгерины⁴, – сказал собравшимся Чингисхан. – Это знак. Отныне я сам буду прозревать волю Тенгри и беседовать с Вечным Синим небом.

...Я снова в холодном салоне «Волги». Мы подъезжаем к Казани. Вспоминаю изломанное, безжизненное тело Теб-Тенгри и невольно думаю: «Вот что случается с теми, кто выступает против воли Чингисхана».

⁴ Тенгерины (монг.) – духи Нижнего неба, слуги Тенгри

ГЛАВА ВТОРАЯ

Не стреляй!

У пистолета ТТ нет предохранителя. Если патрон в стволе, достаточно просто нажать на спусковой крючок. Такая вот конструктивная особенность. Я стою у двери Надиной квартиры. Мне страшно. Не за себя – я свое уже отбоялся. Но там, за оббитой коричневым кожзамом железной дверью, двое маленьких детей и женщина, которую я когда-то любил.

Никакого четкого плана действий у меня нет. Я просто должен спасти их. Наш с Гумилевым план может и не сработать, и тогда Витек легко возьмет меня за горло, причем в буквальном смысле слова. О том, что произойдет в этом случае с Надей и детьми, лучше не думать.

Хорошо, что в двери нет глазка. Хорошо, что лифт сломан. Хорошо, что в подъезде пусто и тихо.

Достаю пистолет, еще раз проверяю. Обойма полная, патроны годны к стрельбе. Правда, глушитель, сработанный неизвестными умельцами в какой-то подпольной мастерской из куса водопроводной трубы и вставленных внутрь шайб, выглядит грубовато да и звук выстрела почти не глушит – я проверял полчаса назад, отстреляв несколько патронов в подвале соседнего, недостроенного дома.

ТТ – армейский пистолет. У него очень высокая скорость пули, она превышает скорость звука. Ударная волна, создаваемая ею, слишком сильна, ее не берет ни один ПБС⁵, так что глу-

⁵ ПБС – прибор бесшумной стрельбы

шитель на моем ТТ – скорее дань моде и бандитским понтам. Однако снять трубку я не сумел – она прикручена к стволу, что называется, «намертво».

Проходит минута, вторая... Топчусь рядом с дверью, переключая пистолет из левой руки в правую – и обратно. Еще несколько дней назад я не задумываясь позвонил бы, понадеявшись на везение, оружейника Токарева из Тулы и русский авось. Конь подталкивает меня именно к такому решению: действовать, действовать!

Но я больше не хочу быть марионеткой в чужих руках. Не хочу – и не буду. Когда речь идет о человеческих жизнях, нельзя рубить сплеча. В конце концов, я-то не Чингисхан!

Стоит только об этом подумать, как тут же внутренний голос говорит мне: «А как же афганцы, которых ты убивал? А кашгарцы у стен Махандари? А долина Неш?».

«Но там была война! – отвечаю я своему альтер эго. – А долина Неш вообще не считается, там нет смерти...»

«Но когда ты стрелял в гетайров, ты еще не знал об этом!»

«Я защищал свою жизнь!»

«А сейчас? Разве твоей жизни кто-то угрожает?»

«Я не могу бросить людей, которые из-за меня попали в переплет».

«Почему?»

«Потому что...»

Ответа у меня нет. Действительно – почему? Кто мне Надя? А ее, точнее, ее и Бики, дети? Может, я вообще зря дергаюсь? Может, Витек просто шутканул, а на самом деле Наде ничего не угрожает? Да и что он сделает с ними, когда сработает наш с Андреем план? Витьку будет уже не до них... А я исчезну. Испарюсь. Меня никто никогда не найдет. И с Надей я больше тоже никогда не увижусь. Так стоит ли сейчас геройствовать? Всех делов – развернуться и уйти. Спустить по лестнице, поехать на вокзал, купить билет. В Москве

наконец-то встретиться с мамой, закупить все необходимое для экспедиции и отправиться к Хан-Тенгри. Или к Телли. Или и туда, и туда... Весь мир передо мной! Надо лишь выпутаться из этой истории. Соскочить, слить, слинять, свалить...

От таких мыслей мне становится плохо. И морально, и даже физически – во рту появляется металлический привкус, ноги делаются ватными, в ушах шумит. Черт, я веду себя, как последняя тварь! Как слизняк, трус, баба, тряпка! Это ведь я подставил Надю и малышей. А теперь стою тут и раздумываю, как бы вылезти из всего этого чистеньким.

И прежде чем эмоции гаснут, я шагаю к двери, завожу правую руку, сжимающую пистолет, за спину и указательным пальцем левой давлю на кнопку звонка. Давлю – и с горечью понимаю: конь опять переиграл меня.

Как говорили у нас на улице Заря, «взял на слабо»...

Но Рубикон перейден. Если ты выстрелил, пулю уже не остановить. За дверью слышатся тяжелые шаги. Это явно не Надя. Стало быть, Витек не шутил.

«Я никого не собираюсь убивать. Не собираюсь. Не хочу. Не буду!» Твержу это про себя как молитву.

– Кто? – недовольно бурчит из-за двери тяжелый бас.

– Слесарь, – отвечаю каким-то противным, блеющим голосом.

– Мы не вызывали, – сразу режет все концы бас.

– У вас стояк течет. Внизу всех залило, – нагло вру я. – Да вы в ЖЭК позвоните! Я Ахтямов, слесарь-водопроводчик этого дома!

– Ща, погоду, – многообещающе рыкает бас.

Тяжелые шаги удаляются. Перевожу дух, рукавом вытираю выступивший на лбу пот. Владелец густого баса наверняка пошел узнавать про слесаря Ахтямова. Фамилию эту я не придумал. У двери подъезда на табличке написано: «дом номер

такой-то обслуживает слесарь-водопроводчик Ахтямов З.Р.». Так что все верно. За одним «но».

Вдруг эта табличка пятилетней давности и слесарь сменился?

Шаги, возникнув в глубине квартиры, приближаются. Звенят ключи. Ну, сейчас все и...

Дверь с тюремным лязгом приоткрывается. Здоровенный хмурый парень в турецком свитере смотрит на меня сверху вниз. А еще на меня смотрит ствол его «макарова».

– Руки!

Выбора нет. И я показываю руки. Левую – без ничего. И правую – с зажатым в ней ТТ. Можно было, конечно, просто застрелить бугая, но я даю ему шанс. Теперь, когда и с моей стороны в переглядке участвует ствол, мы на равных. Почти...

– Клади пистолет, – тихо говорю я ему, внимательно следя за зрачками.

Он сопит – и решает сыграть в рискованную игру «пан или пропал». Но соревноваться со мной в реакции – дело пустое. Я стреляю почти на секунду раньше его и успеваю отскочить в сторону. Гулкое эхо раскатывается по подъезду.

Парень оседает на пол. Все, секунды, до того ползущие, словно капли дождя по стеклу, превращаются в бусины и начинают бойко прыгать по ступенькам лестницы под названием жизнь.

Я врываюсь в квартиру. Направо коридор, ведущий на кухню, налево проходная комната, за ней вторая. Вряд ли Витек прислал сторожить Надю одного этого бугая в свитере. Наверняка есть второй, а может, и третий. И даже четвертый. Где они? Почему не бегут на шум выстрелов?

Из кухни доносятся голоса.

– Че там? Че?!

– Иди, посмотри!

– Сам иди!

В коридоре появляется темный человеческий силуэт с «калашниковым» в руках. Хладнокровно включаю свет – чего шариться в потемках? Силуэт превращается в высокого, худого парнишку с длинной шеей.

– А-а-а-а! – орет он и начинает палить с вытянутых рук.

Я не успеваю ничего сообразить – срабатывают рефлексy. Руки-ноги делают все за меня. При стрельбе «калашников» уводит влево. Я бросаюсь в противоположную сторону и стреляю в падении. Грохот очереди стихает. На меня сыплется выбитая пулями штукатурка. Незадачливый стрелок кулем валится поперек коридора.

Два-ноль.

Бросаю взгляд на дверь в комнату. Она закрыта и в дверную ручку вставлена швабра. Ага, значит Надя с детьми там.

Бегу на кухню.

– Не стреляй! Не надо! – кричит человек за столом, подняв руки.

Разглядываю третьего бандита. Взрослый мужик, лысоватый, в пиджаке, при галстукe. Испуганные глаза, мокрые губы, усы. Явно семейный, вон кольцо на пальце. Наверное, старший. А может быть, просто водитель? Не похож он на бандита. Я не должен его убивать.

На столе сковородка с недоеденной яичницей, фужеры, из которых мы с Надей пили недавно «Мартини», початая бутылка водки, открытые консервы, батон, колбаса.

– Курорт у вас тут, значит? Пьете-жрете? – спрашиваю безо всякого выражения, чисто механически.

– Не стреляй! – он снова кричит, а сам косит глазом, дергая бритой щекой.

– Не ори, – я опускаю пистолет. – Где женщина, дети?

– Там, там, иди!

– Вставай.

– Сейчас, сейчас... – он суетливо размахивает руками, демонстрируя, что они ничем не заняты. – Я сейчас...

Неловко, боком, мужик выбирается из-за стола. Задевает полый пиджака вилку и та со звоном падает на пол. «Баба придет», – думаю я, вспоминая, что с почти такой же нержавеющей вилки все и началось в далеком семьдесят девятом – письмо, приглашение на поминки, наследство, шкатулка, конь...

Как, когда он умудрился достать пистолет? Я стреляю, не целясь. Хорошо, что у ТТ нет предохранителя. Это спасает мне жизнь. Мне – и Наде с детьми. Именно предохранитель на «макарове» не позволил мужику выстрелить первым. Доля секунды – и все.

Попадаю в плечо. На серой материи пиджака расплзается темное пятно. Он матерится сквозь зубы, перехватывает свой пистолет здоровой рукой. Настырный! Стреляю второй раз. В голову. Сверхзвуковая пуля ТТ пробивает ее насквозь и выбивает из оконной рамы длинную щепку.

Все, полдела сделано. Теперь главным моим врагом становится время.

Бегу в комнату. Выдираю из дверной ручки швабру.

– Надя, это я! Артем!

Распахиваю дверь. Надя посреди комнаты, очень бледная, губы трясутся. Стоит, выставив вперед руки. На диване, вжавшись в угол, сидят дети. Артемка обнимает сестру, закрывая ей глаза ладошкой. Он плачет без слез.

– Все, все! – как можно дружелюбнее говорю я. – У вас минута на сборы. Только самое необходимое. Документы, деньги, ценности, детские вещи. На кухню не заходить.

Надя смотрит мне в глаза и кивает. Она все поняла. Сую пистолет за пояс, возвращаюсь в коридор. Нужно убрать трупы, чтобы дети не напугались.

Хватаю бугая за ноги, тащу по коридору. На паркете остается широкий кровавый след. Запах порохового дыма смешива-

ется с ароматом яичницы. Когда я втаскиваю тело в кухню, с ноги бугая соскакивает ботинок. Синий носок, дырка на пятке. Желтая шелушащаяся кожа. Меня начинает мутить.

Слышу дрожащий голос Нади:

– Артем, мы готовы!

– Выходите на площадку!

Быстро затаскиваю на кухню труп автоматчика. Обшариваю карманы, беру пистолет лысого и две обоймы. ТТ свое отстрелял, его надо «скинуть».

Мы бежим по лестнице вниз. Я несу Артемку, Надя – Нелю. Сумка с вещами и документами оттягивает мне плечо. Я перескакиваю через две ступеньки и гадаю – вызвал кто-нибудь из соседей милицию или нет? Если да, то как быстро придут стражи порядка? А вдруг патрульная машина в момент вызова находилась рядом с домом и нас уже ждут внизу? В общем, приходится рассчитывать только на милость фортуны.

На улице валит снег. Никто нас не ждет. Вообще народу во дворе очень мало. Замотанный шарфом до самых глаз Артемка что-то бормочет.

– Давай туда, – кричу я Наде, указывая в сторону дороги.

Нам нужно в аэропорт. Хотя стоп. До аэропорта не всякий «частник» повезет – далеко. Нет, для начала нужно убраться подальше. Куда-нибудь в центр. Сесть в кафе, успокоиться. И уже оттуда вызвать такси. Времени очень мало. Витек с минуты на минуту может узнать о побоище в Надиной квартире.

Выбегаем на улицу. Поток машин, автобусы, грузовики. Милицейский «уазик» с включенной мигалкой. Я стискиваю зубы, переглядываюсь с Надей. Если сейчас завернет во двор – значит, по наши души.

Нет, пронесло. «Уазик» удаляется в сторону Адмиралтейской слободы. Опускаю Артемку у обочины прямо в глубокий

снег, поднимаю руку. Буквально через несколько секунд рядом останавливается жигули-«четверка».

– Куда? – перегнувшись через сидение, спрашивает водитель.

– На Баумана.

– Садитесь.

Забираемся в машину. Надя усаживает детей на заднем сидении. «Четверка» трогается. Фу-ух, еще один тайм отыгран.

– Дядя Артем, – слышу я вдруг громкий шепот мальчика. – А вы тех дядей убили, да?

Водитель, интеллигентного вида мужчина, хмыкает, хмурит брови.

– Убил! – громко подтверждаю я. – Убил и закопал. И надпись написал: у попа была собака...

– Он ее любил, – все еще дрожащим голосом подхватывает Надя. – Она съела кусок мяса...

Молодец, сообразила. Артемка и Неля слушают бесконечную историю про служителя культа и его пса, смеются. Водитель, кажется, успокаивается.

Пронесло...

На улице Баумана останавливаемся у детского кафе «Сказка». В витрине клетка, в ней крутит колесо неунывающая белка. Она, ну, или ее прабабушка, были тут всегда, и когда я был маленький, и когда мы с Витьком били Бики в соседней подворотне. Били за подставу, за Надю...

Как прихотлива судьба! Надя стала Бикиной женой и сейчас я спасаю ее и детей Бики от Витька, превратившегося в бандитского авторитета.

Сидим за столиком. Надя сводила детей в туалет, причесала Нелю. Я заказал пирожные, чай, а нам с Надей кофе.

В «Сказке» все так же уютно, как раньше, хотя выбор блюд в меню изменился. Царит приятный полумрак, много зелени,

деревянных резных шуток. Мы сидим в дальнем от входа углу. Народу не много – рабочий день. Это радует. Если что, если начнется стрельба, пострадавших будет мало.

«Макаров» я снял с предохранителя и держу под рукой. Официантка приносит счет и сообщает, что такси подъедет через пять минут. Все пока идет как надо. Осталось совершить отвлекающий маневр.

Выкладываю деньги, оставляю Надю одевать детей и выхожу на улицу. На Баумана привычная толча, светофор на перекрестке мигает оранжевым. Снегопад закончился. Замечаю телефонную будку, спешу к ней. Прямой номер Витька я помню наизусть.

– Да, – отрывисто бросает он.

– Привет.

– Артамон! – голос у моего друга детства искренне радостный. – Ты где?

– В Караганде. Это Казахстан.

Витек смеется.

– Приколист! Ты чего затихарился? Все на мази, все идет по плану. Давай, звони Хазару, они тебя ждут.

Молчу, лихорадочно соображая, что говорить. Такого поворота я не ожидал. Получается, что, во-первых, у Гумилева все получилось и Витек уверен, что тот, как выражаются бандиты, «зажмурился». А во-вторых, Галимый ничего не знает о побоище в Надиной квартире и думает, что я в Москве. Н-да, плохо в его бригаде со связью.

С горечью думаю: «А соседи, выходит, так ментов и не вызвали. Слышали стрельбу, знают, что в квартире живет женщина с детьми – и никто не позвонил. Ну и люди... Ну и время...».

– Эй! – окликает меня Витек. – Уснул, что ли?

– Здесь я.

– Давай, по бырому. Хазар уже кипешует, что ты слился.

– Витя, а чего мне Хазар?

– Ну-у... – тянет он. – Бабки получишь, то, се...

«А ведь я ему больше не нужен! И Хазар наверняка должен просто меня убрать, – догадываюсь я. – Ну-ка, ну-ка, а если сделать проверочку...»

Катаю пробный шар:

– Слышь, а я ведь из Канаша звоню. В Казань еду.

– На кой? – вырывается у Витька.

– Мы же с тобой... ну, договаривались... А Хазара твоего я не знаю.

Теперь уже молчит Витек. Неужели я прав? Неужели...

– Артамон, швыдкий ты, как понос, – в голосе моего друга слышатся неприятные нотки. – Так дела не делаются. Ладно, для первого раза замнем. Ты когда будешь?

– Через четыре часа.

– Ага. Давай так: подгребай к шести вечера на вторые Горки, где трамвайное кольцо.

Я тупо смотрю на исцарапанный металл телефонного аппарата, невесело улыбаюсь. Место для встречи Витек выбрал аховое – глушь, окраина. Теперь мне все ясно. Но этот кон надо довести до финала, и я «кошу под дурачка».

– Ладно. Бабки привезешь?

– Привезу, не бзди, – уверенно говорит Витек.

Я вешаю трубку, дышу на заледеневшие руки. Вот, оказывается, как все просто... Человек, с которым мы дружили все детство, который много раз бывал у меня дома, который ел борщи и котлеты, приготовленные моей матерью...

Гнида!

Все сомнения по поводу того, правильно ли я поступаю, рассеиваются окончательно. Выхожу из телефонной будки. Надя с детьми стоит у края тротуара. Рядом – серая «Волга» с шашечками. Глубоко вдохнув, выпускаю в морозный воздух струю пара. Пора ехать.

В аэропорту полно народу. Из-за снегопада несколько рейсов отменили, но как раз к нашему приезду погода улучшилась, полосу расчистили и самолеты «встали на крыло». Надя несколько раз успевает сказать, что очень благодарна и что боится за детей. Я ее успокаиваю, как могу. Настроение паршивое. Скорее бы все закончилось...

Лучше всех чувствуют себя дети. Я сказал им, что они с мамой отправляются в путешествие. Неля мало что поняла, но, видя радость Артемки, тоже начала хлопать в ладоши и кричать: «Уля, уля!».

Протиснувшись через толчею в зале ожидания, идем к кассам. Все проходит гладко. Билеты до Ленинграда, который теперь называется Санкт-Петербургом, мы покупаем без проблем. До вылета чуть больше часа, регистрация уже началась. Я вручаю Наде конверт с деньгами, адрес знакомых Гумилева в Хельсинки и объясняю, как ей следует пересечь границу. Артемка с Нелей бегают вокруг нас, играя в догонялки.

– Артем, – Надя заглядывает мне в глаза. – Что теперь будет?

– Все будет хорошо, – я стараюсь говорить как можно увереннее.

– Ты знаешь... – она вздыхает. – Мне Женька звонил...

– Какой Женька?

– Какой-какой...

– Бики, что ли?

– Ну да. Как раз перед тем, как эти пришли.

– И что?

– Артем, он разводится.

– То есть? Погоди, погоди... Да-а-а?! – я смеюсь. – Быстро это у них там...

Надя тоже улыбается, первый раз за все это время.

– Он сказал, что модель в суд подала. Ну, якобы, он ей изменял.

- А он изменял?
- Откуда я знаю, Артем!
- А тебе?
- Что «тебе»?
- Тебе он изменял?
- Надя прячет глаза.
- Я не знаю...

Да, за все эти годы врать она так и не научилась. Я догадываюсь, чем закончится ее рассказ о звонке Бики, и догадка моя оказывается верна.

- Артем, он плакал!
- Сочувствую.
- Он хочет увидеть детей. И меня.

Молчу.

– Я ему ничего не ответила, ни «да», ни «нет». Сказала, что подумаю дней пять. А потом начался этот кошмар... Что ты молчишь, Артем?

- А что я должен делать? Благословить тебя?
- Ну, мне важно, чтобы ты знал... чтобы...

– Надя, – я говорю ласково, но твердо. – У тебя своя жизнь. Я появился в ней случайно – и принес гору проблем. И я уйду, исчезну, чтобы такого больше не было. Не надо оглядываться на меня.

– Артем...

– Подожди! Если ты решила вернуться к Бики – возвращайся. Из Хельсинки, кстати, это будет сделать намного проще. Ты знаешь, как звонить ему в Лондон?

– То есть ты не против? – глаза Нади наполняются слезами.

Это слезы облегчения. И мне вдруг тоже становится легко. Большая-пребольшая проблема решилась сама собой. Ну, точнее, частично ее решил я. А частично – все тот же пресловутый фатум.

Мы прощаемся у стойки регистрации.

– До свидания, Артем.

– Прощай, Надя!

Она берет Нелю за руку. Артемка выворачивается, подбегает ко мне, протягивает ручонку.

– До свидания, дядя А-тем! Мы едем к папе!

Я со всей серьезностью пожимаю теплую ладошку.

– До свидания, тетка! Передавай папе привет.

Надя улыбается. Девушка в темно-синей форме лишенным эмоций голосом торопит ее:

– Женщина, проходите на посадку!

Я поднимаю руку в прощальном жесте. Все, эта часть моей жизни завершена.

Стою у окна на четвертом этаже аэропорта, провожаю глазами взлетающий самолет. Когда он исчезает за серыми облаками, спускаюсь вниз, захожу в туалет. Морщусь от сильного запаха хлорки, жду у писсуара, когда освободится раковина. Люди входят, выходят. Никто ни на кого не обращает внимания.

Достаю из внутреннего кармана припасенные еще в Москве станок, тюбик крема для бритья и помазок. Смотрю на отражение в зеркале. Прощай, борода. Ты свое отслужила.

Избавляюсь от растительности на лице. Захожу в кабинку. Норковую шапку оставляю на сливном бачке – кому-то будет подарок. Выворачиваю пуховик, отстегиваю длинные полы и ногой утрамбовываю их в мусорную корзину. Натягиваю на голову вязаную шапочку с лихой надписью «Go!».

Ловлю себя на мысли, что действую, как заправский шпион из фильма. Хотя... в сущности, я и есть агент, только не иностранной разведки, а серебряной фигурки, висящей у меня на шее. Чужой человек в чужой стране. Вспоминаю, что видел на книжном развале в Москве незнакомую мне книгу

Хайнлайна, чьих «Пасынков Вселенной» в журнале «Вокруг света» мы в старших классах зачитывали до дыр. Зря не купил.

Ладно, к черту лирику. Менты и люди Галимого будут искать мрачного бородача в синем пуховике и меховой шапке. А его уже нет. Есть гладко выбритый, молодой, спортивный парень в серой дутой куртке. Он-то и поедет в Москву – навстречу новой жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проходная пешка

Железнодорожный вокзал в Казани – старое здание из красного кирпича, построенное в разухабистом купеческом стиле. Башенки, окошечки, арочки, карнизчики. Музей кирпичной кладки.

Народу полно, а билетов на Москву нет. Никаких. Очередь у касс негодует. Полная женщина в песцовой шубе высоким голосом кричит о мафии, которая все скупила. Ей поддакивает тощий мужичонка в очках. Негодование распространяется в толпе, как огонь по сухой траве. По общему настрою понятно – пахнет бессмысленным и беспощадным пассажирским бунтом.

Одинокий милиционер у дверей начинает нервничать. Появляется дежурный по вокзалу. Звучат обычные в такой ситуации слова про «напряженный пассажиропоток» и «все уедете, граждане, не волнуйтесь».

Ага, уедете... Когда на горе свистнут. А мне надо сегодня, сейчас. Дело к вечеру. Ночевать негде. Зря я не полетел на самолете. С другой стороны, куда бы я дел оружие – трофейный «макаров» и ТТ, который так и не нашел времени выбросить? Да, от старого ствола надо избавляться. Но это потом. А сейчас во что бы то ни стало необходимо сесть на поезд. Любой – скорый, пассажирский, прямой, проходящий...

Выбираюсь из возмущенной толпы, где каждый что-то говорит или кричит, но никто никого не слушает, на перрон. Пер-

вая платформа пуста, на второй стоит какой-то состав. Бывшая когда-то белой, а теперь покрытая копотью табличка на ближайшем – седьмом – вагоне извещает: «Тында-Москва». У открытой двери вагона топчутся, посмеиваясь, две проводницы. Обе в возрасте, за пятьдесят, форменные шапочки одеты с кокетливой небрежностью. Все ясно. Железнодорожные зубры, точнее зубрихи. В штабном вагоне только такие и ездят.

Подхожу.

– Здрассте. Мне очень нужно в Москву. За ценой не постоим.

Они замолкают, оценивающе разглядывают меня, прикидывая перспективы.

– В СВ есть одно место, – наконец роняет та, что постарше.

– Годится.

Проводницы переглядываются. Они явно не ожидали, что я соглашусь.

– Это будет стоить... – и старшая называет цену.

Ого! От самолета отличается совсем чуть-чуть. Ну да сейчас мне не до экономии. Достāju деньги.

– Пятое купе, – женщина кивает на вагон. – Через минуту отправляемся.

Полученные купюры в ее руках исчезают мгновенно и неизвестно куда. Акопян в юбке да и только.

В вагоне пахнет кофе и пылью. Ковровая дорожка на полу, зеленые занавесочки, чьи-то дети балуются с откидными сидениями. Вот и мое купе. Отодвигаю дверь. Попутчик читает газету «Коммерсантъ». Наверное, какой-нибудь новый русский – так, по-моему, теперь называют коммерсантов. Я вижу только его ноги, обутые в теплые войлочные тапочки. Судя по всему, он вошел незадолго до меня – на воротнике черного пальто, висящего на вешалке, еще не высохли капельки воды от растаявших снежинок.

Здоровуюсь, запикиваю сумку под полку, снимаю куртку. В купе тепло, даже жарко. Состав трогается. За окном проплывают вокзальные огни, доносится невнятный голос дикторши, объявляющей, что наш поезд отправился в путь.

– Таки мир полон идьетов! – сообщает мне из-за газеты попутчик подозрительно знакомым голосом. – Ви только послушайте: «Экзотическая кража в Санкт-Пэтербурге. Носорог лишился предмета своей гордости. Необычное хищение зафиксировали сотрудники пэтербургской милиции. По словам сотрудников пресс-службы ГУВД, нэизвестный вор, воспользовавшись тем, что помещения городского зоологического музея практически не охраняются, через крышу проник на второй этаж пристройки музея. Там он отпилил рога у чучела африканского носорога, после чего разбил окно и скрылся. Сотрудники музея считают, что рога похищены для применения в мэдицинских целях — истолченные в порошок они используются для лечения импотэнции. Однако в таком случае вору можно только посочувствовать. Дэло в том, что похищенные рога чучела носорога в целях сохранения были пропитаны консервантами. Употребление порошка из этих рогов может быть опасно для жизни. По факту кражи возбуждено уголовное дело». Это же средневековье! Дикость, варварство!

– Здравствуйте, Соломон Рувимович! – я улыбаюсь. – Мы с вами прямо как нитка с иголкой.

– И вы будьте у меня здоровеньким, Артем, – «жучок» сворачивает газету, смотрит на меня поверх очков. – Я много жил и скажу – совпадэний таки не бывает. Поэтому будем пить чай.

За чаем узнаю, что Соломон Рувимович все же отважился совершить поездку на «историческую родину» – к детям и внукам.

– Израиль мнэ смотреть не интересно, – прихлебывая железнодорожный чай с лимоном, делится «жучок». – Я все про нэго знаю. А вот увидэть детей и их детей – это таки надо. В моем возрасте нельзя ничэго откладывать...

Затем он переходит к своей любимой теме – международной политике. Я, посмеиваясь, слушаю язвительные комментарии старика относительно всех европейских министров иностранных дел скопом.

– Шлемазлы! Они забывают о главном – хороший министр иностранных дэл живет не в своем врэмени, а двадцатью годами позже! – раздражается Соломон Рувимович.

Неожиданно он умолкает, внимательно смотрит на меня, потом закрывает глаза, и я слышу тоненькое посвистывание.

Уснул. Старческий организм – капризная штука. Очень бы мне не хотелось стать когда-нибудь вот такой болтливой развалиной. Лучше уж сразу – раз, и в ящик. Представляю, как «жучок» утомит своих родственников в Израиле.

– Артем, хотите, – не открывая глаз, вдруг произносит Соломон Рувимович, – я точно скажу, когда вы стали обладатэлем прэдмета?

–Что? – я вздрагиваю.

– Это случилось в июле одна тысяча девятьсот семьдэсят девятого года. Да, да, имэнно тогда. Один раз вы зашли ко мне с обыкновенными глазами, а в другой – уже с разными. Вот так все просто.

– А что вы знаете о предметах?

Соломон Рувимович открывает глаза, снимает очки, протирает стекла бархатной тряпочкой, убирает в футляр и в классическом стиле отвечает вопросом на вопрос:

– Артем, вы уже научились пить водку?

– Обижаете, Соломон Рувимович.

– Тогда давайте будэм пить. У меня эсть. Чудэсная водка, настоящая на мускатном орехе. Совэршенно без запаха, совэршенно! При моей профэссии это таки важно.

– А вам не вредно?

– Хе-хе, Артем. Посмотрите на меня – что уже может быть вредно этому человэку?

Он достает из-за спины свой знаменитый портфель, а из портфеля – пузатую аптекарскую бутылочку с притертой пробкой, наполненную прозрачной жидкостью. На глазок объем бутылочки – грамм триста пятьдесят.

Я поднимаюсь.

– Раз такое дело, пойду сполосну стаканы.

– Идитэ, Артем, только не задерживайтэсь. Помните, что в моем возрасте нельзя ничэго откладывать.

Когда я возвращаюсь с чистыми стаканами в купе, там уже накрыт стол. «Жучок» основательно снаряжен съестными припасами – на чистой льняной салфетке лежат, аккуратно порезанные, копченая колбаса, хлеб, соленые огурцы. На пластиковой тарелочке высится, распространяя волнительные ароматы, горка зажаристых домашних котлет.

– Представляете, Артем, мой младший сын Зямочка тэперь пьет только кошерную водку! – Соломон Рувимович откупоривает свою бутылочку. – Бэдные эвреи, они не знают, что кошерной водка быть не можэт. Ваше здоровье...

Мы чокаемся. Водка, настоящая на мускатных орехах, по вкусу напоминает микстуру, но согревает также хорошо, как и обычная.

– Соломон Рувимович, – напоминаю я, закусив. – Вы начали говорить про предметы...

– Я? Ах да... Ну, что вам сказать за них... Много лэт я наблюдаю за людьми – за людьми с прэдметами, за людьми без прэдметов и даже за прэдметами без людей. Вся наша история, история человечества – это история прэдметов. Да, да, не удивляйтэсь, именно так. Когда-то очень давно, когда наши прэдки ходили в шкурах и жили в пещерах, к ним попал первый прэдмет. Это была улитка.

– Улитка? – переспрашиваю я.

– Именно.

– А что она дает?

– О, практически ничего, да. Всего лишь искорку огня. То есть по желанию владельца улитка могла зажечь костер. Казалось бы – мелочь, эрунда, но! Именно с этого началась наша цивилизация, Артем. И возможно, очень возможно, что не будь улитки, мы сейчас по-прежнему жили бы в пещерах и гонялись с каменными топорами за мамонтами. Хотя кое-кто из эзотериков считал, что без улитки люди сумели бы пойти по иному пути развития. Не уповая на предметы, они стали бы развивать свои внутренние способности, которых в организме человека, поверьте, заложено очень много.

Я киваю. Мысль, высказанная Соломоном Рувимовичем, мне понятна.

– А потом?

– Потом люди стали находить другие предметы. Сильные, слабые, бесполезные. Они становились причинами войн, им поклонялись, как святыням, за ними охотились, из-за них предавали друзей и убивали родственников. Вы помните историю про Каина и Авеля?

– Ну, так, в общих чертах... Что-то библейское, какая-то притча.

– Притча, притча, – кивает «жучок». – Только в ней не сказано, из-за чего Каин поднял руку на брата.

– А вы знаете?

– Конечно, я же уже говорил вам, что наблюдаю за предметами – и в прошлом, и в настоящем, и в... Впрочем, это будет лишняя информация. Не обижайтесь, Артем, но я и так уже рассказывал вам слишком много.

– Знаний много не бывает, – замечаю как бы между прочим.

– Кушайте, Артем, кушайте, – старик дрожащей рукой обводит стол и в своей обычной манере продолжает: – И запомните: если вы таки хотите жить, как нормальный человек – вам не нужны никакие предметы. Бойтесь их, бегите от них сломя голову!

– Что, это так страшно?

Почесав свой налившийся кровью баклажановый нос, Соломон Рувимович задумчиво смотрит в темное окно и произносит:

– Я расскажу вам старый эврейский анекдот. Слушайте: в одном мѣстечке жил юноша по имени Фроим. И, извѣните за пикантную подробность, но слова из анекдота не выкинуть, вместо пупка у нашего Фроима имѣлся болт.

– Болт?

– Самый обыкновенный, только ни один ключ к нему не подходил. Таки вот – когда Фроиму исполнилось тринадцать лет, и его мама тетя Сара справила сыну бар-мицву – шумно справила, как положено в хороших эврейских домах, этот юноша вдруг решил, что он не может больше сидеть дома, и отправился походить по свѣту. Исходив множество земель, нигде Фроим не нашѣл покоя. И тогда он забрался в такие места, где еще не ступала нога чѣстного эврея. И там он отыскал одну волшебную вещь...

Я перестаю дышать, ожидая, что сейчас, пусть и в завуалированной форме, «жучок» поведаѣт мне главную тайну серебряных фигурок.

– Наливайте теперь вы, Артем, – Соломон Рувимович поддвигает свой стакан.

Спрашиваю, набулькивая водку:

– А что дальше-то? Какую волшебную вещь нашел Фроим?

– Такую штуку, которая отворачивает болты и гайки. Ваше здоровье.

Он пьет водку, как воду – маленькими глоточками. Я чувствую себя обманутым.

– Какая еще штука? Гаечный ключ, что ли?

– Имѣнно, молодой человек, имѣнно! Взял Фроим этот ключ и отвѣрнул свой болт. И у него, пардон майн идиш, отвалился тухѣс.

Соломон Рувимович хитро смотрит на меня и поднимает коричневый волосатый палец.

– Мораль! Юношам не следует искать то, что сокрыто, ибо правильно говорил один древний эврей: «Во многих знаниях – много печали».

Водку мы допиваем молча. Соломон Рувимович прав. Я думаю о шкатулке. Если бы я не открыл ее... Впрочем, чего уж сейчас самоедствовать! Если бы да кабы...

Иду выкидывать мусор, снова мою стаканы. Когда возвращаюсь, Соломон Рувимович уже лежит под одеялом. Он желает мне спокойной ночи и отворачивается к стенке.

Стучат колеса, покачивается вагон. Пора и мне на боковую – завтра трудный день. Завтра я, возможно, увижу маму...

Смотрю в темное окно – и вижу человеческое лицо, вытянутое, прозрачное, недоброе, похожее на маску. Человек внимательно разглядывает меня. На мгновение становится жутко – кто это, как, откуда?! Видение длится несколько секунд, потом луч света от станционного фонаря стирает маску.

Тьфу ты, черт, да это же было просто мое отражение! Или нет?..

Расстилаю постель, выключаю свет, ложусь. И в тот момент, когда моя голова касается тощей подушки, слышу глухой голос «жучка»:

– Знаете, Артем, вы стали участником Великой Интриги. Вы таки пэшка на шахматной доске, где гроссмэйстеры разыгрывают свою партию. Но! Если вы будете все делать правильно, есть шанс.

– Какой шанс, Соломон Рувимович?

– Шанс, что пэшка пройдет в фэрзи, молодой человек...

Надо отвлечься, дать мозгу отдохнуть. Я пытаюсь думать о каких-то не связанных с нынешними событиями вещах, но получается плохо – мысли мои неизменно возвращаются к Гуми-

леву, Витьку, Наде, а потом – к Телли... И так всю ночь напролет.

Лишь под утро конь, точно услышав невысказанную просьбу и сжалившись надо мной, дарит видение из далекого прошлого. Я вижу Чингисхана. Крепкого рыжебородого мужчину средних лет. Лицо его прорезано ранними морщинами, глаза сощурены. Но даже так заметно, что они – разные. Наверное, поэтому современники великого завоевателя не сошлись во мнениях относительно их цвета. Одни писали, что у Чингисхана зеленые глаза, другие сравнивали их с голубым весенним небом.

Он смотрит на огонь. Язычки пламени бегут по толстой ветке кедра, брошенной в костер. Вокруг – тьма. В небе поблескивают звезды, чуть в стороне ночной ветер шумит верхушками деревьев. У подножия холма, на котором расположился на отдых повелитель всех монголов, перекликается стража. Далеко в степи горят костры дальних дозоров.

Огонь пожирает ветку, а Чингисхану видится, что это его войска уничтожают ненавистных врагов, что засели на юге, за Великой стеной, не имеющей конца и края.

Китай – вот куда в скором времени будут направлены острия монгольских копий, вот куда повернутся морды монгольских коней! Пока цзиньские Алтан-ханы сидят на своих позолоченных престолах, нет и никогда не будет ему покоя.

Но прежде, чем идти походом на Китай, нужно покончить с врагами здесь, в степи. Так хочет Вечное Синее небо, не зря оно выбрало его и сделало Чингисханом.

Чингисхан... Это выше, чем все прочие титулы в иерархии степной аристократии. Каган волею Вечного Синего неба. Царь царей. Владыка владык. Нойоны, ханы, гур-ханы, ван-ханы... Все они падают теперь ниц перед ним. Все они служат ему. Все, кроме одного человека!

Чингисхан – повелитель всех монголов и многих соседних народов. Враги рассеяны или убиты. Татары, меркиты, кера-

иты, найманы больше никогда не будут угрожать его подданным. Любой из монголов, даже самый безродный пастух-арат, может спокойно спать в своей юрте, не опасаясь за свою жизнь, жизнь жен и детей, за добро и скот. Да, пришлось пролить реки крови, чтобы так стало, но теперь мир воцарился в степи. Чингисхан знает это хорошо.

Лишь один человек не покорился его воле. Лишь один человек не хочет мира. Лишь один человек не спит ночами, точит меч, острит стрелы, думая об одном – как извести Есугеева сына.

Имя этому человеку – Джамуха.

Побратим-анда, что не раз спасал Чингисхану, когда тот еще был Темуджином, жизнь и честь. Гордый, хитрый, отчаянный человек, лихой рубака и верный друг, Джамуха не принял волю Вечного Синего неба, не склонил голову перед избранником Тенгри.

Он созвал сторонников, вольных нойонов, затуманил им головы речами о свободе и заветах предков. Немало степных удалцов поверило Джамухе. Анда Чингисхана собрал большое войско. Лесные ойраты, хатагины, дорбены, икересы и даже родичи Борте из племени унгиратов встали под зеленый туг Джамухи. Старики провозгласили его гур-ханом и сотворили обряд жертвоприношения, зарезав на берегу реки Кан белую кобылицу и черного жеребенка. Джамуха, как рассказали Чингисхану, бросил в воду ком земли, мечом отрубил у старой ивы несколько ветвей и сказал, обращаясь к своим новым подданным:

– Тот из нас, кто предаст общее дело, да будет поглощен водой, как эта земля, и иссечен сталью, как эти ветви!

И была война. И были битвы. И не во всех удача сопутствовала сыну Есугей-багатура...

Чингисхан пошевелился, подбросил в костер дров, натянул на плечо сползший войлочный плащ. Ночь выдалась морозной,

тревожной. В такую ночь молодые тигры-бары выходят из тайги. Они идут к куреням, чтобы попробовать отбить у пастухов овцу или жеребенка. Тигры припадают к холодной земле, дыбят коричневую шерсть на загривках и ползут к изгородям, поскрипывая в темноте желтыми злыми глазами.

Монголы ненавидят баров. Тигры сильны и хитры. Об их коварстве сложены легенды. Степной хищник – волк – пользуется у степняков уважением за простые и честные повадки.

Джамуха по своим повадкам очень похож на бара. И глаза у анды как раз такие – желтые, хищные. Но так решило Вечное Синее небо, что тигром стал Джамуха, а Волк, серебряный Волк, вызывающий у врагов обессиливающий страх, достался сыну Есугея-багатура.

Порыв ветра бросил в лицо Чингисхану клуб едкого дыма. Владыка всех монголов закашлялся, непроизвольно провел рукой по шее и отдернул руку, едва только пальцы коснулись короткого шрама под челюстью.

Да, в войне с тигром-Джамухой и вольными нойонами удача сопутствовала ему не всегда. Чингисхан навечно запомнил ту страшную битву у озера Колен, когда шаманы из стана его анды, ставшего врагом, накликали посреди знойного лета снежную бурю, чей ветер валил с ног коней. В круговерти метели все смешалось и никто не понимал, где чьи воины, куда гнать коней и кого рубить мечом.

Рати Чингисхана и Джамухи рассеялись, перемешались. Так вышло, что рядом с повелителем остался только Джелме, сын старого кузнеца Джарчиудай-евгена. Верный своему господину, Джелме скакал с ним бок о бок, прикрывая от случайных стрел.

За снежной пеленой никто из войска Чингисхана не заметил, как со стороны Онона к месту сражения подошли тайджиутские князья, давние недруги сына Есугея-багатура. Их воины, сбившись в плотный кулак, ударили в тыл туменам Чингисха-

на. Но произошло это в тот момент, когда его передовым отрядам как раз удалось рассечь надвое воинство Джамухи, также страдавшее от ветра и снега.

Битва, то затихая, то разгораясь с новой силой, длилась весь день. К ночи так и не стало понятно – то ли Джамуха и тайджиуты одолели сына Есугея, то ли его воины разгромили врага. Большая часть воинов Чингисхана отошла за реку Онон, но это было не крепкое войско, спаянное железной дисциплиной, а разрозненные группки людей, пробиравшихся через темную степь на свой страх и риск. И не нашлось никого, кто бы собрал их, наплат смелостью испугавшихся и отвагой – отчаявшихся.

Не нашлось потому, что повелитель всех монголов лежал на берегу Онона, раненый тайджиутской стрелой в шею.

Случилось это так: в какой-то момент кончился снегопад, стих ветер и Чингисхан с Джелме увидели, что находятся рядом с невысокой горой, вершина которой поросла лесом. Битва шумела в стороне, ближе к речной излучине, а здесь царила такая тишина, что даже суслики осмелели и высунулись из своих нор, тревожно пересвистываясь.

В сотне шагов выше по склону Чингисхан заметил вооруженного человека на черном коне. Судя по синему цвету его халата-дээла и бунчуку на копье, это был кто-то из тайджиутов.

– Господин, я подстрелю его! – азартно воскликнул Джелме, вытаскивая лук, но Чингисхан остановил своего верного нукера.

– Я сам!

Вскинув лук, сын Есугея пустил стрелу, но коварный порыв ветра изменил направление полета. Чингисхан не попал. Тайджиут захохотал так громко, что эхо запрыгало по всей долине, перекрыв вопли сражающихся внизу воинов и звон оружия.

– Меня зовут Джирхо, я из рода Бесут! – крикнул он. – Ты никомудышный стрелок, Темуджин! Смотри, как надо!

И тайджиут выстрелил, пустив длинную белоперую стрелу.

– Осторожнее, господин! – крикнул Джелме, ударив своего коня пятками. Но он не успел ни прикрыть Чингисхана щитом, ни столкнуть его с коня. Сын Есугея-багатура, задрав голову, как замороженный, смотрел на приближающуюся стрелу.

Миг – и она пробила ему шею с левой стороны, выставив окровавленный наконечник ниже уха. Чингисхан пошатнулся, закричал зубами, припал к конской гриве. Джелме завизжал от ярости и принялся пускать в Джирхо стрелу за стрелой, но тайджиут не принял боя. Хлестнув черного жеребца плетью, он погнал его прочь. В то же мгновение тучи над горой сгустились, и вновь повалил густой мокрый снег.

Чингисхан помнил, что сам сломал древко стрелы и вытащил ее из раны. Кровь потекла, как кумыс из кувшина – широкой струей, заливая плечо и грудь. В ушах зашумело, перед глазами поплыли темные круги и он, потеряв сознание, повалился под ноги коня, в заснеженную траву.

Очнулся сын Есугея в темноте. Стояла сырая, промозглая ночь. Где-то неподалеку накатывались на низкий берег волны Онона. За черной водой ярко пылали костры, слышались веселые крики, песни. Чингисхан догадался – там встали временным лагерем Джамуха или тайджиуты. От слабости он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Шея онемела, язык во рту распух и казался горячим камнем, всунутым туда в наказание.

– Пить... – прохрипел владыка монголов.

Из мрака возникло бледное, встревоженное лицо Джелме. Он что-то сказал, но Чингисхан не услышал – вновь впал в забытие.

Снова он пришел в себя только под утро. На этот раз ему удалось приподнять голову и оглядеться. Серый рассвет полз по небу, присыпая ночную тьму пеплом. По Онону плыл туман. Рядом никого не было. «Джелме бросил меня, – подумал Чингис-

хан. – Мы проиграли битву. Сейчас на запах крови из степи придут волки и завершат то, что не сумел сделать тот тайджиут...».

Плеск воды он услышал, когда первые лучи солнца окрасили небесный пепел рассветной кровью. Джелме, голый, мокрый, с тинной в волосах, упал рядом со своим повелителем на колени и протянул завязанный куском кожи рог.

– Господин, вот кислое молоко. Пей.

Напившись, Чингисхан почувствовал себя лучше.

– Откуда молоко? – спросил он.

– Я переплыл реку и украл этот рог в становище тайджиутов, что на том берегу, – одеваясь, просто ответил Джелме.

– Как ты смел бросить меня?! – тихо, почти шепотом, прорычал Чингисхан. – А если бы тебя схватили?

– Я не зря разделся, господин. Если бы меня поймали, я совра бы, что мне по душе Джамуха и его слова о свободе. Я сказал бы, что собрался перейти под его туг, но ты, господин, узнал мои замыслы и велел убить меня. Палачи уже стащили с меня последние штаны, но тут мне удалось бежать. Вот так бы я сказал.

– А потом?

– Разве не вернулся бы я к тебе на первой же лошади? – просто душно спросил Джелме.

Чингисхан допил остатки молока и заметил рядом с собой розовую лужицу, в которой плавали кровавые сгустки.

– Это что?

– Повелитель, твоя рана тяжела. Если кровь в ней сгустилась бы в комок, его по жиле могло унести в голову или сердце. Это верная смерть, поэтому я отсасывал комки твоей крови, пока рана не закрылась.

– Прозрело мое внутреннее око, – уставившись в небо, сказал Чингисхан. – Я вечно буду помнить, о Джелме, сын Джарчиудай-евгена, как ты спас меня, сохранил жизнь мою во благо всем монголам.

– Я делал то, что должно, господин.

Родившийся день оказался щедр на неожиданности и удивительные события. Встретив рассвет полумертвым, к полудню Чингисхан уже смог сидеть в седле. Джелме перевязал ему рану чистой тряпичей и она почти не беспокоила владыку монголов. Но мысли путались в его голове и были они чернее ночи. Объехав окрестности, удалось собрать всего полторы сотни всадников. Никто не знал, где остальные, где враг, и что делать дальше.

Когда закат окрасил багрянцем западную часть неба, из степи примчался воин на взмыленном коне. Спешившись, он пошатнулся, но нашел в себе силы поклониться Чингисхану.

– О, владыка, я принес тебе вести от верного твоего слуги Боорчу-нойона!

– Говори, – хриплым голосом потребовал Чингисхан.

– Прошлой ночью Боорчу с тысячей нукеров вошел в становище тайджиутов и говорил с их старейшинами. Тайджиуты не довольны гур-ханом Джамухой. Он забрал у них повозки и теплую одежду. Его джардараны убили тех, кто пытался защитить свое добро.

– Тигр убивает собственных детенышей. Это хорошо! – сказал Чингисхан и расширившиеся глаза его засверкали, словно драгоценные камни.

– То же они сотворили и с найманами, и с меркитами, и с татарами. Вожди этих племен покинули Джамуху и ушли в свои земли. Из тайджиутов с ним остался только Таргитай-Кирилтух со своими нукерами. Остальные тайджиуты готовы встать под твой справедливый белохвостый туг, повелитель. Они ждут тебя на том берегу и...

Не дослушав, Чингисхан хлестнул саврасого жеребца плетью и поскакал к броду через Онон. Джелме и остальные воины устремились следом.

Когда сын Есугея-багатура въехал во временный лагерь бывших подданных своего отца, лицо его не выражало никаких

эмоций, хотя на самом деле Чингисхан готов был соскочить с коня и расцеловать каждого из тайджиутов, что стояли возле своих коней, понутив головы.

Боорчу, сияя белозубой улыбкой, подбежал к лошади Чингисхана, взял ее под уздцы.

– Темуджин, посмотри, сколько отважных удальцов готовы идти за тобой!

Только первый нукер, только Боорчу – да еще, пожалуй, мать, Борте и братья – имел право называть повелителя всех монголов прежним именем. Чингисхан с первого дня их знакомства верил этому человеку, как себе, ибо Боорчу пошел к нему на службу не за богатства, не из страха, а по воле сердца. И сейчас первый нукер не подвел, преподнеся своему господину и другу воистину бесценный дар. Курень Есугея-багатура возродился, тайджиуты вернулись под длань Борджигинов.

– Хвала Вечному Синему небу, – произнес Чингисхан и обвел взглядом столпившихся вокруг воинов. – И впрямь удальцы. Один из них, стрелок милостью Тенгри, вчера даже прострелил мне шею. С такими нукерами я завоюю весь мир. Жаль, если этот мерген⁶ погиб...

– Я здесь! – раздался вдруг звонкий голос.

Из рядов тайджиутов вышел, ведя за собой вороного коня, высокий худой парень в синем дээле.

– Я зарублю тебя! – взвизгнул Джелме, выхватывая кривой тангутский меч.

Он бросился к стрелку, замахнулся...

– Подожди, – Чингисхан жестом остановил своего нукера. – Убить его мы всегда успеем, ведь Джирхо из рода Бесут не прячется от нашего гнева...

– У нас был честный поединок, – дерзко ответил парень, хотя лицо его побледнело. – Господин, вы стреляли первым, я лишь ответил. Тенгри милостив – моя стрела нашла цель...

⁶ Мерген (монг.) – меткий стрелок

– Ну да, с горы-то... – хмыкнул Чингисхан. Боорчу засмеялся, подмигнул парню.

– Тенгри мудр – она не оборвала вашу жизнь, – закончил тот и умолк, глядя прямо в разноцветные глаза Чингисхана.

– Ты не боишься меня, – повелитель всех монголов задумчиво посмотрел в темнеющее небо. – Это хорошо. Это очень хорошо. Ты прям, как... как твоя стрела, что попала в меня. Ты остер на язык, как ее наконечник, что пробил мне шею. Стрела...

Тайджиут побледнел еще больше и упал на одно колено, прижав правую руку к груди. Голову он при этом не склонил, продолжая смотреть Чингисхану в лицо.

Все вокруг замерли. Наступила полная тишина. Тайджиуты понимали – от того решения, что примет сейчас Чингисхан, зависело и их будущее.

– Вот! – Чингисхан привстал в седле и указал на стрелка. – Таким должен быть истинный монгол. Я люблю тех, кто прям и отважен. Встань, воин! Отныне зваться тебе Джебе⁷ и быть при мне нукером первой сотни. Джелме, прими его как брата и не держи зла. А теперь, тайджиуты, седлайте коней – мы возвращаемся на родные всем нам земли. Ху-rrrr-а!

И тысячи обрадованных голосов поддержали клич своего господина:

– Хурrrr-а-а!!

...С той поры много воды утекло в Ононе. Где ныне былая сила Джамухи? Где слава меркитов, найманов, татар? Втоптана она копытами монгольских коней в пыль и теперь лишь белые кости на местах сражений напоминают о тех, кто дерзнул противиться воле Вечного Синего неба – и серебряному волку.

Правда, коварный тигр Джамуха не успокоился. С остатками племени джардаранов и последними из вольных нойонов коче-

⁷ Джебе (монг.) – стрела. Джебе-нойон в дальнейшем стал одним из крупнейших полководцев в армии Чингисхана. Вместе с Субудей-багатуром он возглавил легендарный рейд монголов в Восточную Европу и на Русь

вал он на окраинах монгольских степей, изредка разоряя курени и убивая слуг Чингисхана. Пользовался Джамуха тем, что не до него было сыну Есугея – новая беда нависла над его народом.

Обеспокоенные мощью нового монгольского владыки, зашевелились за Великой стеной цзиньцы. Посланники Алтан-хана прибыли ко двору названного отца Чингисхана Тоорила кераитского. Золотом и лестью убедили старого хана стать карающим мечом золотой империи. Сын Есугея попробовал отговорить Тоорила, но тщетно. Началась новая война.

Где дружины «детей ворона» кераитов, наводившие ужас на врагов? Там же, где и остальные враги Чингисхана – в небесной степи. А здесь, на земле, черепа кераитских багатуров грызут лисы-корсаки да моют осенние дожди.

Племянницы Тоорила Ибаха-беки и Сорхахтани греют теперь ложа Чингисхана и сына его Толуя. Так захотело Вечное Синее небо.

Пришел черед Джамухи ответить за все то зло, что принес он монголам. Три кровавые битвы пожрали остатки его воинства. Из последней бывший анда Чингисхана вышел всего лишь с пятью нукерами. Они отправились в верховья Енисея, на гору Танлу, в дикие края, надеясь, что монголы потеряют их след. Но стремительный Джебе и упорный Желме выследили беглецов.

Чингисхан с туменом воинов сам прибыл к подножью Танлу, чтобы поохотиться на Джамуху. Завтра утром начнется облава. Ни дремучие леса, ни заснеженные склоны, ни острые скалы не спасут тигра от разъяренного волка.

А сейчас надо спать. Поход за Великую стену можно готовить, только покончив с андой-предателем. Чингисхан отвернулся от костра, накрылся с головой и мгновенно погрузился в сон...

Он не проспал и часа – топот множества копыт поднял повелителя монголов с походного ложа. Первыми к потухшему ханскому костру прибыли телохранители-турхауды во главе с одним из «четырех героев»⁸ джалаиром Мухали. Они окружили Чингисхана тройным кольцом и зажгли факелы.

– Почему ты прервал мой сон? – недовольно спросил у Мухали Чингисхан.

– Подарок не спрашивает, когда ему дариться, – с поклоном ответил Мухали, звеня доспехами.

Чингисхан кивнул, уселся на свернутый плащ и потребовал чашку горячего чая, заправленного козьим молоком и овечьим жиром. Пока он мелкими глотками пил остро пахнущую жидкость, на вершину холма поднялась многолюдная процессия.

Во главе ее ехали Джебе и Боорчу. Они вели в поводу коня, на котором сидел связанный человек в потрепанной одежде. На голову его был надет мешок. Следом шагали пятеро угрюмых людей, судя по черной одежде, джардаранов. Завидев Чингисхана, они рухнули на колени, уткнулись лбами в побитую инеем траву и заложили руки за спины в знак того, что вверяют ему свои жизни.

Выплеснув остатки чая в костер – в знак признательности духам огня – Чингисхан отдал опустевшую чашку одному из турхаудов, разгладил бороду.

– Черные вороны вздумали поймать селезня, – прозвучал из-под мешка глухой голос, заставивший сына Есугея вздрогнуть. – Рабы вздумали поднять руку на своего хана. У анды моего что за это делают?

– Снимите мешок, – чуть помешкав, велел Чингисхан. – И развяжите его. А тех, кто поднял руку на хана своего – истребить на месте!

⁸ «Четыре героя» – Боорчу, Мухали, Борохул и Чилаун. Четыре предводителя гвардии Чингисхана, т.н. кешика, в дальнейшем – видные полководцы

Стоявшие на коленях джардараны дружно взвыли. Джебе соскочил с коня, на ходу выхватил из-за пояса кривой широкий меч. Этот клинок, сработанный китайскими мастерами, он добыл во время похода на кераитов. Меч разрубал железо как дерево, а по лезвию вился диковинный волнистый узор.

Освобожденный Джамуха с интересом смотрел, как его недавние слуги расстаются с жизнью. Когда последний из джардаранов был обезглавлен и Джебе вытер окровавленный клинок о полу халата, Джамуха перевел взгляд на Чингисхана. Тот по-прежнему сидел в седле и смотрел на бывшего побратима сверху вниз.

Чингисхан долго разглядывал Джамуху, заметив про себя, что тот сильно изменился за годы, что они не виделись. В густых черных волосах Джамухи появились седые пряди, лицо потемнело. Лишь глаза остались прежними – дерзкими, злыми глазами тигра, готовящегося к прыжку.

– Слезай, – сказал Чингисхан и подбросил дров в затухающий костер. Боорчу и остальным он коротко приказал: – Оставьте нас!

Турхауды отступили от костра на тридцать шагов. Джамуха спешился, уселся рядом с побратимом, вытащил из-за пазухи кусок вяленого козьего мяса.

– Я голоден.

– Ты всегда голоден, брат, – заметил Чингисхан.

– Это верно, – расхохотался Джамуха и крепкими зубами впился в мясо.

– Вот мы и встретились с тобой, брат, – негромко, задумчиво произнес Чингисхан. – Я многим обязан тебе. И в первую очередь – жизнью. Поэтому, в память о былой дружбе, хочу я привести тебя в память, пробудить заспавшегося. Ведь ты раньше страдал сердцем за меня, брат!

Джамуха проглотил мясо, отшвырнул недоеденное в темноту. Повернувшись к Чингисхану, он медленно сказал, стиснув наборный пояс:

– В далекой юности, на берегах реки Сангур, мы побратались с тобой, анда, и поклялись в верности друг другу. С той поры минуло множество лет. Было время, когда мы ели одну пищу, говорили речи, которые не забываются, и укрывались одним одеялом. Потом волею злых людей, недругов наших, разошлись наши пути, и кони наши побежали в разные стороны. Кровь встала между нами, анда. Теперь же проявляешь ты милость, Темуджин, и призываешь меня возродить былую дружбу... Но разве можно скрепить сломанный клинок, разве можно склеить переломленную стрелу? Не сдружились мы с тобой, когда было время сдружиться. Ныне ты – царь над царями, владыка степи, тебя подняли на белом войлоке и все враги пали от руки твоей. И дружбу ты подаешь мне, как милость свою.

Чингисхан дернулся.

– К чему тебе дружба моя, коли у ног твоих весь мир? – продолжал Джамуха. – Если я приму ее – в тяжелом сне и днем ясным будешь ты думать обо мне – и не верить.

Сын Есугея попытался возразить, но Джамуха властно оборвал его.

– Молчи, Темуджин! У тебя мудрая мать и умная жена. У тебя сильные братья и верные друзья. Тебя боятся враги. Вот почему ты стал Чингисханом! А я... Я – острая колючка в твоем плаще, кусачая блоха в твоей шубе. Поэтому не прошу – по праву анды требую: отправь меня поскорее на небесные луга. Там я буду молить за тебя Тенгри и тем сослужу тебе службу.

– Что ты говоришь? О чем просишь?! – пораженно пробормотал Чингисхан.

– Казни меня, Темуджин, анда мой, – крикнул Джамуха, вскакивая на ноги. – Казни по обычаю предков, без пролития крови, чтобы душа моя не вышла наружу и не затерялась в этих диких землях. Ну!

– Нет!

– Я не принимаю твой милости, Чингисхан! – снова крикнул Джамуха, крикнул так громко, что стоявшие спиной турхауды обернулись, взявшись за рукояти мечей. – Убей меня!

– Нет.

– Пойми, анда, – Джамуха вдруг упал на колени, заглянул своими желтыми глазами в холодные глаза Чингисхана. – Я всегда буду мешать тебе. Я встану поперек всех твоих замыслов! Волк и тигр не уживутся вместе, и целой степи нам будет мало! Если ты оставишь меня в живых, еслипустишь...

По-медвежьи грузно Чингисхан поднялся и встал перед Джамухой.

– Ты выбрал.

– Да, анда. Прощай.

– Прощай, Джамуха-сечен. Счастливой тебе жизни в Небесной степи...

Пальцы Чингисхана сомкнулись на шее побратима. Джамуха развел руки в стороны, закрыл глаза, засучил ногами, захрипел... Вскоре его бездыханное тело повалилось к ногам сына Есугея-багатура.

– Похороните Джамуху-сечена как хана, – слова Чингисхана, обращенные к приблизившимся нукерам, звучали глухо, словно это его шею сжимали безжалостные пальцы палача. – Здесь, на этом холме. Утром мы возвращаемся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мама

Утром мы прощаемся. Соломона Рувимовича встречают родственники. Дородный мужчина в длинном кожаном плаще на меху и женщина в богатой белой шубе обнимают старика и под руки ведут его сквозь вокзальную толпу. Я смотрю им вслед, закидываю сумку на плечо. Мне тоже пора.

Звоню Гумилеву. Договариваемся встретиться у памятника Пушкину. Я приезжаю туда первым, сажусь на холодную лавочку. Вокруг кипит жизнь. Мимо меня проходят хихикающие стайки молодежи.

Скоро Новый год, витрины магазинов и кафе увешаны разноцветными гирляндами, у кинотеатра «Россия» рабочие с помощью подъемника наряжают огромную елку.

На кинотеатре – большая афиша: постаревший Никита Михалков в довоенной советской фуражке, рядом какие-то незнакомые мне люди, девочка в панамке. Фильм называется «Утомленные солнцем». У касс – очередь.

Гумилев появляется минут через пятнадцать. Я к этому моменту успеваю здорово замерзнуть. Андрей весел, на лице молодецкий румянец. Он не сразу узнает меня без бороды:

– Ничего себе! Да ты лет на десять помолодел.

– На четырнадцать, – я киваю на скамейку. – Присаживайся. Я так понимаю, все получилось?

– Получилось? – он широко улыбается, но садиться не спешит. – С перевыполнением! Пойдем, в тепле посидим...

– Куда? – настороженно спрашиваю я.

– Куда-нибудь, – он пожимает плечами. – Не здесь же сидеть. На холодном вообще сидеть вредно, не знаешь разве?

Я поднимаюсь с ледяной скамейки. Да, пожалуй, парень прав.

– Пойдем, – он показывает куда-то в сторону от бульвара. – Там есть один кабачок...

Мы спускаемся в подземный переход, где, по-моему, еще холоднее, чем на улице. Выходим на тускло освещенную улицу, Гумилев уверенно идет впереди.

Сворачиваем в какой-то темный переулок. Моя рука сама скользит в карман, нащупывает холодную рукоятку ТТ. После казанских событий мне всюду мерещатся засады, кажется, что вот-вот из-за угла выпрыгнет убийца с лицом застреленного мной лысого бугая... Но напрягаюсь я зря: пройдя еще метров сто, мы сворачиваем в какую-то подворотню, где над дверью в стене горят ядовито-зеленые буквы: «Палермо».

– Нам сюда, – говорит, оборачиваясь, Гумилев, и толкает тяжелую металлическую дверь. За дверью лестница, ведущая вниз. Мы спускаемся по скользким грязным ступенькам и попадаем в полутемный сводчатый зал, где играет негромкая музыка и пахнет хорошим табаком. Народу немного, видно, цены в «Палермо» не каждому по карману. Я иду вслед за Андреем к спрятанному за колонной столику, сажусь спиной к стене, лицом ко входу.

– Ну, рассказывай – как, что...

Он машет рукой.

– Погоди, а у тебя-то как? Мне из Хельсинки звонили, твоя Надя уже там, но к ней какой-то муж приехал. Цветов привез целый грузовик.

– Ну и слава богу, что приехал.

– А я думал, вы с ней...

Качаю головой.

– Все нормально, Андрюха, это мои дела.

– Понял, не лезу, – Гумилев кивает в ответ. В это время к нам подходит официантка, и Андрей, радуясь, что может соскочить со скользкой темы, делает заказ – подробно и обстоятельно. Я слушаю рассеянno, внимание привлекают только неизвестные мне слова «сальтимбокка» и «маскарпоне». Судя по тому, сколько всего назаказывал Гумилев, он пришел на встречу очень голодным.

Официантка быстро приносит закуски, и Андрей с аппетитом набрасывается на еду. Маскарпоне оказывается мягким сливочным сыром, его подают с ломтиками апельсинов на небольших белых тарелках. Я намазываю его на хлеб, как плавленый сырок «Дружба» из моего детства. Впрочем, хлеб здесь тоже необычный, с хрустящей корочкой и сильным чесночным привкусом.

– Их взяли четыре часа назад, – дожевав, сообщает Гумилев. – Не знаю уж, что там наши доблестные органы мутили, но на похоронах появился не только Богдашвили, но и твой Галимый. Да еще – представь – со стволом в кармане. А с ними десяток бандюганов калибром помельче. Мне Крупин, это майор–кэзбэшник, или как они там сейчас – ФСК? – отзвонился только что. Так что хоронили меня весело и шумно.

– Долго жить будешь. Примета такая.

– Знаю, слышал, – Андрей улыбается.

– Проблем с КГБ... с ФСК не было?

– Да какие проблемы? Им же показатели тоже нужны. А тут такое жирное дело – дружок твой, как я понял, большая фигура на бандитском поле России. Я, как только помянул его, все сразу забежали, словно я им живого Гитлера привел. Ну и на Богдашвили у них материала полно было, не хватало только какой-нибудь чисто уголовной зацепки.

Я задаю вопрос, давно уже вертящийся на языке:

– Про меня спрашивали?

Андрей мрачнеет.

– А ты как думаешь? Ты им нужен, Артем. Очень. Ты, вместе со мной – главный свидетель обвинения.

Я невесело усмехаюсь. Как же, свидетель... А три трупа в квартире Нади? Как только они докопаются до этого, а они обязательно докопаются, так я моментально – р-раз! – и превращусь из свидетеля в обвиняемого, причем светит мне едва ли не «высшая мера». Или сейчас расстрела нет?

– Извини, – говорю Гумилеву. – Ничего не выйдет.

– Кто бы сомневался, – понимающе кивает он. – Крупин так и сказал.

– И что? Тебя пасут, и меня сейчас повяжут? – я произношу эти слова вроде бы шутливым тоном, но голос мой подрагивает от внутреннего напряжения. Ощупываю взглядом полутемный зал «Палермо». Нет, вроде бы все спокойно...

– Хорошего же ты обо мне мнения, – каменеет лицом Андрей. – Я им сказал, что ты давно уже за бугром нервы лечишь. Правда...

– Что «правда»?

Он лезет за пазуху и достает черную коробочку с кнопками.

– Вот, диктофоном меня премировали. Крупин сказал – если вдруг буду с тобой по телефону общаться, хорошо бы, чтобы ты надиктовал показания. Тебе, мол, уже без разницы, а родному государству польза.

Я криво ухмыляюсь. Незнакомый мне майор Крупин, конечно, тот еще жук... «Родному государству». Где оно, мое родное государство...

– Надиктовать-то я, конечно, надиктую. Но все это ерунда.

– Почему?

– Понимаешь, Андрей, меня нет. Я не гражданин, не имею документов и биография моя... как бы это помягче... не совсем моя.

Гумилев снова кивает:

– То, что ты человек непростой – и слепой заметит. Я даже не рискну предположить, сколько тебе лет.

– Шестьдесят первого года рождения. В конце семьдесят девятого меня призвали в армию, через пару месяцев попал в Афганистан. А дальше... В общем, там много всякого было и теперь при желании меня можно выставить и дезертиром, и преступником. Но официально я, Артем Владимирович Новиков, погиб. Моя мать получила уведомление, похоронку то есть. И погиб я, Андрюха, аж в восьмидесятом году. Сам понимаешь – светиться в суде мне никак не резон.

В это время приносят сальтимбocca, похожие на тонкие котлеты, на которые сверху положены ломтики ветчины.

– Знаешь, что по-итальянски значит «сальтимбocca»? – подмигивает мне Андрей. – «Прыгни в рот»!

– Понятно, – мне это, честно говоря, не слишком интересно, куда важнее другое. – Кстати – ты просьбу мою выполнил?

– Просьбу? Да, конечно, – он лезет в карман, достает листочек. – Вот, держи. Новикова Валентина Николаевна. Тут все записано – и адрес, и данные. Только телефона нет. Там новые дома, она недавно переехала, еще линии не провели. Да, вот деньги еще, три тысячи долларов. Возьми.

– Спасибо, – я убираю плотную пачку купюр, внимательно изучаю адрес, потом прячу листочек поближе к сердцу, улыбаюсь.

Сегодня я увижу маму.

В углу зала на кронштейне укреплен большой телевизор. Он работает бесшумно, сейчас там показывают рекламу. Красочный ролик какого-то импортного шоколада сменяется выпуском новостей.

– Смотри, смотри, – толкает меня Андрей.

На экране – кадры оперативной съемки. Кладбище, похоронная процессия. За гробом идут люди. Сверху неспешно падает снежок.

– Девушка, – обращается Гумилев к официантке, – можно на минутку звук прибавить?

Если официантка удивлена, то ничем этого не показывает. Она берет со стойки пульт и нажимает какие-то клавиши.

Голос диктора перебивает тихую музыку Эннио Морриконе:

– Сегодня в результате спецоперации, проведенной сотрудниками ФСК, были задержаны известный предприниматель Богдашвили и глава организованной преступной группировки Галимов. Богдашвили и Галимов вступили в преступный сговор с целью устранения предпринимателя, имя которого в интересах следствия не разглашается. Но благодаря упреждающим оперативным действиям ФСК, киллер, нанятый преступниками, выдал планы своих заказчиков. Во время мнимых похорон...

На экране появляются вооруженные люди в камуфляже и масках. Они споро и умело валят пришедших на похороны в снег, потом по одному ведут их к машинам. Вижу Витька – растрепанные волосы, злое красное лицо. Он что-то кричит, но мы слышим только голос диктора:

– ...преступники и их подручные были задержаны. Возбуждено уголовное дело сразу по нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Картинка меняется. Теперь на экране показывают какой-то богато украшенный зал с лепниной и мрамором, за длинным столом сидят важного вида люди.

– Все, – говорит Гумилев официантке, – спасибо большое, можете выключить звук.

И снова с аппетитом набрасывается на сальтимбокку.

Спрашиваю у Гумилева:

– А ты не боишься? У Галимого большая банда. Кто-то наверняка останется.

– Нет, – улыбается он. – Я им теперь не по зубам. Мне, понимаешь ли, интересное предложение сделали. В ФСК, как ты сам догадываешься, не дураки сидят, они тоже понимают,

что будущее – за новыми технологиями. И это не только средства связи. Грядет компьютерная революция, Артем. Точнее, она уже началась, а мы отстаем. В общем, в ближайшее время я буду заниматься именно этим: компьютеризация, интеграция средств связи и компьютерных сетей... Ты про интернет что-нибудь слышал?

– Нет. А что это?

– Это будущее, Артем, – очень серьезно говорит он. – То, что изменит мир уже через несколько лет. Сеть, опутывающая весь земной шар, всемирная паутина! Множество точек доступа, серверы, компьютеры, сайты. Море информации, обмен данными, сетевые библиотеки, личные разделы, электронная почта! Представь: вот ты сидишь где-нибудь в Москве, за компьютером, а я – на Чукотке, и у меня тоже компьютер. И нам надо срочно обмениваться информацией. Мы выходим в интернет – и все!

– Что – «все»?

– И общаемся. Пересылаем друг другу тексты, таблицы, картинки. Все просто...

Он с сожалением отставляет от себя пустую тарелку.

– Но самое главное даже не это. Первые компьютерные сети появились давно, еще в шестьдесят девятом, американские военные придумали связывать между собой компьютеры, чтобы рассредоточить базы данных на случай вражеского удара... А сейчас – сейчас таких объединенных в сеть компьютеров уже сотни тысяч по всей Земле. Представь, что будет, когда их будут миллионы!

– Ну, удобно будет, наверное, – говорю я, чтобы что-то сказать. Проблемы Андрея чрезвычайно далеки от меня, все-таки мы с ним из разных миров...

– Не просто удобно. Миллионы компьютеров – это как нейроны в мозгу, понимаешь? И они связаны в одно целое. Улавливаешь аналогию?

– Нет, – честно говорю я, – не улавливаю.

– Мозг! – улыбается он, немного снисходительно глядя на меня. – Искусственный интеллект! Гигантский разум, способный собирать и обрабатывать информацию со всего света. Вот это будет настоящий прорыв! С помощью такого исины...

– Чего?

– Исины, искусственного интеллекта, появится возможность совершать открытия, строить принципиально новые виды транспорта. То, над чем бьются сотни ученых, что тысячи конструкторов делают в течение года, этот искусственный интеллект просчитает за минуту! Вот тогда мы и двинем в космос, осваивать другие планеты!

– Кто – «мы»?

Гумилев непонимающе смотрит на меня.

– Как «кто»? Люди. Человечество!

Я смеюсь.

– Андрюха, по-моему, ты перечитал фантастики.

– Между прочим, ничто так не стимулирует воображение, как фантастика. Про создание исинов писал сам Станислав Лем, правда, он не сумел предсказать создание всемирной компьютерной сети. Читал Лема?

Я отрицательно качаю головой.

– Почитай обязательно! Впрочем, у искусственного интеллекта на основе глобальной сети есть и свои минусы – он может оказаться слишком уязвим для атак извне...

Терпение мое иссякает. Я не люблю разговаривать о вещах, в которых мало или почти ничего не понимаю.

– Андрюха, – говорю я проникновенно, – давай как-нибудь потом о компьютерах поговорим. Лучше скажи мне, что у тебя с органами? Должность в правительстве предложили?

Он весело смеется.

– Да ты что! Там все расписано на годы вперед. Нет, конечно. Предложили разработать им ряд систем. С помещением обещали помочь, а то ты от моего офиса немного оставил.

Теперь мы смеемся вместе.

– И самое главное, – продолжает Гумилев, – для меня открываются такие перспективы, что дух захватывает! Это не с Богдановичем конкурировать. «Андрей Гумилев, партнер правительства Российской Федерации» – звучит!

Соглашаюсь:

– Звучит, да. Почти как «поставщик двора Его Императорского Величества».

– Ну, а ты чего? – меняет он тему разговора. – Планы все те же?

– Ну да. Съезжу сегодня к матери, а завтра начну готовиться к поездке. Кстати, вот твой студенческий, спасибо.

– Это тебе спасибо. Да оставь себе, скажу – в офисе сгорел. Было бы время, можно бы и насчет нормальных документов подумать. Я тебе сильно задолжал, Артем, а я всегда свои долги плачу.

– Ладно, будет время – поквитаемся.

– Так куда ты так спешишь-то? – спрашивает он.

Я минуту раздумываю, отвечать ему или нет, потом, наконец, решаюсь:

– В Пермь.

Я хочу отыскать в М-ском треугольнике линзу, из которой попал сюда, в девяносто четвертый. И попытаться вернуться в свое время, а пространственно – как можно ближе к Махандари, где живет Телли. Я хорошо понимаю всю опасность такого похода – вслепую шарахаться по линзам, каждую минуту рискуя жизнью. Но другого пути у меня нет, точка.

Если бы кто-то спросил у меня: «А что потом?», я бы промолчал. Это действительно очень сложно – «потом». Конь гонит меня к Хан-Тенгри. Чингисхан ждет. Мне тяжело ежедневно, ежечасно преодолевать сопротивление той мощи, что источает фигурка. Но я твердо решил – марионеткой в руках незримых кукловодов я больше не стану никогда.

Андрей, понимая, кивнув, вопросов больше не задает. Потом, когда молчание становится тягостным, все-таки спрашивает:

– Артем, может, тебе еще денег дать? – и словно испугавшись, что я сейчас обижусь и уйду, торопливо добавляет: – У меня есть, честно!

Хороший он все же парень. Хороший, но... наивный какой-то, что ли? Или так и надо – без хитрости, без постоянных мыслей о собственной выгоде?

– Хватит пока.

– А обратно когда из этой своей Перми?

– Не знаю еще.

– Вернешься в Москву – обязательно позвони. Если номер поменяется – все равно разыщи, договорились?

– Постараюсь.

– Нет, я серьезно, – Андрей смотрит мне в глаза. – Поработаем вместе.

– Посмотрим. Ничего обещать не могу.

Я встаю из-за столика, протягиваю ему руку.

– Пока!

– До встречи, – уверенно говорит он и протягивает свою.

И в душе моей возникает противное чувство некой обреченности. С этим парнем мы, кажется, больше никогда не увидимся...

Пару часов шатаюсь по центру Москвы, захожу во все магазины подряд. Я ищу подарок маме, такой, чтобы она ахнула, ищу – и не могу выбрать, слишком много всего теперь в продаже. С деньгами проблем нет – у меня скопилась довольно приличная сумма. Быть несостоявшимся киллером, оказывается, выгоднее, чем просто убивать людей. Гумилевских долларов хватит на покупку хорошей иностранной машины, я еще утром в поезде от скуки изучил все рекламные объявления в газетах Соломона Рувимовича.

Когда сверкающие витрины начинают вызывать тошнотворный рефлекс, просто покупаю коробку конфет, бутылку сухого вина и белую пуховую шаль, которая проходит сквозь кольцо.

В конце концов, народная мудрость не зря гласит: дорог не подарок, а внимание. Все, теперь можно ехать.

Я волнуюсь, очень. В основном за маму – как она воспримет мое появление? Как отреагирует на воскрешение сына из мертвых через полтора десятка лет? В таких случаях обычно принято подготавливать людей, делать какие-то намеки. Но для этого нужен кто-то третий, а нас только двое – я и она.

Уже в сумерках я доезжаю до Братеево. Выхожу, и по занесенному снегом тротуару иду к серой девятиэтажке, призывно светящей десятками разноцветных окон. Московский люд возвращается с работы, темные силуэты обгоняют меня, спеша быстрее оказаться дома.

Дом! Как давно я там не был. И пусть это новая мамина квартира, я все равно верю, что там – мой дом.

Дверь подъезда висит на одной петле. Лифт не работает. От мусоропровода распространяется омерзительный запах. Под ногами мусор, окурки, старые газеты, стены исписаны и разрисованы. Я не удивляюсь – сейчас так выглядит большинство подъездов, хоть в Москве, хоть в Казани.

Иду пешком, считаю ступеньки. Квартира мамы находится на пятом этаже. Судорожно пытаюсь придумать какие-то слова, но в голове странная пустота. Словно бы все мысли выдуло сильным ветром и теперь там кружатся лишь одинокие снежинки.

На площадке третьего этажа натыкаюсь на мужика в грязной офицерской шинели. Здесь таких называют бомжами, на вокзалах я на них посмотрелся. Он сидит на ступеньках и дремлет, уткнувшись головой в колени. Услышав шаги, мужик поднимает испитое лицо и смотрит на меня. Глаза у него мутные, на обвисших щеках – многодневная щетина. Стойкий запах перегара забивает подъездную вонь.

– Братан, ну! – в горле у него что-то клокочет. – Помоги побратски... Сотенку, ну... Братан!

Я смотрю на грязную руку с обломанными ногтями, протянутую в мою сторону. Денег у меня полно. И я готов дать и «сотенку», и даже «тыщечку». Только незадача – рублей после покупки подарков маме не осталось, одни доллары.

– Извини, – говорю я бомжу, осторожно обходя его. – В другой раз.

Как это часто бывает у пьяных, настроение у него меняется мгновенно. Секунду назад он униженно вымаливал деньги, и вот уже натужно кричит мне вслед, оскалив желтые прокуренные зубы:

– Жлоб поганый! Штоб тебя дети так кормили!

– Ты поори, поори, – с угрозой в голосе говорю я, останавливаясь. Заходить в квартиру мамы под такой аккомпанемент мне совершенно не хочется. – Ну-ка пошел отсюда!

Бомж снижает обороты. Бормоча под нос ругательства, он тяжело поднимается, делает шаг, другой вниз по лестнице, оборачивается и смотрит на меня цепким, злобным взглядом. Я чувствую ледяной холод, распространяющийся от фигурки коня. Вместе с ним внутри меня вспухает и начинает расти слепая, неконтролируемая ярость. Сейчас я уделаю этого козла! Сейчас я его...

Стоп! Мы это уже проходили, и не раз. Спокойно, Артем. Контроль и еще раз контроль. Только так.

Вспышка бешенства гаснет так же быстро, как и возникает. Бомж уходит. Мне на мгновение кажется, что я его раньше видел. Но в следующую секунду эта мысль исчезает, как и все прочее. До маминой двери мне осталось два лестничных пролета, какие уж тут бомжи, серебряные фигурки и прочая ерунда.

Звоню в дверь. Слышу шаги. Щелкает замок. На пороге стоит мама, седая, постаревшая мама в халатике и тапочках.

– Вот... – говорю я.

Она ничего не спрашивает, не говорит, просто молча смотрит.

– Вот, – повторяю я и добавляю: – Пришел.

У нее дрожат губы. Она узнала меня. Узнала, несмотря на полумрак, царящий в подъезде и слабенькую лампочку в прихожей. Я перешагиваю через порог, роняю пакет с подарками.

– Мама!

– Артемка...

Мы пьем чай. Не на кухне, а в комнате, за накрытым праздничной скатертью столом. Уже выплаканы все слезы радости, уже получены все торопливые ответы на сбивчивые вопросы.

– Артем, сынок, где же ты был?

– Далеко, мама. Очень далеко. В горах, хребет Гиндукуш, слыхала?

– Конечно. Когда тебя... В общем, когда пришла та бумага...

– Понятно.

Я не могу врать маме – и рассказываю ей все. Про бой на точке, про скитания по горам, про Генку Ямина и мое бегство, про Нефедова и долину Неш, про линзы.

Естественно, я опускаю тяжелые для мамы подробности. И чуть-чуть, самую малость, не договариваю. Мама – самый родной для меня человек, и расстраивать ее нельзя. Конечно, наверняка она сама о многом догадывается, но держит догадки при себе.

– Ох, сынок, как же тебя жизнь помотала... А глаза все таки-ми же остались – разноцветными. Я где-то читала, что это – к счастью.

– Так правильно читала! – я улыбаюсь. – Вот же, мы встретились! Все нормально, ма. Все хорошо.

Мама, закутав плечи в подаренную шаль, смотрит на меня и улыбается, подперев рукой щеку. Я отодвигаю пустую чашку, сыто отдуваюсь.

– Сынок, может, еще чайку?

– Уф... Нет, мама, спасибо, уже все. Больше не влезет.

Я встаю и начинаю бесцельно ходить по комнате, разглядывая мебель, вещи, какие-то безделушки. Конечно, это не та

квартира, в которой я родился, учился ходить, говорить, в которой рос и вырос, но многие предметы перекочевали и сюда. Я трогаю их, беру в руки, рассматриваю.

Когда-то, еще в младших классах школы, я читал старую книгу про моряка, пропавшего без вести в южных морях. Прошло не то тридцать, не то сорок лет и он глубоким стариком вернулся домой. Все это время моряк жил на далеких островах с дикарями, полностью разучился говорить на своем родном языке и забыл все – родных, друзей, свою страну.

И только домашние вещи, книги, статуэтки, сделанный его руками шкафчик сумели оживить память этого человека, вернули его к жизни.

Я – как тот моряк. Передвигаясь от полки к полке, от шкафа к серванту, от серванта к этажерке, я вспоминаю и словно бы заново переживаю историю собственной жизни, историю моей семьи.

Вот фарфоровая фигурка девочки. Она сидит за партой, подвернув под себя пухленькую ножку, и старательно выводит в тетрадке слово «Мама». Эту статуэтку мама подарила мне, когда я пошел в первый класс. Девочку мы называли почему-то Ритой, и когда я получал плохие оценки, мама всегда показывала на Риту и говорила: «А вот она – отличница и свою маму не огорчает».

А вот черные часы «Слава» с медными стрелками. Они считались у нас самыми точными, и мы всегда «сверяли время по «Славе»». Однажды я, чтобы пропустить урок, к которому не сделал домашнюю работу – кажется, это была химия – перевел стрелки «Славы» на час. И опоздал. И мама опоздала на работу. Мне вклеили двойку, а маме – выговор. Ох, и досталось же мне тогда!

Беру часы, показываю.

– Помнишь?

Мама смеется.

– Да уж, додумался! Может, котлетки разогреть?

Она все время, с того момента, как я пришел, хочет меня накормить. Мой неправдоподобно юный вид мама для себя объяснила так – я просто плохо питался, исхудал и поэтому выгляжу не так, как положено мужчине в тридцать три года.

– Нет, мам, спасибо. Потом. Попозже, ладно? – отказываюсь мягко, осторожно.

Меня до слез трогает ее забота. Я очень хочу сделать что-то хорошее, доброе. Подарки не в счет. Жаль, что придется уехать. Оказывается, я здорово соскучился по дому, пусть даже такому, сменившему дислокацию.

Продолжаю экскурсию «по новиковским местам». Хрустальная вазочка в виде цветка лилии. Если перевернуть ее, то на массивной ножке можно увидеть скол. Это тоже моя работа. На какой-то Новый год в подарке, полученном на елке, оказалось несколько грецких орехов, и я не нашел ничего другого, кроме вазочки, чтобы расколоть их.

Старая, вышитая еще бабушкой салфетка на телевизоре. Телевизор новый, черный, импортный, а салфетка та самая.

Бабушка... Трогаю край салфетки, поворачиваюсь к маме. Она опускает глаза. Все понятно без слов.

– И дед?

– Да, сынок. В восемьдесят девятом. Сердце.

Проклятый хроноспазм!

Проклятый конь!

Проклятый Чингисхан!

Или это я – проклятый? Ведь, если вдуматься, именно я и есть главный виновник всех бед и неурядиц. Я, Артем Новиков. Человек, открывший шкатулку.

Недаром говорят: любопытство сгубило кошку. Я, конечно, не кошка, но от этого не легче...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Привет из прошлого

Мама старательно избегает двух тем: надолго ли я приехал и что собираюсь делать дальше? Я, естественно, тоже обхожу их стороной. В первом случае просто не хочу расстраивать, во втором – пугать.

Как-то сам собой разговор переходит на родственников, близких и далеких. Мама говорит о своем переезде в Москву, рассказывает про Людмилу Сергеевну немало порой забавных, а порой и трагичных историй.

– Она женщина очень образованная, начитанная, на фортепиано играла, французский язык знала и немецкий. Но так вышло, что приложить свои способности ей было негде. Одно слово – муж в Секретариате ЦК, всю жизнь Николаю Севостьяновичу посвятила. Нет, жили они, конечно, красиво, что и говорить. Она фотографии старые показывала, с приемов посольских или из Кремля, так там Людмила Сергеевна – просто принцесса, глаз не отвести! Говорила – сам Хрущев цветы ей посылал. В общем, кипучая была жизнь. А когда умер Николай Севостьянович, пожалела, что все так сложилось.

– А чего жалеть-то?

– Артем, – вздыхает мама. – Ты совсем взрослый уже, должен понимать такие вещи. Не нашла время ребенка родить, не сумела след на земле оставить. Для женщины это важно.

– А для мужчины?

– Для мужчины еще важнее, но по-другому.

– Что значит «по-другому»?

– То и значит. Вот отец твой...

Мама неожиданно замолкает, встает, начинает собирать со стола чашки, блюдца. Наверное, если бы я на самом деле четырнадцать лет провел в плену и на чужбине, я бы забыл многие особенности ее поведения и привычки. Но на самом деле в пересчете на чистое время отсутствовал я всего несколько месяцев и ничего не забыл.

Когда мать вот так обрывает себя и начинает греметь посудой, это значит, что она сердита, еще не все сказала и обязательно продолжит обсуждать неприятную тему «до победного конца».

– И что отец? – подбрасываю пару поленьев в костер ее праведной злости.

– Приезжа-а-ал... – негодует мама. – При всем параде, с семейством. Лет пять прошло, как на тебя бумага пришла. Я и не ждала. Думаю, бабушка ему написала. Она с годами помягче к нему стала, сын все же. Ну, в общем, явился, не запылел. Слава богу, додумался жену свою в гостинице оставить. Открываю дверь – стоит красавец, с цветами, с подарками. Я всегда думала, что если увижу – убью на месте! А тут вроде как застыла, понимаешь, Артем? Ледяная вся сделалась.

– Пустила?

– Ага. Даже чай попили, представляешь? О тебе разговаривали... А потом он... – мать задохнулась от гнева, – он про фигуру стал спрашивать.

Я обмираю, чайная ложечка выпадает из пальцев и звякает о край чашки. Мама этого, к счастью, не замечает.

– Мол, тебе дядя Коля ценную антикварную вещьцу в наследство оставил.

– Он-то откуда узнал? – спрашиваю я, с трудом ворочая языком от волнения.

– Сказал, что человек к нему приходил какой-то. Коллекционер. Дескать, знакомец Николая Севостьяновича. Якобы ло-

шадка эта больших денег стоит. Давай, говорит, Валя, продадим фигурку. Будут тебе деньги на старость! Ну не подлец ли, а?!

Мама сгребает посуду и уносит на кухню.

Я сижу ни жив, ни мертв. В голове полный сумбур. Выходит, Нефедов был прав, когда говорил о неких людях, охотящихся за моим предметом. И смерть Генки Ямина от отравленной глюкозы в полевом медпункте – не случайность. За мной следили. Охотились. А может, люди Надир-шаха, что преследовали нас в горах Гиндукуша, имели совсем другую цель? Им нужен был вовсе не Нефедов, а я, точнее – конь? Да и был ли Надир-шах?

– Выгнала я его, – перекрикивая шум воды в мойке, сообщает мать. – Сказала: «Даже если бы и осталась фигурка, все одно не продала бы, потому как память это по Артемушке!».

Память... Я просовываю руку под рубашку и прикасаюсь к коню. Зашвырнуть бы мне еще тогда, летом семьдесят девятого, эту память в воду! Подальше да поглубже. Сколько бед удалось бы избежать.

Мама входит в комнату, вытирая мокрые руки полотенцем.

– А ты, небось, и забыл про талисман свой? Или сохранил?

– Не, потерял, – отдернув руку, качаю головой. – И забыл, да. Ерунда это все.

– Может, и ерунда. А может, и действительно ценность. Ладно, Артемка, что мы все о грустном. Ты надолго?

Она все же нашла силы задать этот вопрос. Эх, мама, мама...

– Завтра утром уезжаю, иначе никак нельзя, – и, заметив, как на ее лицо набежала тень, поспешно добавляю: – Ненадолго!

Она боком присаживается на стул, медлит – и все же задает второй вопрос, который волнует ее больше всего:

– А потом?

– Посмотрим, ма. Может, женюсь!

– Женишься? – от неожиданности мама роняет полотенце. – А кто ж невеста?

– Хорошая девушка. Дочка князя, – я улыбаюсь. – Зовут Телли.

– Ну да, – недоверчиво произносит она. – Сейчас много князей да графьев появилось. Каждый Пупкин у себя дворянские корни находит.

– Она – не сейчас. Она на самом деле княжна.

– А как фамилия?

Я развожу руками:

– А фамилию, мам, я и не спросил...

Мы хохочем.

– Да ну тебя, – машет рукой мать. – Я уж было поверила. Ну, а если серьезно – что вообще делать собираешься?

– Документы надо восстанавливать, – отвечаю серьезно, как будто все по-настоящему. – Работу найти.

– А какую?

– Ну, писать-то я ведь не разучился. Журналисты сейчас нужны...

– Журналисты, – качает головой мать. – Опасно это, сынок. Вон как их стреляют-взрывают. Холодов-то... Какой молоденький был! Прямо в редакции взорвался. Слышал?

Киваю. А мысли мои снова уносятся в прошлое, в пыльные афганские долины. Там за мной, за моим конем охотились. Там меня едва не настигли, едва не убили. Значит... значит, этим людям не нужен я! Только предмет. Но они же не смогут его использовать. Конь сам выбирает себе наездника. Он настроен на меня и работает только со мной. Нефедов в хроноспазме доказал это, что называется, на практике.

Выходит, неведомым охотникам не важно, выполнит ли конь свою миссию. Не важно или не нужно? А может, это и есть их цель? Остановить коня, не дать Чингисхану пробудиться, не дать ему исполнить свою миссию! Или другой вариант – у Чингисхана ведь есть могущественный предмет, волк. Нет, так гадать я могу до бесконечности. Черт, как мало информации...

Ясно только одно: все те годы, что меня не было, охота продолжалась. Интересно, они потеряли мой след? Скорее всего, да, иначе не стали бы разрабатывать отца и посылать его к маме. Какие еще у них есть зацепки? Нефедов? Но профессор сгинул в пространственно-временном лабиринте аномальных зон, скорее всего, погиб. Кто еще?

И тут меня обжигает: Телли! Если охотники знают о махандах, они обязательно заявятся туда. Или, быть может, те люди в камуфляже, вооруженные М-16, что полегли от моей пороховой бомбы, были вовсе не кашгарскими контрабандистами?

«В общем, надо во что бы то ни стало добраться до линзы в М-ском треугольнике и попасть в восьмидесятый год. Попасть – и по возможности все исправить», – твердо решаю я.

Что «все» и как «исправить» – это другой вопрос и ответ на него я буду искать по ходу дела. Решено! Гумилев спасен, Надя с детьми в безопасности и, наверное, даже счастлива. Мать жива-здора, теперь у меня есть надежный тыл. Пришла пора поработать на себя.

– Артем, да ты меня не слушаешь? – голос мамы отвлекает от раздумий.

– Слушаю, слушаю, – я улыбаюсь. – Просто почему-то вспомнил свою чашку, ну, ту, которую ты мне на день рождения подарила, с цветами...

– Цела, целая! – обрадовано вскидывается мама и спешит к серванту. – Вот она, целехонька. Ну, еще чайку?

– А давай! И где там у нас были конфеты? – я потираю руки. – Давненько не ел конфет!

Мы ложимся далеко за полночь. Мама стелет мне на диване, сама пытается улечься на раскладушке. Решительно отбираю у нее жуткую конструкцию, объясняя, что не усну, если родная мать будет мучиться на этом пыточном ложе. Сам укладыва-

юсь на полу. Так мне привычнее и спокойнее. Да чего там – я с детства любил спать на жестком.

Когда выключается свет, я долго лежу с открытыми глазами, смотрю на голубые тени, бродящие по потолку. На короткий миг убеждаю себя, что ничего не было, все – сон, бред, галлюцинации, а на дворе июль семьдесят девятого, и я дома, в Казани.

Но это самообман, конечно же. Все было. И все будет. Поэтому надо забыть про лирику и подумать о реальных вещах. Мне предстоит нелегкое путешествие через полстраны, а потом – через время. Нужно как следует подготовиться. Одежда, снаряжение, продукты, оружие. С последним понятно – у меня два пистолета. Патронов, правда, не густо. К маме сумку, где лежит весь этот арсенал, я не повез, сдал на вокзале в камеру хранения. Завтра перед поездом заберу. А до того мне придется совершить продолжительный рейд, великий поход по магазинам.

Мысленно составляю список. Он начинается с рюкзака, палатки и заканчивается антибиотиками. Конечно, целебная плесень, которой лечил меня старик-знахарь в Махандари, штука действенная, но если вдруг я снова не вовремя заболею, то пусть под рукой будет хорошая аптечка с самыми современными лекарствами.

Современными... Будущее для меня, похоже, наступило. Но разве таким мы его представляли? Я уже достаточно много знаю о мире девяносто четвертого года, чтоб сделать однозначный вывод: жить в этой стране я не хочу. И дело даже не в том, плохо здесь или хорошо – кому как, наверное. Что-то наверняка стало лучше, да и у нас в Союзе совсем не рай земной был. Но я – Артем Новиков, русский, несудимый, беспартийный – я лично здесь – чужой. Мне нет места в этом будущем, я даже у матери остаться не могу, чтобы не навести беду на ее новый дом. Этот мир выталкивает меня из себя, как живой организм – занозу.

Чужой в чужой стране, точно. Это не моя родина и люди вокруг – не те люди, что были раньше. Их всех поразила какая-то болезнь. Вирус. Точно, на российских просторах случилась эпидемия! И теперь их населяют люди с вывихнутыми мозгами. В их сознании все перевернулось с ног на голову. Или даже хуже – никаких ног, никакой головы. Просто серый туман, похожий на тот, что сползает с гор в долину Махандари по утрам.

Балансируя на грани сна и яви, я мысленно переношусь в зеленую долину, где обитают маханды. Изумрудная трава, усеянная цветами. Бурлящие потоки, несущиеся по склонам. Облака в вышине. Облитые льдом вершины гор, позолоченные солнцем. Благословенная земля! И лицо Телли, обрамленное пламенеющими ромашками. Ее глаза, бездонные, как небо над горой Буй-сар.

А что, если нам с Телли поселиться там? Перевезти маму, выстроить дом... После битвы с кашгарцами мой авторитет, авторитет пророка Пилилака, вырос настолько, что я легко могу стать правителем этого народа.

Стальные тиски, сдавившие душу после того, как дед Чага открыл страшную правду о времени, в которое я попал, чуть-чуть разжимаются. Мне видятся картинки будущего: в потаенную долину приходит цивилизация. У махандов появляются орудия, технологии, медикаменты. Все очень дозировано, чтобы не нарушить той удивительной гармонии с природой, той чистоты помыслов, которыми отличаются эти дети гор.

По берегам ручьев бегают счастливые дети. Наши с Телли малыши – среди них. У нас трое детей. Нет, пятеро! Три мальчика и две девочки. Веселые, умные, послушные. Они будут счастливы в Махандари. Я сам дам им образование, сам научу всему, что необходимо.

Махандари... На полях трудятся крестьяне, пастухи гонят отары с пастбищ, над крышами домов поднимаются дымы – хозяйки пекут хлеб. Старики греются на солнышке.

Идиллия.

И я на высоком утесе, с верной винтовкой СВД в руках, зорко охраняю покой моих подданных. Чтобы никто, ни один человек с туманом в голове не проник в этот рай на земле, не нарушил его покой.

А можно еще надежнее, еще лучше – отправиться в долину Неш, разыскать черные камни, доставить их в Махандари и расставить на склонах окрестных гор. Чтобы время там навеки остановилось!

Никто не сможет помешать мне сделать это. Правда, майор Бейкоп рассказывал о каких-то прозрачных, вроде бы являющихся хозяевами камней, но разве смогут они остановить меня? Я – владыка перевалов и круч, властелин горных троп, великий пророк Пилилак! Я создам царство божье на земле, претворю в жизнь великую мечту человечества о золотом веке!

Претворю, как же... Следом за радужными мыслями приходят другие, тяжелые, словно отлитые из чугуна. Если начистоту, то настоящие хозяева гор – это как раз неведомые прозрачные. Если они могут устраивать такие вещи, как хроноспазм, если это они придумали линзы, то страшно подумать, на что еще способны эти существа.

Я не вступал с ними в прямой конфликт, я лишь краем коснулся их мира – и потерял четырнадцать лет жизни. Как мотылек, неосторожно подлетевший к костру, я опалил крылья, упал и теперь ползаю во тьме среди червей, личинок, всякого мусора, пытаюсь снова взлететь.

А ведь все это время жизнь в долине махандов не стояла на месте! Что произошло с Телли за эти годы? С тех пор, как мы с Нефедовым оказались в хроноспазме, я не разрешал себе думать о девушке, но сейчас ничего не могу поделать – разогретый, раззадоренный мечтаниями мозг мой не может остановиться и начинает выдавать варианты – один чернее другого.

Телли вышла замуж. Погоревала, поспорила с отцом, но в итоге смирилась и стала женой какого-нибудь... Свадьба, пир, танцы... Брачная ночь... Заплаканное лицо девушки...

А потом – годы жизни с нелюбимым мужем, обреченность и потухшие, тоскливые глаза.

Или еще хуже: она сумела переупрямить отца. Телли чуть младше меня, сейчас ей около тридцати. Старая дева, вечно в черном, одинокая тень, избегающая людей. На нее показывают пальцами, ею пугают ребятишек.

И во всем этом виноват я.

Наконец, в мою измученную голову приходит совсем черная мысль: а вдруг Телли умерла? Да я ведь даже не знаю, сумела ли она освободиться от веревок! Конечно, мною руководили благие побуждения, когда я привязывал девушку к столбу, обозначающему границы владений махандов. Я спасал ее.

Но вот спас ли?

...Просьпаюсь от того, что плачу. Вся подушка в слезах. По потолку все так же бродят голубые тени. Всхлипываю, слышу ровное дыхание мамы. Надо успокоиться. Надо взять себя в руки. Я все исправлю. Я не просто доберусь до Махандари, я обязательно вернусь в то время, в восьмидесятый. Я изменю будущее!

Слишком много я... Слишком мало дела.

И тут откуда-то из глубины поднимается злость. Она всплывает, как большая черная рыба, обитатель таинственных океанских глубин. Зубастая, пучеглазая, злость буквально подбирает меня, заставляет откинуть одеяло, подняться и прошлепать босыми ногами на кухню.

Ух, если бы все мои – нет, наши, общие! – беды персонифицировались в конкретном человеке! С каким удовольствием, с какой мстительной радостью я набил бы ему морду!

Но такого человека нет. Зато есть другое...

Конь!

Это он во всем виноват!

Срываю фигурку с шеи. Кожаный шнур, изделие махандов, лопается, точно шерстяная нитка. Я знаю, что надо делать. И как же эта мысль не приходила мне в голову раньше? Сейчас, сейчас...

Света я не включаю, чтобы не потревожить маму. Выдвигаю ящик с вилками и ложками. Там у нас обычно всегда лежал напильник, старый, с мелкой насечкой. Мать точила им ножи и я, еще пацаном, не раз использовал этот невероятно твердый инструмент для изготовления всяких поделок. Однажды, помню, даже распилил им стальную линейку напополам.

Стараясь не шуметь, шарю в ящике. Ложки, вилки, ножи, открывалка для консервов, штопор, чайные ложечки... Есть! Напильник на месте. Кладу фигурку на краешек стола. Конь красив. Его пропорции, соразмерность форм и плавность линий завораживают. Неведомый мастер, изготовивший эту вещь, был гением. Но чувство прекрасного – не самая главная моя добродетель. Да и бушующая во мне холодная ярость гораздо сильнее любой эстетики. Я в таком состоянии и Венеру Милосскую готов разнести вдребезги!

Крепко прижимаю фигурку пальцами к столу. Странно, я ожидал, что предмет будет бороться, источать холод или, наоборот, жар, пытаться воздействовать на меня... Напильник чуть подрагивает в правой руке. Опускаю его на поблескивающую гладкую шею коня. Делаю пробный надпил. Ну, господа прозрачные, Чингисхан, Чунь-Чань, Елюй Чусай и прочие, что вы скажите на это?

Вжик, вжик, вжик... Напильник легко скользит по металлу, из которого сделана фигурка. На чистой поверхности стола появляются темные пятнышки стружки. Только вот странно – обычно, когда работаешь напильником по железу, звук более глухой, скребущий. А тут – словно я вожу куском льда по чему-то очень гладкому, по стеклу, например.

Меня охватывает недоброе предчувствие. Останавливаюсь, подношу напильник к глазам, чуть поворачиваю, чтобы рассеянный свет фонарей за окном упал на его поверхность. Увиденное повергает меня в шок – насечка на напильнике сточилась! А ведь он сделан из высокоуглеродистой инструментальной стали.

Перевожу взгляд на фигурку. На ней – ни царапинки. Злость моя тухнет, как костер, залитый дождем. В ушах возникает издевательский смех, мерзкое такое хихиканье, похожее на звуки, издаваемые пустынными демонами.

Они снова переиграли меня. Сволочи!

«А что, если просто пойти, бросить коня в унитаз и спустить воду? – возникает в голове простая и прозрачная, как капля воды, мысль. – Вот прямо сейчас. Бульк! – и все проблемы долой!»

Но стоит мне схватить фигурку и сделать шаг к двери, как все тело пронзает ледяная молния. Мышцы сводит судорогой, перед глазами мелькают разноцветные искорки, сердце бьется с перебоями. Я задыхаюсь. Опустившись на пол, пытаюсь покинуть кухню ползком – и обнаруживаю, что руки мои заняты.

Они завязывают разорванный шнурок. А когда узел готов, вешают коня мне на шею.

Все, финита ля комедия. Теперь все окончательно ясно. Не конь принадлежит мне, а я – ему. И в нашем тандеме наездник – отнюдь не человек.

Похоже, времена, когда я мог оставить коня дома и уйти в армию, минули безвозвратно. За эти месяцы он сросся со мной, и разорвать эту связь – по крайней мере, сейчас – я не могу. Я в плену у серебряной фигурки. А это означает лишь одно: мне придется пройти весь предначертанный путь до конца. Стало быть, надо возвращаться к первоначальному плану. Правда, я вовсе не уверен теперь, что являюсь автором этого плана.

Утром просыпаюсь с гудящей головой. Все мои ночные подвиги – как в тумане. Мама хлопочет на кухне, оттуда аппетитно пахнет оладушками. За завтраком она рассказывает о себе – получает пенсию, подрабатывает.

– Что за работа? – такая румяный оладушек в варенье, спрашиваю, чтобы поддержать разговор. На самом деле я уже не здесь, мысли мои блуждают далеко от этой квартиры на окраине Москвы. – Много платят?

– Немного, но на жизнь хватает. Сосед, Виктор Александрович, попросил за квартирой приглядывать. Он с семьей за городом живет, сюда они редко приезжают. Ну, а я цветочки поливаю, убираюсь, чтобы пылью все не заросло.

Неопределенно пожимаю плечами. Впрочем, чего уж там, по здешним временам не самая плохая работа, особенно для пенсионерки.

Прощаемся в тесной прихожей. Мама утирает глаза платочком, вздыхает.

– Ты там питайся получше, тебе отъедаться надо, – говорит она.

– Конечно, ма. Ну, все, все, не плачь...

Перед тем, как уйти, говорю:

– Я вернусь, обязательно. Но вот когда... Может быть, через месяц-другой, а может, и через полгода.

Она вздыхает.

– Правда, ма. Вернусь! И все будет хорошо.

– Артемушка, ты только это... береги себя, слышишь?

Обнимаемся. Когда за спиной захлопывается дверь, я крепко зажмуриваюсь и стою так несколько секунд.

Все, Артем Новиков, еще одна страница книги под названием «Жизнь» прочитана.

Спускаюсь, выхожу из подъезда. Еще не рассвело. Весь большой двор, ограниченный тремя многоэтажками, заставлен машинами. Их очень много. В мое время такого не было. Ночью

случился небольшой снегопад, машины покрыты снежными накидками и издали выглядят как надгробия. Автовладельцы суется, счищая снег. Кто-то прогревает мотор, кто-то мучается, терзая аккумуляторы – подморозило и двигатели отказываются заводиться.

Откуда-то появляется вчерашний бомж. Завидев меня, он улыбается жуткой улыбкой, показывая дыры между зубами, и хрипло кричит, обращаясь неизвестно к кому:

– Вот он! Вот! Начальник, я же говорил!

Дверцы серого «Уазика», припаркованного неподалеку от подъезда, распахиваются. Оттуда вылезает трое в милицейской форме. Усатый офицер, кажется, старлей, в возрасте и двое парней в черных форменных куртках, с автоматами. На куртках нашивки: «Патрульно-постовая служба».

– Стоять! – рявкает старлей. – Документы?

«Влип! – проносится у меня в голове. – Что делать? Бежать? А куда? К маме нельзя... потому что нельзя! А по двору от автоматчиков не убежишь – пуля быстрее».

– Дома забыл, – начинаю валять дурака, озираясь.

Парни в куртках встают по обе стороны от меня. Они насто-роже. Видать, опытные.

– Я же говорил! – радостно приплясывает бомж, поддерживая полы длинной шинели. – Дезертир он! Кричал на меня вчера, сука!

– Ладно, ладно, Пепеляев, – урезонивает его старлей и снова обращается ко мне: – Значит, нет документов?

– А что, собственно, случилось? – чужим, киношным каким-то голосом спрашиваю я, судорожно пытаюсь вспомнить, откуда мне знакома фамилия бомжа. – С кем имею честь беседовать?

Автоматчики гыгыкают. Старлей мрачнеет.

– Шутник, значит. И без документов, – и выпятив подбородок, чеканит сакраментальное: – Вам придется проехать с нами!

Искренне изумляюсь:

– Но я же ничего не сделал!

– Разберемся... Гаврилов! В машину его!

Меня с двух сторон крепко берут под локотки. Я знаю этот захват. Чуть дернешься – и руки завернут за спину так, что света белого не взвидишь.

«Хорошо, что мама не видит, – думаю я, покорно идя под конвоем к «Уазику». – Гад бомжара, сдал меня... Но почему «дезертир»? Хотя, в сущности, я действительно могу считаться покинувшим часть. Но ведь четырнадцать лет прошло!».

Слышу за спиной диалог:

– Вот, начальник! Он, гад...

– Так, Пепеляев, а ну не выражаться! Свободен!

– Все, все, начальник, ухожу. Тока эта...

– Что?

– За труды мне бы стошечку...

– А-а-а... На, держи. И с глаз вон!

– Ага, ага. Разрешите идти, товарищ старший лейтенант?

Последнюю фразу бомж произносит, явно дурачась. Но именно благодаря ей, вспомнив интонацию, с которой он говорит «товарищ старший лейтенант», я узнаю его.

Пепеляев. Начальник штаба нашего учебного батальона. Человек, из-за которого я попал в Афганистан. Тогда он был капитаном. О том, что случилось с ним за эти годы, можно только догадываться. Но зато становится понятно, откуда взялось слово «дезертир».

Он меня сдал. Узнал вчера в подъезде, обиделся, что я не дал денег – и сдал. А может быть, сдал бы, даже если и получил бы от меня «стошечку». Воистину, если человек гнилой – это навсегда. Можно, правда, порадоваться, что судьба все же наказала Пепеляева. Но мне отчего-то вовсе не до веселья.

В прокуренном салоне «Уазика» пахнет сапожным кремом, ружейной смазкой и потом. Старлей, усевшись на переднее сидение, вальяжно машет рукой.

– Поехали!

Машина выезжает на улицу, запруженную автомобильным стадом. Водитель включает мигалку, втискивается в поток и начинает пробираться вперед, изредка рвякая на особо непонятливых через встроенный громкоговоритель.

Меня везут в отделение. Пока есть время, нужно прикинуть, как быть, как себя вести. Взвешиваю все «за» и «против». В активе – ноль целых фиг десятых. Документов у меня нет. Одно это тянет на серьезное разбирательство. У простого, мирного, так сказать, гражданина есть выход – назвать свое имя, фамилию, адрес. В милиции проверят и отпустят.

Но для меня это запретный путь. Едва я назовусь, как всплывет все – и Афган, и дезертирство, и четырнадцать лет, которые я ошивался неизвестно где и с кем. Ментам только дай зацепку, такое начнется... Плюс мама. В мою легенду о плене и Индии она вроде бы поверила, а вот того, что ее сын – предатель, оставивший часть во время боевых действий, может и не пережить.

Другой вариант: попробовать обратиться к Гумилеву, чтобы вытащил. Он мне, в конце концов, должен, причем не денег, а жизнь. Парень он нормальный, не откажет, а связи у него, как я понял, теперь ого-го!

Но тут возникает закономерный вопрос: а как я с ним свяжусь? «Дяденька милиционер, дайте, пожалуйста, телефончик, я другу позвоню, чтобы он меня вытащил из ваших застенков!» Детский сад, штаны на лямках.

Мои горестные размышления прерывает заработавшая рация.

– Полста-третий, это девятка. Как слышите?

Старлей тянет руку, вытаскивает рацию на витом проводе, подносит к губам.

– Я полста-третий, на связи!

– Как у вас?

– Везем дезертира, взяли по заявлению бывшего офицера. Документов нет, на контакт не идет.

– Понял вас. Значится, так: заедете в двадцать второе, прихватите двоих пассажиров, у нас следак парится уже час, ждет.

– Девятый, не понял, – в голосе старлея слышится недовольство. – Куда я их дену? У меня два пэпээсника и задержанный!

– Отставить! – трещит рация. – У нас ни одной машины. В курятник засунь. Или себе в...

Последнее слово тонет в треске помех. Автоматчики, сидящие по сторонам от меня, опять гыгыкают.

– Понял вас, девятка. Отбой! – цедит старлей, втыкает тангенту на место и рывкает на водителя: – Толя, блин! Что хочешь делай, но колеса свои дурацкие из курятника убери!

Курятник – это, видимо, крохотный зарешеченный отсек позади пассажирских кресел «Уазика». Сейчас там и вправду лежат шесть автомобильных покрышек.

– Да куда я их дену? – оправдывается водитель. – В гараже украдут сразу, а дома места нет. Там же двоих всего надо впихнуть. Сложим колеса стопкой, поместятся.

– Сам будешь утрамбовывать, – ворчит старлей и поворачивается ко мне.

– Слышь, воин, хочешь совет?

– Ну.

– Кричи следакам, что ты голубой.

– Какой?

– Который мужиков любит! Сейчас, говорят, таких в армию не берут!

И менты дружно хохочут. Юмористы... Повод, заставивший старлея пошутить, прост до омерзения и понятен даже дебилу. Начальство прогнуло его, он прогнул водителя, а в довесок еще и унизил меня. Все, теперь опять чувствует себя хозяином положения.

«Тебя бы, козла, к нам на точку, – со злобой думаю я. – К сержанту Пономареву в духи. Пономарь был большой мастер выбивать гниль из таких вот обидчивых...»

Стоп, а почему «был»? В том бою, из которого живым вышел я один, Пономарь не участвовал. Он вместе с двумя отделениями наших пацанов по приказу того безымянного полковника сопровождал колонну бензовозов. Служить ему оставалось недолго, так что сержант наверняка выжил, вернулся домой и живет сейчас в своей Рязани. А может, остался в армии прапором... В любом случае мне он сейчас точно не поможет.

«Уазик», переваливаясь на колдобинах, въезжает во двор какого-то учреждения. Я успеваю краем глаза зацепить вывеску с двуглавым орлом и прочитать несколько слов: «МВД РФ Отдел внутренних дел № 22». Ага, это, видимо, и есть пресловутое «двадцать второе», где нас ждут «пассажиры».

Останавливаемся у крыльца. Несколько человек – гражданских и в форме – курят возле урны. Водитель открывает заднюю дверцу и начинает перекладывать колеса, разражаясь бранью через каждые десять секунд.

– Пристегнуть его, та-рищ старш-йтенант? – лениво растягивая слова, интересуется один из пэпээсников, имея в виду меня.

– Да куда он денется с подводной лодки? – вопросом на вопрос отвечает старлей, открывает дверцу и кричит кому-то: – Акопов! Ну, че вы там возитесь?! Давайте быстрее.

Наконец выводят «пассажиров». Один – постарше, типичный уголовник, все руки синие от наколок. Второй – молодой парень с толстой шеей, украшенной золотой цепью в палец толщиной. Таких обычно называют «быками».

Оба «пассажира» закованы в наручники. Кое-как, с большим трудом, они втискиваются в «курытник», на чем свет стоит ругая ментов. «Уазик» трогается с места, ругань продолжается. Причем если здоровяк просто монотонно бубнит на одной ноте немногочисленные, но всем известные слова, то его опытный попутчик куда более изобретателен. Я несколько раз невольно улыбаюсь – как разнообразен и могуч, оказывается, русский язык!

– ...И чтоб вас дети так в дом престарелых каждый день возили! – вцепившись скрюченными пальцами, униженными татуированными перстнями, в решетку, заканчивает длиннющую тираду опытный.

– Хавальник завали, Дорохов – спокойно советует старлей. – Будешь выступать – пешком побежишь!

– Да ланна, начальник! Ты ж меня знаешь, я и прогуляюсь, если че.

– Ага, пристегнутый к заднему бамперу, – включается в разговор водитель.

Мы выезжаем на какую-то большую улицу. Москву я знаю плохо и совершенно не ориентируюсь, где едет «Уазик» и куда он следует.

– Блин! – с чувством произносит водитель и добавляет несколько крепких словечек. – Приехали!

Впереди – затор. Множество машин, сверкая красными огнями, сгрудились на улице.

– А дворами? – спрашивает старлей.

– Голяк. Будем куковать. Пробка плотная.

«Уазик» замирает. Время идет. Мы стоим. Слышу, как Дорохов и «бычара» вполголоса ведут разговор. Судя по всему, они давно знакомы, но содержались в разных камерах и теперь им есть что рассказать друг другу.

Вначале речь идет о неизвестных мне Роме-Золотом и коптевских, которые «оборзели в конец». Потом, понизив голос до шепота, старый уголовник говорит:

– Слыхал, Галимого взяли?

– Ну, – утвердительно отвечает «бычара».

– С ним барыгу из крутых и казанских пацанов.

– Ну.

– Мне бродяга один ночью через ментов маляву подогнал. Галимого киллер сдал. Из лохов, но боевик. Погоняло – Артамон, фамилия – Новиков...

Меня бросает в дрожь. Вот, значит, как! Это уже интересно...

– Галимый в Лефортово чалится, его комитетчики ковыряют. Доказухи нарыли – КамАЗ с прицепом. Этап ему корячиться, без базара.

– Передел будет? – спрашивает «бычара».

– Поглядим. Хазар, ну, знаешь, у Галимого в основе ходил? Он пацанов собрал и объявил: иуду найти и покарать. Замочить на месте, понял? По всем СИЗО и крыткам малявы пошли. Он, Артамон этот, у ментов в розыске.

– Почему?

– Я ж говорю – боевик, с войны слился, типа того. Галимого подставил, а сам трех пацанов в Казани мочканул, из-за бабы.

«Бычара» сопит, потом выдает результат мыслительного процесса:

– Короче, ящик ему корячится полюбасу.

– Не жилец, – соглашается Дорохов. – Но погреться на этом деле можно неплохо.

– Как?

– Хазар за шефа сильно расстроился. Тому, кто Артамона найдет или подскажет, где искать – тачку крутую. А если кто пришьет иуду, сорок тысяч бакинских получит. Понял?

– Ага.

«Вот так вот, – думаю я, крепко сжав кулаки, чтобы не дрожали руки. – Меня фактически приговорили... Ах, Витек, Витек... Хотя, по всем «зоновским» понятиям я, конечно, виноват. Но я спас хорошего парня – это раз. Спас Надю с детьми – это два. Помог засадить бандитов за решетку – это три. Так что «понятия» идут лесом. Но вот что теперь делать? В камере меня вычислят и убьют, на воле без документов рано или поздно поймают менты – и я опять же попаду в камеру...».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Omnia mea mecum porto*⁹

После всего услышанного и обдуманного приходит вдруг ясная мысль: «Надо бежать! Бежать из машины, из Москвы, из страны. Пока бандитско-ментовский спрут не распустил свои щупальца повсюду».

Конь на груди наливается тяжестью. Сейчас мы с ним союзники. Вспышка холода заставляет меня стиснуть зубы. Щурю глаза, осматриваю внутренности «Уазика», ментов. Чтобы вырваться отсюда, нужно иметь фантастические способности к рукопашному бою. У меня их нет. Поэтому, положившись на коня и слепую удачу, самым жалобным голосом, даже не голосом, а голоском bleю:

– Мне в туалет... очень надо!

– Твори в штаны, теплее будет! – немедленно откликается из «курятника» Дорохов.

Все смеются.

– Потерпишь, не беременный, – бурчит старлей.

«Уазик» все так же стоит в пробке. За последние пятнадцать минут мы проехали метров десять.

– Мне очень надо, правда! – я начинаю ерзать, изображая крайнюю степень «хотения».

Пэпээсники невольно пытаются отодвинуться. В «курятнике» ржут. Водитель, недовольно обернувшись на меня, обращается к начальству:

– Дмитрич, может эта... Изгадит же машину!

⁹ *Omnia mea mecum porto* (лат.) – все свое ношу с собой

– А если он сорвется?

– Честное слово, не сорвусь! – я прижимаю руки к груди.

Я искренен. Я готов умолять. Я втягиваю воздух сквозь сжатые зубы и подпрыгиваю на сидении. По моим щекам текут слезы.

– Дмитрич! – водитель сам уже чуть не плачет. – Ну, пусть ребята сводят! Машина же! Вонять будет.

– Ладно, – снисходительно кивает старлей. – Гаврилов! Выведи, пусть поссыт на заднее колесо. Олег, подстрахуй!

– Есть, – басом отвечает сидящий справа от меня пэпээсник и резко дергает за руку. – Пошли!

Он открывает дверцу, вылезает первым. Я двигаю за ним, примечая, какими глазами смотрят на нас из стоящих рядом машин мирные обыватели. Что ж, пусть смотрят. Они еще не знают, какой цирк им предстоит увидеть в ближайшие секунды.

Второй автоматчик вылезает из «Уазика» с другой стороны и протискивается к нам, матеря пробки, машины и вообще все на свете.

Гаврилов, сжимая локоть, подводит меня к заднему колесу.

– Давай!

В зарешеченном окошке появляются оживленные рожи Дорохова и «бычары». Надо же, умудрились развернуться, чтобы насладиться зрелищем. Ну, смотрите, смотрите...

– Давай, ну!

– Я так не могу... – пританцовываю, затравленно озираюсь. – Люди же кругом...

– А тебе что, отдельный сортир выстроить? – рявкает Гаврилов.

Он выпускает мою руку, перехватывает автомат...

Я, не глядя, бью его пяткой в пах, прыгаю на капот стоящей рядом серебристой иномарки, с нее – на крышу другой машины, с нее – на следующую, сразу оторвавшись от преследователей на добрый десяток метров.

Гул от работающих двигателей застывших в пробке машин разрывает короткая автоматная очередь. Я не оборачиваюсь. Гаврилов стреляет в воздух. Это ясно прежде всего потому, что не слышно характерного звука пробивающих автомобильный металл пуль. Ну, и чисто логически: стрелять в меня пэпээсник не станет – побоится попасть в людей, сидящих в машинах.

Слышу сзади крики, мат. Давайте, ребятки, давайте!

Спрыгиваю в сугроб, выбираюсь, расталкивая испуганных прохожих, влетаю во двор, лавирую между припаркованных автомобилей. Вижу приоткрытую дверь в подъезд. Забегаю, звоню в первую попавшуюся дверь на первом этаже.

– Кто там? – сурово интересуется мужской голос.

Первое, что приходит в голову:

– Вам телеграмма!

– Щас...

Дверь открывается. Сильно толкаю в грудь опешившего хозяина в халате и тапочках на босу ногу, перепрыгиваю через него, бегу в комнату, на ходу цепляю стул и со всей дури бросаю его в окно, выходящее на другую сторону дома.

Звон стекол, треск рамы. Срываю тюлевую занавеску, заскакиваю на подоконник, пролезаю через разбитое окно и выпрыгиваю в снег. Прохожие останавливаются, с удивлением смотрят на меня. Метрах в пятидесяти вижу подземный переход и большую красную букву «М» над ним.

Ага, метро. Удача, удача! На бегу срываю шапочку, снимаю пуховик, выворачиваю его. Теперь пусть поищут.

Сбежав по ступенькам вниз, пролетаю стеклянные двери, и перехожу с бега на неспешный шаг. Теперь мне надо выглядеть спокойным и незаметным. В метро постоянно дежурит милиция. Главное – не нарваться.

Спустя пару минут битком набитый состав метро уносит меня в черный тоннель. Кажется, пронесло. Я оторвался. Осталось только как можно скорее покинуть гостеприимную сто-

лицу. Моя сумка с вещами и оружием – в камере хранения на вокзале. Протискиваюсь к карте метро, вычисляю наиболее короткий путь до станции «Комсомольская».

Итак, схема моих действий теперь проста: метро-вокзал-камера хранения-касса-поезд. В идеале мне хорошо было бы попасть на поезд, идущий в Пермь, но сейчас не до жиру, быть бы живу – подойдет любой. Денег у меня достаточно, чтобы добраться до Перми из любого другого города Союза. Черт, не Союза, его уже нет. Из любого города России.

Возбуждение, охватившее меня, постепенно проходит. Ему на смену является страх. Но это не примитивный страх жертвы, за которой идет погоня. Куда более сильные эмоции начинают терзать мою душу.

Я – один. Изгой. Человек вне закона. Мне никто не может помочь. Мне не на кого опереться. Зажатый в толпе пассажиров, трясущийся в вагоне метро, на самом деле я – как Робинзон на острове. Это не просто страшно – жутко. Когда не можешь, не имеешь право прийти к собственной матери, потому что можешь принести за собой боль и страдания, если она вдруг станет свидетелем твоего задержания, когда не можешь обратиться за помощью к хорошему парню Андрею Гумилеву, потому что, скорее всего, его объявят твоим пособником...

Остается только завывать, как одинокий волк морозной февральской ночью. Нет, на самом деле есть, есть один человек. Маратыч, мой старый тренер, человек опытный и бывалый. Но я уже решил – к нему я обращаться не стану ни под каким видом.

Потому что мне стыдно. Маратыч возлагал на меня большие надежды. Он верил в меня, он помогал мне. А я в итоге стал отверженным...

Конь чутко реагирует на мое настроение – и погружает в прошлое.

По воле Чингисхана к его белой юрте было привезено десять повозок чистейшего золотистого песка с берегов соленого озера Далай-нур и одна повозка красных камней с Хантайских гор. Песок и камни высыпали в укромной низинке, огороженной высокой войлочной изгородью.

Целый месяц сын Есугея вместе с иноземными купцами, захваченными на караванных тропах в Великой степи, провел за изгородью из войлока. Что он там делал, оставалось загадкой даже для самых приближенных к владыке людей. Чингисхан забросил все прочие дела или перепоручил их своим верным нукерам. Вечерами они гадали, чем занят их повелитель – то ли прорицает будущее, то ли колдует, насылая на врагов своих мор и глад.

– Купцы привезли ему чужеземные снадобья, и сейчас наш повелитель создает из песка и камней могучего воина, дэва, которому нипочем копы и стрелы, – убежденно сказал Джелме, прихлебывая кумыс из раззолоченной фарфоровой чаши. – Пустив этого дэва впереди войска, он сумеет одержать победу над любым врагом.

– Чингисхану не требуется воин из песка и камней! – сверкнул глазами Джебейон. – У него есть мы! Если он прикажет – мы и так завоюем весь мир!

Чилаун, сын старого Сорган-Шире, того самого, что спас Темуджина, избавив его от колодки, отложил тонкий сточенный нож, которым отрезал кусочки мяса от зажаренного над огнем барана, вытер рот полый кафтана и степенно произнес:

– Наш повелитель, да продлит Тенгри его дни в вечность, занят совсем другим делом. Я слышал, что есть способ обратить обычный песок в золотой, а простые камни – в драгоценные. Заполучив столько золота и самоцветов, Чингисхан купит в Хорасане и других странах самое лучшее оружие и доспехи, чтобы сделать нас, своих нукеров, неуязвимыми!

Субудей-багатур громко расхохотался.

– Чилаун-хайчи, бараний жир прополз тебе в голову! Если Чингисхану что-то надо – золото, камни, оружие – он идет и берет. Или отправляет нас, верных слуг его. Сначала думай, потом говори.

Толстый Мухали, лицом похожий на каменные изваяния, что с незапамятных времен стоят в закатных пределах Великой степи, хмыкнул.

– У цзиньцев не особенно-то возьмешь. Великая стена хорошо охраняет их.

– Для воли Чингисхана нет преград! – рявкнул Джебе.

– Для воли Тенгри, ты хотел сказать, – прогудел Мухали.

– Ты не веришь в силу своего господина? – с угрозой в голосе поинтересовался Джелме.

– Тихо, тихо, – примирительно развел руки в стороны Субудей. – Чего нам ссориться? Давайте лучше выпьем архи и позовем сказителя. Пусть споет о славных деяниях предков.

Лишь один Боорчу был спокоен:

– Темуджин верит в Вечное Синее небо, но он не станет тратить целый месяц своей драгоценной жизни на гадания или волшебство. Давайте подождем утра. Мне думается, завтра мы все узнаем...

Первый нукер оказался прав. Едва взошло солнце, как Чингисхан призвал своих соратников и ближайшую родню к войлочной изгороди. Помимо «четырех героев», Джелме, Джебе-нойона и Субудей-багатура, здесь были брат владыки Хасар, сыновья Джучи, Джагатай, Угедей и одетая в расшитое бисером и украшенное золотыми пластинками шелковое дели старшая жена Борте.

Когда они прошли через узкие воротца и оказались внутри огороженного пространства, послышались возгласы изумления. На площадке шириной в пятнадцать и длиной в тридцать

шагов раскинулась в миниатюре вся Монголия и прилегающие к ней земли.

Все принялись вполголоса обсуждать невиданное творение своего повелителя, восхищаясь им.

– Смотри, смотри, вон моя родная река...

– А это гора Бурхан-Халдун!

– А там ойратские степи...

– И Великая стена как настоящая...

Чингисхан, довольный, посмеивался в бороду, расхаживая по краю площадки. В руках он держал длинную бамбуковую трость. Дождавшись, когда говор уляжется, сын Есугея воткнул трость в песок и сказал:

– Долго думал я, с чего начать нашу священную войну против проклятой Цзинь. И чтобы лучше понять это, создал я с позволения Вечного Синего неба отображение земного лика. Теперь весь он лежит передо мной, и вижу я больше, нежели внутренним оком.

– Повелитель! – Боорчу остановился у самого края песчаной карты. – А если ногой раздавить Великую стену, разрушится ли она на самом деле?

Послышался смех. Чингисхан тоже улыбнулся и, не удостоив первого нукера ответом, вновь заговорил:

– Цзинь сильна и многочисленна. Великая стена ограждает ее пределы. Стену охраняют войска. Наскоком такое препятствие не взять. А потому помыслы мои устремились туда, где лежит тангутское Белое Высокое Великое государство Ся...

Выдернув трость, он обвел ее кончиком земли к западу от цзиньской империи и вновь заговорил:

– Пространства, подвластные тангутам, находятся за пустыней Гоби. Здесь Великая Желтая река делает петлю, охватывая плодородные земли Ордоса. Южнее него пролегает древний караванный путь, именуемый Шелковым. Купцы сказали мне, что он проходит через область Ганьсу, прорезая тангут-

ские земли с востока на запад. День и ночь идут по Шелковому пути караваны. Они везут фарфор и шелка, оружие и доспехи, золото и серебро, изысканные яства и рабов. Так прирастает богатство Цзинь. Война наша начнется с того, что мы пережем этот поток, остановим торговлю.

И Чингисхан резким движением прочертил в песке глубокую борозду.

– Цзинь вышлет войска, – тихо произнес Мухали.

– И это хорошо, – кивнул Чингисхан. – Оказавшись в степи, отряды врага будут сражаться по нашему укладу. Мы разобьем их – и ослабим защиту Великой стены.

– Это мудро! – выкрикнул Джебе.

– Тангутское царство Ся – сильный противник, – заметил Субудей. – В Ордосе, я слышал, много крепостей и укрепленных городов. Ганьсу многолюдна. У царя Западной Ся большая армия...

– Тем проще будет разбить ее, – рассмеялся Боорчу. – Ни одна стрела не пролетит мимо!

Опять вокзал. Господи, как же осточертело мне все это – гул голосов, запахи, лица, шарканье ног. Я устал.

Стою в очереди за билетами. Расписание я изучил, но вариантов не густо – в ближайшие два часа уходят поезда до Пензы и Ташкента. И тот, и другой идут как-то совсем не в нужную мне сторону. Пермский будет только вечером, до него почти семь часов.

А может, рискнуть? Вытягиваю шею и оглядываю море людских голов, окружающее меня со всех сторон. Отъезжающие, провожающие, ожидающие, встречающие, какие-то бродяги, цыгане, носильщики и уборщики, железнодорожники – поди найди кого-нибудь в этом месиве! Перекантуюсь я семь часов где-нибудь в неприметном уголке, перекушу вон в «Закусочной», подремлю на лавочке...

– Э, братан, ты что, уснул? – грубо пихает меня в бок какой-то мужик.

Оглядываюсь – мать честная, пока я прикидывал варианты, подошла моя очередь. Из-за стеклянной перегородки на меня с ненавистью смотрит полная кассирша-билетерша.

– Ну, куда вам, мужчина-а? – с характерным московским акцентом интересуется она.

А, была – не была!

– До Перми. Один, купе. Лучше верхнюю полку, – говорю я.

– Ну, наканец-та, са-азрели! – по ее лицу скользит недовольная гримаска. Она набивает на клавиатуре данные и спустя полминуты выдает мне билет. – Следующий!

В «Закусочной» пахнет так, что скулы сводит – прогорклым пережаренным маслом, прокисшим салатом оливье, луком и уксусом. Поверх этого наслаивается тяжелый табачный дух и общий вокзальный аромат. Запах получается такой, что непривычного человека, пожалуй, и с ног свалит.

Но я – как раз привычный. Плюс к тому очень хочу есть. За весь сегодняшний сумасшедший день я не ел еще ни разу. Мне срочно требуется подзарядка. Еще проталкиваясь через толпу к манящей вывеске, я воображал себе толстые общепитовские тарелки с борщом или рассольником, макаронами, поджаристыми котлетами, тушеной капустой, сосисками... Ну, на худой конец, бутерброды с колбасой, сыром или, чем черт не шутит, икрой и кофе в бумажном стаканчике.

Ассортимент «Закусочной» меня не то чтобы разочаровывает, но энтузиазма убавляет. Разглядывая расставленные за стеклянной витриной тарелки с подсохшими салатами, скукоженными бутербродами и морковными биточками, я чувствую, как успокаивается, тухнет разбушевавшийся аппетит.

Спасает меня синяя птица удачи – курица. Точнее, ее ноги, именуемые, согласно ценнику, окорочками. Вот это есть, судя по всему, можно. Три окорочка, хлеб – и я снова буду готов к труду и обороне.

Занимаю очередь к прилавку. Контингент в «Закусочной» еще тот. Настоящих пассажиров здесь немного, зато в избытке присутствуют мятые личности с характерно красными физиономиями и потухшими глазами. Они стоят в расслабленных позах вокруг высоких одноногих столиков, подпирают стены, шушукаются по углам, что-то пьют, жуют, курят.

Помещение имеет второй вход – или выход? – откуда можно попасть в темный коридор, выводящий на примыкающую к вокзалу улицу. Мне представляется на мгновение, что дымная и шумная «Закусочная» сродни описанным Гиляровским забегаловкам и притонам Хитровки, настоящему «Чреву Москвы», где обитали те, кого принято было считать отбросами общества, но кто, на самом деле, во многом определял жизнь в городе.

Беру у толстой буфетчицы тарелку с окорочками и хлеб. Она смотрит на меня алюминиевыми глазами и произносит бархатным контральто:

– Под курочку взяли бы водочки, мужчина...

«Хм, а ведь это мысль! – тут же сигналил мне внутренний голос. – Расслабиться надо, стресс снять. Опять же время веселее пройдет...»

«Да, но мне надо быть начеку! Меня ищут, я беглый преступник...»

«Ерунда, – уверенно заявляет внутренний голос. – Ментам совершенно по барабану, в каком виде тебя брать, а так ты хоть гульнешь напоследок».

Резон в этом есть. Была – не была!

– Давайте, пожалуйста, – киваю я буфетчице.

– Сколько?

– Сто грамм.
– Мы в разлив не продаем. Распоряжение начальника вокзала.

– А как продаете?
– Господи, мужчина, вы как вчера на свет родились! Бутылками, конечно. Ну, будете брать?
– Да, давайте.

С подносом, на котором Останкинской башней гордо высится бутылка с непонятным названием «Finlandya», иду к ближайшему столику. Замечаю попутно, что на стене висит рекламный плакат купленной мною водки, вот только на этом плакате название зелья выглядит как «Finlandia».

«Надо же, и при капитализме пишут с ошибками», – улыбаюсь я, принимаясь за трапезу. Вокруг примерно тем же занимаются по меньшей мере человек пятнадцать. Еще раз убеждаю себя, что найти меня здесь – все равно что иголку в стоге сена.

Сворачиваю крышку с водочной бутылки. Пора принять успокоительное. Щедро наливаю в стакан грамм сто пятьдесят, выдыхаю, стакан взмывает ввысь...

– Я прошу прощения, – надтреснутый голосок прерывает наш намечающийся с «Finlandya» интим. – Дико извиняюсь и заранее готов понести самую жестокую кару, сиречь наказание, но смею надеяться, что благородство возьмет верх в вашей светлой душе над своекорыстием, черствостью, равнодушием и не даст прорости семенам гнева, кои вполне справедливо посеялись, ибо бесцеремонность мою извиняет исключительно крайняя нужда и особые обстоятельства, вызванные сложной жизненной ситуацией...

– Браво, браво! – прерываю я этот словесный водопад, поворачиваю голову. – Умеешь!

Передо мной стоит дедок, худенький, седенький и весь какой-то... ветхий, что ли? Кажется, дунь на него – и улетит. Острень-

кий носик густо покрыт сетью красных прожилок. С ним резко контрастируют небесно-голубые, прозрачные глазки. Не глаза, а именно глазки. Впрочем, у этого человечка все такое – ручки, плечики, волосики...

– Необычайно рад доставить вам удовольствие и смиренно жду скромной благодарности, – заискивающе улыбается дедок.

– Налить, что ли?

– Вы очень прозорливы и великодушны, – елейная речь не прекращается. – Не откажите в любезности утешить страждущего, одиноко бредущего по пустыне жизни.

– Стакан тащи! – мне почему-то хочется в противовес его вычурной речи говорить грубо и отрывисто.

– *Omnia mea mecum porto*, – продолжает улыбаться старичок, ловким жестом извлекая из кармана своего то ли пальтишка, то ли зипуна складной стаканчик наподобие того, что носит с собой дядя Гоша.

Латинскую фразу, очень к месту ввернутую в разговор моим нечаянным собеседником, я знаю. Переводится она как «все свое ношу с собой».

Наливаю в стаканчик от души, до краев. Дедок восхищенно смотрит на меня, потом на стакан, весь как-то гимнастически изгибается, отставив худую ручку, вытягивает покрытую седым пушком цыплячью шею – и проглатывает водку одним длинным, тягучим глотком.

– Закуси, отец, – я киваю на свой поднос.

– Не имею такой пагубной привычки, ведущей ко многочисленным и небезопасным для здоровья последствиям, – отдышавшись, качает он головой.

Речь дедка становится плавной, глазки вспыхивают, кожа розовеет, а острый носик пылает, точно маков цвет.

– Благодарю вас от всей измученной многочисленными житейскими тревоблениями души, – он прижимает свои птичьи

лапки к груди. – Имею желание, по выражению древних латинян, *bene merenti bene profuerit*¹⁰ и дать вам, мой любезный спаситель, весьма ценный и, похоже, остро необходимый совет.

«Н-да, похоже, я зря ему налил, – мелькает у меня в голове. – Теперь не отвяжешься. А я ведь еще ни выпил, не поел...»

Решительно беру окорочок, поднимаю стакан.

– Валяй, отец, советуй. Твое здоровье!

Водка обжигает горло, в нос шибает сивухой. Уф, аж слезы выступили! Да уж, в моем времени сорокоградусная была куда как поприятнее. Хотя, конечно, тоже отравы, чего уж там.

Опасливо закусываю. Курица более-менее, обычное столовское «мясо птицы».

– Вижу, что вы находитесь в крайних жизненных обстоятельствах, – щебечет дедок. – Но готов держать пари, даже не догадываетесь об их истинной причине. Вы вините во всем таинственный артефактус, безделушку, что однажды вошла в вашу судьбу и изломала ее самым чудовищным образом, ведь так?

С изумлением откладываю наполовину обглоданный окорочок. Ветхий вокзальный попрошайка, полупрозрачный алкаш попал в самую точку! Но откуда он узнал?

– И не пытайтесь, не пытайтесь познать истоки моей прозорливости, – улыбается дедок. – Просто примите все как должное. Слушайте, мой юный друг: нельзя быть участником игры, не понимая ее правил. Вы в любом случае окажетесь в проигрыше. Просто покоритесь року, станьте тростником на ветру. Великий философ Блез Паскаль говорил, что человек – это мыслящий тростник. Когда ветер дует, тростник гнется. Гнется, но не ломается! Вот в чем соль, вот где корень человеческого торжества и основа выживания человечества как вида! Не пытайтесь спорить с ветром, он сломает вас, превратит в прах. Но покорившись его воле, вы уцелеете, и ваше существование будет бесполезным.

¹⁰ *Bene merenti bene profuerit* (лат.) – за добро заплатить добром

– Это... – я закашливаюсь, пытаюсь подобрать слова, мычу что-то невразумительное, наконец, выдавливаю из себя: – Но откуда ты... вы... знаете?

Старичок хихикает. Его смех похож на чириканье воробья. Он поднимает два пальца, напоминающих сухие веточки и указывает себе на глаза. Потом разворачивается и быстро уходит, исчезает за спинами посетителей «Закусочной». Миг – и я остаюсь один, ошарашенный и напуганный.

Менты меня не нашли. Но кто-то нашел. Кто-то, кто знает правила. Соломон Рувимович тоже говорил что-то про игру, про Великую Интригу. Но он утверждал как раз обратное – мол, я хоть и пешка, но могу выйти в ферзи. А этот похожий на воробушка старик, если перевести его витиеватую речь на обычный русский, прямо сказал: не лезь! Покорись судьбе.

Что это значит? А все очень просто – нужно выполнить волю Чингисхана, добраться до его усыпальницы. И привести кого-то за собой? От этой мысли мне становится жарко. А что, если все так и есть: я просто-напросто проводник, человек, знающий путь. За мной следят, за мной идут по пятам. И когда я доберусь до цели, игроки выйдут из тени, чтобы получить свое.

Свое? А что их интересует? Омоложение древнего завоевателя? Зачем? Чтобы начать новую войну? Вполне возможно. Но скорее всего, им нужен предмет Чингисхана.

Волк. Могущественный, как выразился дедок, «артефактус». Он вызывает страх у врагов, а напуганный противник – наполовину побежден.

Наливаю полстакана водки, выпиваю, не замечая вкуса. Мысли мои, подстегнутые алкоголем и волнением, несутся вскачь: «Я знаю по крайней мере одного человека, который живо интересовался тайной могилы Чингисхана. Это Нефедов. Он, конечно, сгинул, но это вовсе не значит, что профессор погиб. Может он выбраться из аномалий и теперь скрытно наблюдать за

мной? Вполне. Кроме него, имеется еще Соломон Рувимович, знающий больше, чем говорит. Две якобы случайные встречи – ох, неспроста это все, неспроста! Наконец, дедок с его советом... А ведь еще есть тот, кто пытался убить меня с помощью отравленной глюкозы. Да-а, действительно Великая Интрига...»

– Браток, ты бы не пил эту дрянь, – проходя мимо, хлопает меня по плечу какой-то мужик.

– В смысле?

– Так паленка же, – он пожимает плечами. – Ежу понятно.

Я вынырываю из темного омуты размышлений, тупо смотрю на бутылку, в которой осталось чуть больше половины. Паленка... Мысли в голове вертятся неподъемными валунами. С трудом вспоминаю отравившихся женщин на трассе, которых я встретил, только попав в девяностые. Да нет, быть не может! Это же не ларек какой – вокзал, государственное учреждение...

Опять вопросы! Вопросы, вопросы, вопросы – как я от них устал. Да гори оно все синим огнем с искрами! До поезда дофига времени, делать нечего. Буду пить. Вот только... Одному как-то не по-русски, что ли?

Подхватываю поднос и перехожу за столик, занятый двумя с виду вполне приличными дядьками. Они пьют пиво, терзают воблу, что-то обстоятельно обсуждая.

– Мужики, не помешаю? А то скучно одному.

– Валяй! – великодушно разрешает обладатель вислых рыжих усов. – Нальешь по полтинничку? А мы пивком поделимся, верно, Микола?

Темноволосый Микола кивает.

– А то!

Успокоенный тем, что на водку нашлись добровольные охотники, я разливаю новым знакомым, мне пододвигают бутылку пива. Все, контакт налажен! А все дурные мысли – побоку.

И стоит только мне так подумать, как жаркий ветер степей бьет в лицо, и я вижу войско Чингисхана, подходящее к тангутскому городу Уйраку...

Полдень. Уже неделю не было дождей, и копыта коней вздымали тучи белой пыли. Запорошенный ею, словно одетый в саван, сын Есугей-багатура в окружении турхаудов и военначальников въехал на высокий холм, откуда открывался вид на дома и крепостные стены.

Пыль рассеялась. Чингисхан от удивления прикусил завиток бороды и замер. Уйрак был первым городом, который он видел в своей жизни. Скопище одно- и двухэтажных домов, пирамидки пагод, островерхая крыша дворца наместника, навесы, сараи, рыночная площадь – все это было окружено квадратной стеной, сложенной из камней и глины. По углам высились четырехугольные башни с бойницами. Высота стены составляла четыре человеческих роста, башни были почти вдвое выше.

Городские ворота, сделанные из кедровых балок, окованных листами меди, оказались запертыми. На стенах расхаживали воины в наборных панцирях и черных пластинчатых доспехах. На дороге, ведущей к воротам, повсюду валялись узлы, битые горшки, сломанные повозки, всевозможный сор. Было видно, что жители окрестных поселений в спешке бежали под защиту городских стен. Забытый осел мирно пасся в тени привратной башни. Пестрый женский платок, привязанный к обломанной оглобле одной из телег, трепетал на ветру, как знамя.

Монгольское войско расположилось лагерем за холмами. Чингисхан с сыновьями и приближенными остановился в сотне шагов от стен. Боорчу в сопровождении трех нукеров и купеческого приказчика по имени Чу, толмача, умевшего говорить на многих языках, поскакал к воротам. Постучавшись в сияющую медь рукояткой меча, он крикнул:

– Эй, отворяйте, если вам дорога жизнь! Повелитель степи, великий Чингисхан хочет войти в город!

Чу перевел его слова. Злой голос с башни ответил по-монгольски:

– Убирайся обратно в степи, нищий оборванец!

– Оборванец? – удивился Боорчу, оглядывая свои позолоченные доспехи и богато украшенную сбрую коня.

– А своему бродяге-повелителю передай, что тут не подают милостыню всякому отребью! – добавил все тот же голос.

– Зря твой грязный язык сказал эти слова, – нахмурился первый нукер Чингисхана. – Очень скоро он покинет твой рот. При чем ты будешь еще жив, собака!

Развернув коней, монголы и толмач поскакали прочь. Вслед им полетели стрелы. Одна со звоном клюнула Боорчу в наплечник, другая вонзилась Чу в спину, перебив позвоночник. Он умер, даже не успев упасть на землю.

– У нас больше нет толмача, – вздохнул Чингисхан, наблюдавший за неудачным посольством Боорчу. – Что ж, значит, Вечное Синее небо не хочет, чтобы мы разговаривали с тангутами. Придется убить их всех. Человек не должен жить в доме из камня, ковырять землю и бросать в нее семена. Сажать травы – право Тенгри, это знают все. Посягнувших на законы Вечного Синего неба ждет смерть.

– Ворота заперты, стены высоки. У наших коней нет крыльев, чтобы перелететь через них, – подал голос всегда мрачный Джучи, старший сын Чингисхана. – Как нам добраться до засевавших внутри и исполнить волю Тенгри?

Толстый Мухали сердито засопел.

– Позволь, повелитель?

– Говори, – кивнул Чингисхан.

– Надо сделать насыпь, такую, чтобы высота ее превосходила высоту стены. Тогда мы войдем в город.

Чингисхан обернулся к Мухали.

– Воистину, твоими устами говорил сам Тенгри! Возьми две тысячи воинов и к завтрашнему утру сгони сюда столько людей, сколько сможешь. Пусть у них будет все необходимое для возведения насыпи.

– Повинуюсь, повелитель, – Мухали неловко поклонился в седле и повернул коня, спеша исполнить волю Чингисхана.

Монгольские всадники отрядами по сто человек всю ночь рыскали в окрестностях Уйрака, обшаривая деревни. На рассвете к стенам города было согнано несколько сотен перепуганных тангутов. Половина из них имели при себе по две плетеные корзины и коромысла, остальные несли на плечах мотыги и палки для рыхления земли.

Едва солнце поднялось над дальними горами, как сооружение насыпи началось. Монголы плетью подгоняли землекопов, кололи особо нерасторопных остриями копий. С башен Уйрака защитники города молча наблюдали за тем, как постепенно растет грудa коричневой земли возле городской стены.

– Они слишком спокойны, – сказал Чингисхан Мухали. – Не пускают стрел, не кидают камни.

– Повелитель, я думаю, люди в городе боятся навредить своим соплеменникам.

– Когда речь идет о жизни и смерти, – веско произнес Чингисхан, – иные готовы убить отца и мать. Я не верю в человеческие добродетели.

Едва он успел закончить фразу, как окованные в медь ворота города распахнулись. Около тысячи вооруженных всадников в мгновение ока выехали оттуда и, настегивая коней, помчались вдоль стен к насыпи. Они легко смяли небольшой отряд монгольских надсмотрщиков и принялись с ожесточением рубить согнанных для работ крестьян.

Мухали охнул и, переваливаясь на ходу, побежал вызывать подмогу. Чингисхан от удивления ухватил себя за бороду, да

так и застыл, наблюдая. Его слова, сказанные не иначе как по велению Вечного Синего неба, подтвердились.

Тангуты-воины, облаченные в железные и медные панцири, рубили тангутов-крестьян мечами и топорами, насаживали несчастных на копья, в упор расстреливали из луков. Крики избиваемых, стоны раненых и умирающих слились в жуткую песнь смерти.

Крестьяне начали разбегаться, бросая мотыги и корзины. Лишь немногие попытались сопротивляться, защищая свою жизнь. Их утыканные стрелами трупы валялись на залитую кровью землю, а всадники уже мчались дальше, догоняя беглецов.

Когда по приказу Мухали тумен Субудея-багатура примчался к стенам Уйрака, все было кончено. Тангуты скрылись в крепости и ворота захлопнулись. Несколько сотен трупов, над которыми уже начали кружить коршуны да растоптанные копытами коней корзины – вот все, что осталось монголам.

И тогда Чингисхан, сжав под плащом фигурку волка, зарычал от злости:

– Срыть! Срыть этот город до основания! Стереть в пыль, в прах, в песок! Не щадить никого! Такие люди, что убивают себе подобных, не должны осквернять лик земной. Пусть Вечное Синее небо забудет о них. Вперед! Ху-пра!

Монголы подхватили клич своего владыки и со всех сторон ринулись к стенам города. Погоня коней, они торопились первыми добраться до них, чтобы мечами, топорами, палицами, копьями, ножами бить в окаменевшую под жарким тангутским солнцем глину.

С башен и стен Уйрака начали стрелять и бросать глиняные шары. Нукеры Чингисхана ответили ливнем стрел, утыкавших деревянные щиты на башнях так, что издали казалось, будто на них выросла густая шерсть.

Стук металла о камень разносился далеко окрест. Под остриями мечей и топоров глина не выдержала, начала крошиться. Ничем не удерживаемые камни падали под ноги монголов, иступленно продолжавших свою работу. Огромное войско буквально размалывало стены, вгрызаясь в них, как муравьи вгрызаются в трухлявое дерево.

Подточенные снизу, продолбленные, стены рухнули, осели горами обломков. Сквозь поднявшиеся облака пыли монголы устремились на улочки Уйрака, где их ждали напуганные, но все еще готовые драться тангуты.

– Огня! – заревел Чингисхан, с холма наблюдавший за штурмом. – Сожгите все! Во имя Тенгри милостивого – пусть здесь будет пепел!

Вскоре в гуще воинов запылали факелы. Бросаясь вдесятером на одного тангута, монголы очень быстро изрубили защитников города. Те почти не сопротивлялись, обессиленные страхом перед неведомым и беспощадным врагом.

Поджигая строения, воины Чингисхана двигались от дома к дому, убивая все живое – и женщин, и стариков, и детей, и собак, и домашний скот. Яростное пламя, раздуваемое ветром, пожирало жилища тангутов, а вместе с ними и мертвые тела.

К полудню все было кончено. Город Уйрак перестал существовать. На том месте, где еще утром высились башни и торчали изящные шатры пагод, чадило множеством дымов гигантское кострище.

– Воля Вечного Синего неба свершилась! – Чингисхан принял из рук слуги чашу с кумысом, обмакнул туда кончики пальцев и брызнул в небо. – Джелме, Субудей! Соберите воинов, посчитайте потери и готовьтесь к выступлению.

– Повелитель, – рассудительный Мухали подъехал к Чингисхану, кивнул на тлеющие руины. – Уйрак был очень маленьким городом.

– И что с того? – набычился сын Есугея.

– На нашем пути будут встречаться города намного больше. Как мы сумеем овладеть ими?

– На все воля Вечного Синего неба, – проворчал Чингисхан. – Что ты предлагаешь?

– Слышал я от купцов, что в иных землях имеются искусные мастера, которые делают удивительные станки, способные метать громадные камни и бревна. Ими ломают стены крепостей, разрушают башни, прошибают ворота...

Чингисхан нахмурился.

– Ты думаешь, что мои непобедимые воины без этих станков не сумеют одолеть врага, засевшего за стенами?

– Не желаю вызвать гнев повелителя... Не сумеют, господин! – твердо ответил Мухали.

Посопев, Чингисхан прищелкнул пальцами.

– Хорошо. Приказываю везде, где только возможно, изыскивать таких мастеров, а так же умелых кузнецов и оружейников, сохранять им жизнь и пусть они служат нашему справедливому делу! Да будет так!

Развернув коня, Чингисхан поскакал к своей походной юрте.

Он не успел закончить трапезу, как Боорчу, доспехи которого покрывали грязь и кровь, вошел в юрту, скинул шлем и упал на одно колено, приветствуя Чингисхана.

– Ты задержался, – заметил сын Есугея.

– Было одно дельце, – измазанное копотью лицо первого нукера озарилось белозубой улыбкой. Он достал из-за пазухи и бросил под ноги Чингисхану, на узорчатый персидский ковер, какой-то небольшой предмет, завернутый в пропитанный кровью шелковый платок.

– Что это?

– Язык того нечестивца, что так дерзко говорил со мной и оскорбил тебя. Сам он еще жив. Я не решился окончить его судьбу, не узнав твоей воли.

Чингисхан досадливо дернул плечом.

– Моя воля для дерзких всегда одна!

И он чиркнул большим пальцем по горлу. Боорчу поклонился и вышел.

– Харуул¹¹! – крикнул Чингисхан и, когда в юрте появился невозмутимый турхауд, носком мягкого сапога брезгливо отпихнул кровавый сверток. – Отдай это собакам!

Прихожу в себя от того, что мне очень плохо. Голова раскалывается, во рту тошнотворный сладковатый привкус. С трудом разлепляю веки. Перед глазами все плывет.

Где я? Вижу столик, на нем стаканы в железнодорожных подстаканниках, которые ни с чем не спутать. Звякают ложечки. Мутное окно, за ним проносятся заснеженные деревья. Значит, поезд. Я все-таки сумел сесть и уехать из Москвы. Пытаюсь поднять руку – вспышка боли. Господи, что за дрянь я пил? Как там сказал мужик? Паленка? События вчерашнего вечера всплывают в памяти чередой ярких, но до тошноты отвратительных картинок, похожих на творения Босха.

Запивая водку пивом вместе с вислоусым и Миколой, я очень быстро дошел до той кондиции, когда все мужчины становятся братьями, а женщины – отнюдь не сестрами. Помню, как угощал водкой каких-то дембелей. Помню, пошел в туалет и увидел бледных парней с закрытыми глазами, сидящих на корточках у стены. Рядом с ними валялись шприцы, и я решил, что им плохо. Пытался помочь. Бил по щекам, тормозил. Хорошо, Микола встревожился, что меня долго нет, и пошел на поиски. Он и объяснил, что этим ребятам не плохо, а хорошо.

Были еще серая личность со слащавой улыбкой и две девицы в ажурных колготках и коротких кожаных юбчонках, лениво покуривающие в сторонке. Мы о чем-то долго говорили с личностью, потом куда-то пошли... Далее в памяти зияет об-

¹¹ Харуул (монг.) – стражник

ширная черная дыра, отчетливо пахнувшая чем-то приторно-сладким...

Хотя стоп-стоп-стоп! Память приоткрывает завесу мрака над вчерашним вечером и из-за нее появляется высокая, сутулая фигура в темной одежде. И лицо. Я уже видел его! Это оно смотрело на меня из-за вагонного окна! Прозрачная кожа, серые пятна вместо глаз... Вчера этот человек – или не человек? – был в закуской. Совершенно точно был. Но зачем? Что ему от меня нужно?

Черт, ни-че-го не помню...

Проходит несколько минут, прежде чем я прихожу в себя настолько, чтобы оглядеться. Я сижу на нижней полке у окна. Одет, сумка висит на шее, как камень утопленника. Напротив меня спит, укрывшись синим казенным одеялом, какой-то мужик. С бокового места неодобрительно поглядывает пожилая женщина.

Хм, а почему вагон плацкартный? Я же вроде покупал билет в купейный? Впрочем, это сейчас не главное. Стаскиваю ремень сумки с шеи, медленно тяну язычок молнии. Слава богу, оружие и вещи на месте. Теперь деньги. Лезу во внутренний карман, нащупываю пачку долларов. Тоже целы. Значит, будем считать, что загул прошел без особых потерь. Теперь надо окончательно прийти в себя, осторожно похмелиться, поесть и доехать до Перми. Там снять квартиру или комнату, закупить все необходимое – и вперед, к деду Чаге.

Мелькание деревьев за окном сменяется бескрайней равниной, белой, унылой. Снежная пустыня. Странно. Судя по тому, что уже рассвело, мы должны приближаться к Перми, а там вокруг сплошные леса. Ох, как же болит голова... Правы были создатели любимого маминого фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!»: «Надо меньше пить!».

Медленно поднимаюсь, с трудом перевешиваю сумку на плечо и, хватаясь за полки, бреду в сторону туалета. Поезд раска-

чивается, колеса грохочут на стыках. Пассажиры, мимо которых я прохожу, смотрят с брезгливой настороженностью. Видимо, рожа у меня еще та.

Вот и туалет. Дверь приоткрыта, внутри кто-то есть. Черт! Дергаю ручку и вижу проводницу, что-то там намывающую шваброй.

– О, проснулись! – усмехается она напыленным ртом, заметив меня. – А мы уж думали будить. До Казани полчаса осталось.

– Мне бы умыться... – я не узнаю своего голоса.

– Поздно, – снова усмехается она. – Санитарная зона.

– Пожалуйста. Я заплачу...

– Заплатил уже. Нельзя так пить, мужчина. Ладно, на пять минут заходите. И аккуратнее там, я перемывать не стану. В Казани вас встречают?

– Нет.

Я протискиваюсь мимо нее, запираю дверь, вешаю сумку на крюк, смотрюсь в зеркало. И только тут, увидев чужое, опухшее лицо с синими кругами под разноцветными глазами, вдруг понимаю: она дважды упомянула, что поезд прибывает вовсе не в Пермь, а в Казань...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Солдатами не рождаются

Конь снова переиграл меня. Победил. Уложил на обе лопатки. Скорее всего, вчера в пьяном угаре я почему-то решил, что мне нужно не в Пермь, а на малую родину. Но зачем?

Говорят, что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Выходит, я хотел в Казань. Подсознательно хотел. Потому и напился. Потому и...

Но в Казани у меня теперь никого нет! И меня там никто не ждет. Никто – кроме оставшихся на свободе бандитов Витька. Воображение рисует картину случайной встречи на улице с мгновенным опознанием: «Вот он, вот! Лысый, Косой, Дыня – мочим гада!». Стрельба, взрывы, визг тормозов – и мой холодный труп, уткнувшийся мордой в снег.

Впрочем, в родном городе, помимо бандитов, конечно же, есть и другие знакомые – одноклассники, однокурсники, коллеги по работе в газете, тот же дядя Гоша.

И Маратыч.

– Маратыч... – вслух произношу я. – Вот оно как сложилось...

Поезд останавливается, скрипя и грохоча всеми своими железными суставами. Выхожу из вагона. Вокруг шумит многоголовое существо, именуемое толпой. Слышу призывный клич:

– Такси, такси!

Машу рукой:

– Эй, шеф!

– Куда поедем?

– На Щапова.

Зачем я назвал этот адрес? Наверняка наш спортивный клуб давно закрыт, и вместо него какой-нибудь магазин или склад.

На Щапова меня ждет не просто разочарование – шок. Клуба нет. Его снесли. На том месте, где я вместе с Витьком и Бики постигал когда-то азы стрелкового ремесла, находится заснеженный пустырь. Из сугробов торчат высохшие стебли лопуха и лебеды. Гадство, в глубине души я так надеялся, что удастся расспросить кого-то, узнать хоть что-то о Маратыче...

Отпускаю такси, бреду по улице, поминутно поскальзываясь – лед с тротуаров в Казани не счищают.

Надо что-то решать. В секции нас было одиннадцать человек, я помню практически всех. Придется действовать через них. Опасно, конечно, но иного выхода, раз уж конь завез меня в Казань, нет.

Хм... А почему я решил, что попал сюда по воле коня? Вдруг все наоборот: алкоголь помог мне принять самостоятельное решение? И вообще – может быть, я нащупал выход, нашел опытным, эмпирическим, как говорится, путем способ борьбы с предметом?

«Надо будет обязательно проверить», – решаю я, хотя даже мысль о выпивке вызывает реальные физические страдания.

Прохожу сад Эрмитаж, неуютный, занесенный снегом. Черные деревья, голые ветви издали похожи на косматые, спутанные волосы. Вспоминаю, как раньше мы ходили мимо Эрмитажа каждый день, как ели здесь мороженое, пили газировку в автомате на углу. Вот он, тот самый угол. Стена дома неопрятно шелестит на зябком декабрьском ветру множеством наклеенных вкривь и вкось объявлений. Куплю, продам, сдам в аренду... Неожиданно глаз цепляется за серый листок. На нем всего несколько слов: «Приглашаем мужчин, имеющих хорошую физическую подготовку». Номер те-

лефона. И маленькая картинка: человек в спецназовской маске с поднятой рукой. Я смотрю на эту руку. Указательный и средний палец прижаты, безымянный отставлен в сторону, остальные загнуты.

Наш знак, салют валлийских стрелков. Его показал нам Маратыч, когда мы первый раз пришли в стрелковую секцию. Совпадение? Может быть. А может, и нет. Измученный мозг реагирует заторможено – я стою и тупо пялюсь на объявление. Мне тревожно.

Это похоже на тараканы бега в фильме «Бег». Меня гонят по трассе и никакой возможности свернуть нет. Можно, правда, остановиться или двинуть обратно, но в моем случае это означает смерть. Я в волю сложившихся обстоятельств обязан действовать быстро. Иначе – все.

Переписываю номер, отправляюсь искать телефонную будку. Ближайшая оказывается возле дома номер восемь по Профессорскому переулку. Будка старая, заслуженная. Стекла, конечно же, выбиты, краска облупилась, двери нет. Но телефон работает.

На счастье, в кармане джинсов завалялась пара жетонов, купленных еще во время житья у дяди Гоши. Вставляю негнуцимися пальцами один из них в прорезь, набираю номер и прижимаю ледяную трубку к уху.

Гудки, шорохи. Наконец я слышу голос. Он мало напоминает человеческий – скорее, это рычание старого цепного пса.

– Алло! Я слушаю! – хрипит пес.

Непроизвольно улыбаюсь и хмурюсь одновременно.

Маратыч. Я нашел. Но что будет дальше?

– Проходи, проходи, – грохочет старый тренер, увлекая меня за собой по темным и тесным коридорам. Он подволакивает ногу, горбится и в полумраке напоминает Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери».

«Странно, раньше с ногой у Маратыча все было в порядке», – удивляюсь я – и тут же получаю ответ:

– Видишь, какой стал? Не усидел я, Артем, в теплой конуре. Когда все началось, полез в самую кашу. Бендеры защищал, потом с казаками в Абхазии... Ну, и в прошлом году в Москве.

– А что там было? – удивляюсь я.

– Дураков переписывали! – рявкает Маратыч. – Ворье власть делило, а такие, как я, в расход пошли. Инерция, мать ее. Два осколка. Сухожилие перебило. Хромаю теперь, как Тамерлан. Ну, вот и моя берлога. Заходи, располагайся. Дай-ка я хоть на тебя погляжу, столько лет-то прошло...

Пока Маратыч разглядывает меня, я осматриваю его «берлогу». Это небольшая комнатка в подвальном помещении. Вдоль крашенных стен тянутся трубы, под бетонным потолком висит жестяной фонарь с тусклой лампочкой. Пахнет табаком, сыростью, землей – и оружейной смазкой. Знакомый такой запах. Практически родной.

Стол, стулья, пара шкафов, ящики в углу, диван, аккуратно застеленный армейским одеялом, деревянная перегородка, на ней – плакат: крепкий коротко стриженный парень в камуфляже на фоне гор, поверху надпись: «Soldier of fortune». Судя по гладкости загара на крутых скулах и аккуратности прически, реальных гор парень с плаката и не нюхал.

Замечаю на столе, рядом с телефоном, журнал с таким же названием. На обложке совсем другой персонаж. Вот это реальный солдат, но вряд ли удачи – слишком потухшие у него глаза. Беру в руки, читаю анонс номера: «Что мы делали в Кабуле?», «Третья мировая партизанская война», «Австралийские снайперы стреляют лихо» и так далее...

– Тебя заморозили что ли? – прерывает мое знакомство с журналом рык Маратыча. – Как мистера Мак-Кинли, а?

– В смысле?

– В прямом.

Он насторожено смотрит на меня. Изуродованная шрамами физиономия Маратыча багровеет.

– Как фамилия человека, занявшего первое место на республиканских соревнованиях в семьдесят восьмом? Что стояло в шкафчике в моем кабинете, слева от входа? Как звали кубинца, выдающегося стрелка, о котором я вам рассказывал? Ответить быстро!

Я невольно подбираюсь, наклоняю голову и чеканю:

– Кубинца звали команданте Вифредо Арче. В шкафчике стояла бутылочка со спиртом для протирки оптики зрительных труб. А на республиканке в семьдесят восьмом победил... я!

Перевожу дух и добавляю:

– Кстати, когда вы однажды обнаружили, что спирт разбавлен, это мы с Витьком отливали. Попробовать хотелось, что это такое – чистый спирт.

Кожа на черепе Маратыча дергается, верхняя губа ползет вверх, обнажая зубы – мой тренер улыбается.

– А я уж подумал – подмененыш какой-то. Ты ведь когда пропал-то? Лет пятнадцать прошло?

– Четырнадцать с гаком.

– Во-от! И выглядеть тебе положено как мужику в тридцать три. А ты... Не обижайся, но пацан пацаном.

– Да я знаю, – машу рукой, плюхаюсь на диван, кидаю в угол сумку. Беззастенчиво вру: – Это у нас наследственное, дед до старости в «молодых человеках» ходил.

Врать мне сегодня придется много. Надо привыкать.

Маратыч открывает шкаф, чем-то позвякивает, через плечо бросая отрывистые фразы:

– Рад, Артем, очень рад, что ты вернулся! Времена-то вишь какие... Ребят наших как разбросало... Насыров в том же Афгане погиб, в восемьдесят седьмом. Славка Орлов на машине разбился три года назад. Рожков в Москве, бизнесует. Хакимов в Германию уехал. Бикмуллин в Лондоне. Петровский, как

ты в армию ушел, результаты стал показывать, вверх двинул. До сих пор стреляет, дважды чемпион Союза. Галимов... Витек наш...

– Я знаю, – прерываю я Маратыча. – Виделись уже.

– Ясно, – он поворачивается, ставит на стол два стакана, бутылку водки, выкладывает колбасу, хлеб, банку огурцов. – Ну, а ты? Расскажешь?

– Конечно, – пересаживаюсь с дивана на стул. – Иначе не пришел бы.

После вчерашнего загула мне необходимо выпить. Водка манит меня, как живая вода – Ивана-царевича. Подвальный офис Маратыча неожиданно кажется уютным, домашним.

Разлив водку, старый тренер поднимает стакан:

– За встречу.

Чокаемся. Ну, понеслось...

Рассказ мой вместе со всеми отступлениями и паузами, во время которых мы выпиваем и закусываем, занимает почти час. Маратыч крутит бугристой головой, шумно сопит, крикает, но не перебивает. Историю встречи с Витьком и все последующие события я излагаю без утайки – в сущности, терять мне нечего.

– Ясно, – выдает свое любимое словечко Маратыч и тянется за сигаретами.

Я тоже закуриваю. Так, пуская к потолку дым, мы и сидим, не глядя друг на друга.

– Ладно, – он решительно тушит окурок в литой чугунной пепельнице. – Про тот бой, когда вашу точку разгромили, я и без тебя знал. Про вертолет – тоже. А куда ты после медпункта делся и где шатался столько лет – это тебе виднее...

– Руслан Маратович...

– Цыц! – рывкает тренер. – Скажи только одно: с Витьком все правда?

– Зуб даю!

– Зуб он дает... – похоже, Маратыч всерьез обиделся. Он-то, тертый калач, сразу раскусил, что я лью пули про Пакистан, Индию и прочее. – Явился – не запылится... Киллер, мать твою!

– Но я же не...

– «Я же, я же», – передразнивает он меня и неожиданно успокаивается. – А и ладно, Артем. В конце концов, ты взрослый мужик. Что посчитал нужным – рассказал. Потешил старика. Самое главное – живой ты. С руками, с ногами. Боевой опыт имеешь. Это хорошо.

Я вздрагиваю. Присловье «это хорошо» часто произносит в моих видениях Чингисхан. Как правило, на деле для всех вокруг ничего хорошего после этого не случается.

– Киллер – гнусная работа, – скрежещет Маратыч. – Стрелять в людей за деньги...

– Да задолбал ты с этим киллером! – я взрываюсь неожиданно, бью кулаком по столу так, что стаканы подпрыгивают. – Не убил я этого Гумилева! Наоборот, спас!

– А я тебя и не обвиняю, – спокойно говорит Маратыч. – Ты поступил как настоящий солдат. И... – он делает паузу, закуривает новую сигарету, – для настоящего солдата у меня есть настоящее дело. Это будет решением всех твоих проблем, Артем.

– Что за дело?

– Солдатская работа. В мире немало мест, где она востребована.

– Наемником, что ли? – я разочаровано кошусь на «Soldier of fortune».

– Да не смотри ты на него! – раздражается Маратыч и спихивает журнал на пол. – Наемник – тот же киллер. А я тебе про солдатскую работу толкую. Людей защищать.

– А в чем разница-то?

– Давай выпьем...

Мне, сказать по-честному, уже хватит. Народная мудрость не зря утверждает: «Неосторожный опохмел ведет к длительному запою». Я в одном шаге от этого самого запоя. Но толковище у нас с Маратычем пошло серьезное. Молча киваю – давай, мол.

Проглотив водку, тренер несколько секунд буравит меня глазами.

– Я, Артем, по образованию... по первому образованию – врач. Доктор. Хирург, – Маратыч прикладывает скрюченные пальцы ко лбу, изображая крест.

Я удивленно отставляю стакан. Вот это новость! Спрашиваю:

– А как же вы... ну, в армию?

– Случайно. Почти случайно. В начале шестидесятых, может знаешь, в Африке пошел «парад суверенитетов». Бывшие колонии становились независимыми государствами. Наши им помогали – где техникой, специалистами, где – оружием и военными советниками. А уж про медицинскую помощь и говорить нечего. Ну, вот я вместе с однокашником моим Пашкой Калюжным и отправился в такую чудесную страну Мозамбик – на подмогу местным врачам.

– Мозамбик? Это же... – припоминаю я.

– На побережье Индийского океана, напротив острова Мадагаскар. Райское место. Горы, реки, леса. Не джунгли, а такие... Просто леса. Местные их миомбо называют. Саванны тоже есть. Слоны, жирафы, носороги, буйволы. Все, как положено в Африке. И люди...

– Что – люди?

– На гербе Мозамбика, на нынешнем гербе, изображен автомат Калашникова. О чем это говорит?

Я молча киваю. Все ясно. Люди-звери.

– В Мозамбике гражданская война шла тогда. Наши, ну, партизаны, контролировали север. Против них воевали прави-

тельственные войска и как раз наемники. Рейды, засады, сожженные деревни... В общем, как сейчас говорят, движуха.

Я снова киваю. А Маратыч начинает рассказывать про затерянный в миомбо госпиталь, про полных и медлительных медсестер из местных, про бойцов повстанческого движения ФРЕЛИМО, которые охраняли госпиталь и которых старший лейтенант Журавлев, куратор советских врачей из Первого главного управления отдела КГБ, называл «эбонитовым взводом».

– Мы поспорили, что он из нас с Калюжным бойцов подготовит за месяц. Ну, тренировались каждый день, – Маратыч вздыхает. – Вот только завершить обучение не успели. Но если бы не этот старлей, не сидел бы я здесь с тобой. Помню, стояла темная ангольская ночь, в джунглях перекликались ночные твари. Журавлев бесшумно возник в дверном проеме тесной комнатенки, где под пологам спали мы с Калюжным, и сказал коротко, шепотом, но с такой интонацией, что мы сразу вскочили: «Подъем!». Налетел ветер, и длинные листья пальм за открытым окном принялись шуршать, точно морской прибой. Артем, давай-ка махнем не чокаясь... А потом я доскажу...

Я разливаю остатки водки. Не чокаясь – это значит «за помин души». Стало быть, вся эта история закончилась неважно.

Маратыч нюхает кусочек черного хлеба, закуривает. Вообще раньше он не курил. Обычно в его возрасте уже бросают, а тут вон как – садит одну за одной. Лишний раз убеждаюсь, что жизнь у моего тренера – не сахар.

– В общем, разбудил он нас. Я шепотом спрашиваю, мол, что случилось? И Стечкина табельного вытаскиваю из-под подушки. Пистолеты эти, громоздкие и тяжелые, мы с Калюжным получили в первый же день по приезду и с тех пор ни разу не пользовались ими.

– Эбониты слили, гады. Еще вечером, – одними губами произнес Журавлев и еле различимое в темноте лицо его потемнело еще больше. – Наемники в госпитале. Здание окружено,

окна под прицелом. В палатах... резня в палатах. Будем пробовать уйти. Делайте, как я. И тихо!

Калюжный был уже на ногах. На цыпочках мы выбрались в длинный госпитальный коридор. В самом конце его, у стола дежурной сестры, горела крохотная лампочка, питавшаяся от автомобильного аккумулятора. Там, за пятном желтоватого света, находилась дверь, ведущая наружу. Я поразился тишине, плотной, ватной тишине, царящей повсюду. Старлей между тем шептал:

– Они рассредоточились. Дверь держат трое, еще человек семь добивают больных, остальные в оцеплении. Остальных врачей зарезали во сне. Ну, пошли...

Когда мы приблизились к столу – пистолеты наготове, липкий пот заливает глаза – увидели дежурную, которая мирно спала, положив курчавую голову на руки. Столешница лаково блестела в электрическом свете, белый халат топорщился на округлых плечах. И вдруг до меня дошло, что дежурная вовсе не спит, а лак на столе – это ее кровь.

В проеме, ведущем в основное помещение госпиталя, мелькнула какая-то тень, потом еще, и еще.

– Выходим! Стволы – к бою! – приказал Журавлев. – Бежим к деревьям, упавшего – подбираем. Стрелять только по моей команде. Я иду первым, Маратыч в середине. Паша, ты держишь тыл. Мужики, вспомните все, чему я вас учил. Сейчас так: или-или.

Хлесть! – от могучего пинка старлея плетеная дверь не распахнулась – отлетела в сторону. Пригибаясь, Журавлев рванулся вперед, через несколько мягких быстрых шагов сменил направление.

Я бежал следом за ним и все пытался сглотнуть, но слюна куда-то пропала, и язык ворочался во рту неповоротливым шершавым бревном. Темные заросли постепенно приближались. У колодца, в раскидистой кроне мопане, бобового дере-

ва, завопила потревоженная мартышка. Калюжный шепотом выругался. Колония этих неопрятных, вороватых зверей кормилась с госпитальной помойки, и мы привыкли к ним, как к неизбежному злу. Первой мартышке немедленно ответила другая, и спустя несколько секунд среди темных ветвей уже бесновалась вся стая. И тут ночную тьму порвала на части автоматная очередь. Помню грохот, яркие вспышки выстрелов. Я оглох и ослеп. Вокруг засвистело, трассеры улетали в темно-синее небо и терялись среди ярких ангольских звезд.

– Не останавливаться, мать твою! – взревел впереди Журавлев. Стечкин в руке старлея ожил, и сухие, лающие звуки пистолетных выстрелов вплелись в общую какофонию звуков.

Что было потом, я запомнил плохо. Мы добрались до опушки леса, бежали, стреляли, падали; наемники беспорядочно били нам вслед. Пули срезали ветки кустов, смачно ударяли в стволы деревьев.

– Не отставать! – кричал старлей в редкие мгновения тишины, и мы, сцепив зубы, ломились на его голос сквозь колючие сухие заросли.

Неожиданно стрельба смолкла. Я бежал последним. Помню, замер, вытянув вперед руку с пистолетом, и тут вновь загрохотало, но уже не позади, а впереди и совсем рядом.

Это был «засадный полк» наемников – пятеро бойцов в юаровском камуфляже, все с калашами. Они сидели и ждали, когда беглецы выйдут на них. Они все продумали, эти толстогубые вояки, выросшие на войне и ничего кроме войны не знавшие. Белые доктора сами шли к ним в руки. Одна мелочь, один неучтенный фактор спутал их расчеты, и фактор этот звали Гриша Журавлев.

Пять стволов ударили из-за зарослей. Стечкин в руке старлея выстрелил пять раз. Когда мы с Калюжным выбрались на поляну, то нашли на ней трупы наемников – и Журавлева. Вот такие дела, Артем.

– Он убил всех пятерых?
– Причем сделал это, уже будучи смертельно раненым. Да чего там «раненым» – убитым.

– Профи.

– Это да. Но главное – он был солдатом. Настоящим. И защитил своих товарищей, то есть нас. Жизнь подарил, понимаешь?

Маратыч умолкает, кладет в наполненную окурками пепельницу погасшую сигарету, опускает голову на грудь. Я хочу спросить его – а что было потом? Как они выбрались, как сложилась судьба Калюжного, как, наконец, сам Маратыч из врача превратился в боевого офицера? Хочу – но молчу, потому что бывают моменты, когда нужно помолчать.

– Через два дня нам посчастливилось выйти к мутной реке Лимпопо, – неожиданно говорит мой тренер. – И совсем невероятным везением оказался плоскодонный мотобот с двумя пулеметами, на котором бойцы ФРЕЛИМО из партизанской бригады имени Ленина патрулировали реку. А старший лейтенант Григорий Журавлев так и остался лежать на безвестной полянке в мозамбикском лесу-миомбо, за тысячи километров от страны, которой он присягал, весь изрубленный калашниковскими пулями калибра 7,62... Теперь ты понимаешь разницу между солдатом и наемником?

– Ну, конечно...

Маратыч проводит рукой по лицу, стирая воспоминания. Откупорив вторую бутылку, не глядя, быстро разливает. Я пораженно усмехаюсь – разлито как в аптеке, поровну, тютелька в тютельку.

– Руслан Маратович, так что ж, я тоже – в Африку?

– Да за каким тебе – в Африку? – он скалится. – Есть на нашем шарике немало других мест, где людям живется плохо и нужны настоящие солдаты, настоящие мужики, чтобы защитить их. Ну, давай за солдат!

– У меня с документами...

– Поможем. И с документами, и до места добраться. А там встретят, не волнуйся. Ты же вроде как снайпер, а, ха-ха?

– Ну, приходилось...

– Значит, штучный специалист. Помнишь анекдот: не бегай от снайпера, не поможет, только умрешь усталым, ха-ха! Не волнуйся, примут, как родного. И главное! Там, Артем, тебя не достанут ни отморозки твоего бывшего приятеля, ни менты, ни ФСК. Вообще никто!

Я киваю захмелевшей головой, а про себя думаю: «От коня не убежишь...».

Наверное, я дал слабинку. Или конь сумел услышать, почуять мой главный подсознательный страх перед поездкой в М-ский треугольник – а вдруг никакой линзы там уже давно нет, вдруг все зря? Вдруг лопнула последняя ниточка к Телли? Ведь это все, край. Обрыв, за которым мрак, бесконечная пустота.

Да и слова Маратыча о том, что меня никто никогда не найдет за пределами родной Отчизны, прельщают, чего уж там. Пусть на время, пусть ненадолго, но выскочить из этой чужой страны, которая давит на мою психику, как штамповочный пресс. Там, конечно, тоже будет сторона чужая, но – не своя.

– Договорились, Руслан Маратович.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Друже Метак

– Классный у них гуляш! – облизывая ложку, сыто жмурится Кол. – Зыко!

– Национальная кухня, – согласно кивает Шпала. – Мастера, вот.

Я молча ковыряюсь в тарелке. Вокруг шумит венгерский город Будапешт. Все произошло стремительно, как в кино. Несколько дней назад я разговаривал с Маратычем в «берлоге», а сегодня уже сижу в ресторане на улице Вац, которая идет от площади Воросмарти до моста королевы Элизабет. Со мной еще двое «солдат удачи» – сапер Игорь Колесников по кличке «Кол» и двухметровый здоровяк Ярослав Брагин, заявивший нам при знакомстве:

– В десанте меня звали Шпалой. Я привык, вот.

Кол маленького роста, вертлявый, любит трепаться. У Шпалы тяжелая челюсть и легкий, добродушный характер. Он – специалист широкого профиля, прошел Афганистан.

Завтра мы улетаем в Сплит. Это городок где-то в Югославии. Хотя нет, не так. Никакой Югославии уже давно нет. Есть Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина – и прочие бывшие республики, а ныне самостоятельные государства, подавшие на развод с югославской метрополией. Все, как и у нас. За одним исключением: сербы, оказавшиеся за границами Сербии, не захотели быть козлами отпущения. И вместо того, чтобы бежать в Белград, взяли за оружие. Это началось в девяно-

стом. Сейчас конец декабря девяносто четвертого. Положение у братушек-сербов аховое. Они потеряли почти все, кроме Сербской Краины и собственно Сербии, хотя и там какие-то албанцы, о которых я вообще никогда не слышал, претендуют на коренные сербские земли в крае Косово. Маратыч пояснил нам, что это – то же самое, как если бы узбеки потребовали отдать им Рязанскую область, чтобы построить там свое независимое государство.

Еще Маратыч рассказал, что в Хорватии до развала Югославии жило много сербов. Им пришлось несладко, едва только сторонники отделения страны пришли к власти. Хорватские фашисты – усташи еще в годы Второй мировой проводили этнические чистки. Евреев отправляли в концлагеря, сербов сгоняли с земли, арестовывали, расстреливали. Всего погибло больше полумиллиона человек.

Теперь началось нечто похожее. И сербы взялись за оружие. Хорватию они покинули, сотни тысяч беженцев обосновались в самопровозглашенном государстве Сербская Краина. Вот на помощь краинским сербам мы и едем.

Новый, одна тысяча девятьсот девяносто пятый год встречаем в будапештском аэропорту «Ферихедь». Сидя в пластиковых креслицах, пьем из пластмассовых стаканчиков горячий чай и желаем друг другу «сбычи мечт». В четыре пятнадцать утра вылетаем в Сплит.

Наш самолет, небольшой, двухмоторный, летит вслед за убегающей на запад ночью. Кол и Шпала, утомленные впечатлениями, спят, а я пялюсь в иллюминатор на темные горы с расцветно-розовыми вершинами, проплывающие внизу.

В аэропорту Сплита нас встречает толстый носатый человек с густой шапкой черных вьющихся волос. Он держит в руках табличку с надписью «Fortune company». Подходим, здороваемся.

– Документы молим... э-ээ, прошу.

Отдаем ему наши паспорта. Он, шевеля толстыми губами, читает, облегченно улыбается и тихо, чтобы никто не услышал, говорит по-русски:

– Приветствую вас, друзья, на землях Великой Сербии, временно оккупированных неприджатели... э-э-э врагами. Идите за мной. Никому не разговаривать! У меня машина.

Садимся в старенький «Фиат». Толстяк с трудом втискивается на водительское сидение, захлопывает дверцу, поворачивает ключ зажигания. Стеклоздание аэропорта удаляется – мы выезжаем на шоссе.

– Меня зовут Дуэн. Сейчас в Сплите усташи... хорваты, да? Надо быть пажливо... э-э-э... осторожно. Мы едем в Книн, там наша... э-э-э... столица, так? Тут фронт. Там безопасно.

– Ни фига себе, – удивляется Кол. – Мы что, через линию фронта поедем?

– Пойдем, – отвечает Дуэн, крутя баранку. – Вначале поедем. Потом... э-э-э... пойдем, да? Через горы.

Я молча разглядываю проносящиеся за окном «Фиата» пейзажи. Красота, чего уж там. Слева далеко внизу – изумрудное море, вокруг вспаханные поля и виноградники. Кое-где над зарослями громоздятся скалы, темно-зеленые столбы кипарисов высятся повсюду, оттеняя яркую охру черепичных крыш редких домиков.

В моем представлении вот так выглядят очень мирные южные края, курортные места, о которых долгими зимними вечерами мечтает каждый советский человек.

Советских людей больше нет. А в мирных южных краях идет война. Мы едем воевать. И судя по всему, нас ждет немало неожиданностей.

«Фиат» бодро тарыхтит, взбираясь на подъем. Возделанные поля остались позади. Вокруг густо поросшие деревьями горные кручи. Дуэн, мешая русские и сербские слова, знакомит

нас с обстановкой. Кол и Шпала время от времени задают вопросы, выясняют нюансы. Я все так же молчу. Мне, в сущности, все ясно. Есть наши. Есть враги. Они сильнее, за ними стоит вся Европа и вся мощь НАТО. У наших шансов на победу нет. Но сдаваться нельзя. Сдавшийся погибает. Так было во времена Чингисхана, так осталось и в конце двадцатого века.

Машина, повинаясь повороту руля, сворачивает и выскакивает на ровный участок дороги, зажатый между двумя серыми утесами.

– Проклето яже! – вдруг кричит Дуэн и сбрасывает скорость.

Мы вертим головами и замечаем впереди несколько человек в военной форме, с оружием.

– Усташи! – шипит наш провожатый. – Седети тихо! Говорить буду я.

– Че там, че? – Кол с интересом просовывает голову между передними сидениями.

– Патруль, – досадливо морщится Дуэн. – Проверка машина. Тихо!

Я передвигаюсь к дверце, откидываюсь назад. «Фиат» подъезжает к поднявшему руку человеку. Рядом стоит второй. А еще четверо застыли шагах в пяти, широко расставив ноги. Оружие – диковинные автоматы, у которых рожок вставляется позади пистолетной рукоятки – они держат наизготовку. Засученные рукава, темная форма, маленькие погоны. Невольно вспоминаются фильмы про Великую Отечественную. Не хватает только гортанного окрика: «Хальт! Аусвайс!».

Дуэн вываливается из машины, бойко оббегает ее спереди, на ходу что-то весело говоря патрульным. Говорят они по-сербски. Ну, или по-сербско-хорватски.

– Пацаны, если че – прикроемся машиной и будем уходить в зеленку, вот, – цедит Шпала.

Молчим, наблюдаем. Дуэн достает документы, не переставая сыпать словами. Кажется, он рассказывает какой-то анекдот.

Тот патрульный, что стоит ближе к нему, кивает, второй улыбается. Просмотрев документы, они возвращают их нашему провожатому.

Фу-ух, вроде, пронесло.

Улыбчивый патрульный – такой же носатый и чернявый, как и Дуэн – стволом автомата указывает на «Фиат», что-то спрашивает. Толстяк машет руками, смеется, идет к машине.

– Штанд!¹² – рывкает патрульный, передергивая затвор. – Руке горе!¹³

Дуэн, не переставая смеяться, вдруг срывается с места и бежит вдоль дороги. Он пробегает мимо машины и я вижу, что у него совершенно белое лицо, на котором застыла яростная гримаса. Патрульные бегут следом. Дуэн выхватывает из-за спины большой черный пистолет и стреляет. Два выстрела отдаются в скалах гулким эхом.

Грохочут автоматы. Стреляют все – и те двое патрульных, что бегут сейчас за Дуэном, и четверо их товарищей. Пули звонко целуют багажник «Фиата». Кол пригибается, закрыв руками голову. Шпала лезет из машины. Я тоже распахиваю дверцу. Теперь надо выскочить и попытаться прикрыться машиной.

Один из патрульных падает на обочину – автомат отлетает к моим ногам. Действуя скорее на инстинктах, чем осознано, хватаю его, вскидываю – и соображаю, что против меня четверо стрелков.

Целиться времени нет, стреляю «переводом» – ловлю в прорезь голову левого крайнего, нажимаю на спусковой крючок и быстродвигаю стволом к следующему патрульному.

Выстрел! Еще! Еще один!

И наступает звенящая тишина.

– С-сука! – рычит Шпала, зажимая правый бок.

¹² Штанд (серб.) – Стоять!

¹³ Руке горе (серб.) – Руки вверх!

По его рубашке расплывается кровавое пятно.

– Щас я, щас! – торопливо бормочет Кол, роясь в сумке.

Он достает аптечку, зубами разрывает упаковку стерильного бинта.

Прихрамывая, возвращается Дуэн. У него тоже ранение – пуля зацепила мякоть руки. Второго патрульного он застрелил, тот валяется в трех шагах от машины.

– Друже! – восторженно говорит мне Дуэн, баюкая руку. – Ты метак! Меткий! Ово добро!

И обращаясь ко всем, показывает стволом в сторону гор:

– Мора итти¹⁴!

– У нас трехсотый, – откликается Кол, бинтуя Шпалу.

Тот скрипит зубами, но улыбается.

– Ерунда! По ребрам скользнуло.

– Ты ж сам ранен, друг, – говорю я Дуэну.

– После, – машет он пухлой рукой. – Море итти! Брзо¹⁵!

До Книна, точнее, до позиций сербских войск над городом, мы добираемся уже в темноте. Дуэн кричит пароль, получает отзыв, и мы карабкаемся на взгорок, через который проходят окопы полного профиля.

Нас определяют в «отдвоену чету», отдельную роту, простыми бойцами. Кол пытается что-то сказать насчет своей узкой военной специализации, но ему отвечают, что сейчас «треба много льюди».

Личный состав нашей роты живет в настоящей казарме, длинном бараке, выстроенном в лесу. До войны тут, видимо, был какой-то сельскохозяйственный склад. Запах зерна не выветрился до сих пор.

Тусклая лампочка, ряды железных коек, десятка три мужиков в военной форме. Повсюду развешено оружие, лежат вещи,

¹⁴ Мора итти (серб.) – Надо идти!

¹⁵ Брзо (серб.) – Быстро!

мешки. Нас принимают настороженно, но как только выясняется, что мы русские, отношение меняется.

– Руски добро! Ми брачъя! – слышится со всех сторон.

Беззубый парень с забинтованной шеей азартно вопит, подпрыгивая на койке:

– Усташе край!¹⁶

Потом появляется фляга, звенят стаканы.

– Добро здравле! – кричат сербы.

Каждый хочет выпить с нами. Пьем мы что-то очень крепкое, похожее на бренди. Я быстро хмелею. Вспоминаю – и говорю Шпале:

– А ведь сегодня первое января! С Новым годом!

– Нова година! – подхватывает казарма.

Концовки этого вечера я не помню – отрубаясь.

Здесь всюду горы. Но совсем не такие, как в Афганистане. Там – голый камень, щебень, песок, пыль. Сухо и жарко. Растительности – самый минимум, в основном какие-то шипастые жесткие стебли, скрученные, переплетенные и оттого напоминающие колючую проволоку.

На Балканах по-другому. Рядом с Книном находятся горы Велебит. Динарский хребет проходит всего в тридцати пяти километрах, там граница с Боснией и Герцеговиной. Поэтому с первых же дней мы оказываемся в роли горных стрелков. Растений тут столько, что можно озеленить еще какой-нибудь регион типа нашего Таймыра или того же Афгана, большинство – вечнозеленые. Наверное, все дело в климате, теплом и влажном, где даже зимой растет трава. В горах постоянно висят туманы, утром выпадает роса.

Говорят, летом в местные травы, кусты, деревья словно кто-то впрыскивает усилитель роста. Обыкновенный подорожник вымахивает до размеров лопуха, плющ вползает по известняка-

¹⁶ Усташе край (серб.) – Усташам конец!

вым скалам на головокружительную высоту. В долинах встречаются тополя, стволы которых не обхватить и впятером. Чистый камень тут практически не найти – они покрыты мхом, травой, из любой трещинки обязательно торчит зеленая былинка.

В горах водятся олени, барсуки, куницы, белки. Из хищников встречаются волки, рыси, говорят, есть даже медведи. Жители этих мест любят охотиться, в домах висят олени рога. Каждый мужчина может рассказать какую-нибудь историю, произошедшую с ним на охоте.

Ходить по здешним горам очень тяжело. Все время – или в гору, или под гору. Тут и поля, и дома стоят на склонах. Жизнь местных крестьян – это вечные подъемы и спуски. Людям, жизнь которых прошла на равнине, поначалу очень трудно привыкнуть.

Города и деревни Сербской Краины очень живописные, даже сказочные какие-то. Двухэтажные беленые домики под яркими черепичными крышами, двери и ворота из темного дерева, ставенки, окошечки, кованые ограды, тротуары часто вымощены булыжником. Когда идешь по старым улочкам Книна, кажется, что все это ненастоящее, что ты попал на съемочную площадку фильма. И только выползший из-за поворота бронетранспортер, на который приклеены плакаты с портретами кандидатов в местную Скупщину – в Сербской Краине скоро выборы – напоминает, что сказок не бывает и все реально.

Задача нашего отряда – спуститься к деревне Бадань, проверить дома, опросить жителей. Командует молодой поручик Майомир, краснощекий, уса́тый, веселый. Он делит отряд на две колонны и объясняет, что идти надо, выдерживая дистанцию.

Специально для нас, новичков, тычет пальцем под ноги:

– Мина, мина!

– Да ясно, командир, – кивает Кол. – Будем осторожны.

Переход до деревни занимает три часа. На опушке леса делаем привал. Многие сербы переобуваются – снимают горные ботинки и одевают кроссовки. Это правильно: в тяжелых берцах по пашне не очень-то побегаешь.

Бадань лежит внизу как на ладони. Аккуратные домики, вокруг поля. У околицы замечаем два белых лендровера. Миротворцы. Майомир достает бинокль, внимательно разглядывает машины и с улыбкой говорит:

– Канада! Добро!

Я уже знаю – из всех миротворческих контингентов более-менее по-человечески к сербам относятся только канадцы и французы.

Мы идем к деревне широкой цепью. С левого фланга доносятся тревожные крики. Поручик бежит туда, придерживая на бегу автомат. Вскоре по цепи передают – на поле обнаружена расстрелянная корова. Замечаю, что сербы мрачнеют, передергивают затворы.

Кол спрашивает у одного из них, что случилось.

– Усташи, – коротко отвечает тот.

Про усташей мы уже наслышаны. Так назывались хорватские военные отряды, которые в годы Второй мировой войны уничтожали сербов. Тогда Хорватия была на стороне Гитлера. Усташи воевали с сербскими партизанами, истребляли мирных жителей. На касках они человеческой кровью рисовали латинскую «U». Прошло пятьдесят лет, но сербы до сих пор называют хорватских солдат усташами. Народная память – долгая.

Над деревней стоит тишина. Не слышно ни скрипа калиток, ни собачьего лая, ни человеческих голосов. Проходим первый дом. На воротах мелом нарисована цифра «6». На следующем доме – «4».

– В дома не заходить! – командует Майомир.

– Почему? – спрашиваю у Кола, идущего рядом.

– Заминировано может быть, – отвечает он. – Ты что, не видишь, что село зачистили...

Миротворцев встречаем возле дома поглавицы¹⁷. Флаг республики Сербская Краина валяется на земле, истоптанный сапогами. На двери дома – цифра «2». Канадцы курят, один сидит в сторонке на корточках и плачет. Командир миротворцев, капитан с пшеничными усами, растерянный и бледный, смотрит на Майомира и разводит руками.

Наш поручик поднимает флаг, разглаживает его и целует. Все молчат. Потом Майомир достает карту, показывает что-то капитану. Завязывается разговор. Канадец рассказывает, сербы ругаются, плюются.

Кол, хорошо знающий английский, переводит нам со Шпалой:

– Хорватский отряд... сорок человек при одной бронемашине... В деревню вошли на рассвете... Французский акустический радар уловил звуки выстрелов и нас отправили разобраться... Мы прибыли в десять часов. В деревне еще были живые. Их убили на наших глазах. Хорваты заходили в дома и стреляли. Убивали всех – женщин, стариков, детей. Так же убили весь скот. Мы пытались их остановить, но нам пригрозили оружием. Потом они фотографировались с трупами. Ушли в одиннадцать тридцать. Тела лежат во дворах. Цифры на дверях и воротах – количество убитых. Мы связались с нашим штабом, попросили прислать журналистов, экспертов и людей из прокуратуры, чтобы зафиксировать это преступление. Нам сказали, что журналистов не будет. Эксперты придут через час. Все...

Канадец, сидевший на корточках, вдруг вскакивает и бежит вдоль домов. Он что-то кричит, размахивая руками. Двое его товарищей устремляются за ним. Кол, прислушавшись, говорит:

¹⁷ Поглавица (серб.) – староста

– По-моему, он тронулся. Кричит богу, что он не грешник, что его по ошибке отправили в ад...

Ночью нашу роту поднимают по тревоге. Строимся в темноте у казармы. Все спрашивают друг у друга, что случилось. Минуту спустя появляются офицеры. Оказывается, крупный отряд хорватов – так называемая «интербригада» – прорвался в нескольких километрах севернее нас и движется сейчас в сторону разъезда Стрмица. Если им удастся повредить железнодорожное полотно, Книн будет отрезан от северных районов Краины.

Нам ставится задача – преодолеть перевал у Плавно и перехватить «интербригаду» до того, как она доберется до железной дороги. Времени, как водится, в обрез.

«Интербригада» – это смешанный отряд хорватов и наемников. Говорят, за противника воюют и англичане, и шведы, и даже аргентинцы.

– Брзо! Брзо!! – кричат офицеры.

Мы срываемся с места и бежим, наталкиваясь друг на друга и гремя амуницией. Спустя минут двадцать понимаю, что с недосыпу да по горам бегун из меня никакой. Я задыхаюсь, ноги наливаются свинцовой тяжестью. Автомат словно из чугуна, пот заливает глаза. Вскоре оказываюсь ближе к концу колонны, плетусь рядом с сорокалетними мужиками. Шпала, заметив это, молча забирает у меня оружие и рюкзак с НЗ и запасными магазинами. Один из офицеров, кажется, его зовут Богумир, злобно кричит что-то продохлых кляч.

Наконец поднимаемся на перевал Плавно. Отсюда хорошо просматривается вся долина реки Крки. Светает. Я вижу внизу огоньки разъезда Стрмица, темную линию железной дороги.

Бежим вниз, продираясь через густые заросли. На бегу Богумир связывается по радиации с разведчиками, которые идут по пятам за «интербригадой». После короткого разговора следу-

ет команда – развернуться и занять оборону на склоне, у лесной опушки.

Добравшись до места будущего боя, я без сил падаю на землю и закрываю глаза. Сердце стучит так, что, кажется, сейчас вырвется через горло. В таком состоянии я не смогу стрелять. Мне надо восстановить дыхание, прийти в себя.

Богумир и незнакомый мне поручик обходят позиции. Останавливаются возле меня. Звучит команда «Встать!». Я молчу, сосредоточенно вдыхая и выдыхая. Офицер плюется. Кажется, он готов меня ударить.

Его отвлекает затрещавшая рация. Похоже, «интербригада» приближается. Сейчас будет бой. С трудом сажусь, шарю рукой в траве в поисках автомата. Шпала кинул мое оружие куда-то сюда. Ага, нашел.

Поднимаюсь на ноги, оглядываю театр военных действий. Широкая поляна, этакий классический альпийский луг, уходящий вверх по горному склону. Каменистая вершина над облаками уже окрасилась розовым – рассвет. Оттуда пойдут хорваты и наемники. Наша задача – подпустить их поближе и открыть огонь на поражение.

Автоматы, что нам выдали в первый же день – модернизированные «калашниковы». У них уменьшен калибр и увеличена скорострельность. С такими хорошо воевать в городе, на коротке. А тут нужны старые, добрые «весла» калибром 7,62. Или, еще лучше, снайперская винтовка СВД в количестве десяти штук. И пулеметы.

Пулеметы у нас есть, два. Собственно, на них вся надежда. Еще у одного парня имеется сербская винтовка «Застава» с оптикой. Мне он ее, конечно, не даст.

Залегаю в сырой траве в нескольких метрах от Шпалы. Кол лежит чуть дальше. Здесь, в низине, ночной мрак еще не рассеялся, видно плохо. К тому же от травы поднимается туман.

Противник появляется, как и положено, внезапно. Еще секунду назад дальний конец луга был пустым и безжизненным, а теперь там мелькают темные фигурки людей. Их оказывается неожиданно много. Похоже, разведка что-то упустила, я слышал, что речь шла максимум о пятнадцати бойцах.

Впрочем, у нас есть важное преимущество, даже два: фактор внезапности и «интервентная чета»,двигающаяся со стороны Маринковичей нам на подмогу. Сейчас главное – подпустить поближе, ударить изо всех стволов и повязать хорватов боем. А дальше все козыри наши. Богумир выбрал отличную позицию.

Правда, червячок сомнения нет-нет, да проявляет себя. Уж очень мало в нашей роте кадровых военных. Прямо скажем, их почти нет. И бойцы, и командиры – вчерашние крестьяне, работники автомастерских, кровельщики, стекольщики. Есть даже один садовник, бородатый пожилой мужчина по фамилии Усич.

Хорватов эти люди ненавидят искренне и готовы сражаться не на жизнь, а на смерть. Они не догадываются, что погибнуть на войне – это самое простое. Выжить и выполнить боевую задачу куда как сложнее.

Темные фигурки заполняют собой весь луг. Я замечаю ориентир – несколько кустов туи. Когда противник дойдет до них, можно будет начинать.

Но команда на открытие огня звучит гораздо раньше.

– Огонь! – кричит Богумир и тотчас же оживают автоматы в руках сербов.

– Куда!? Рано! Вашу мать! – орет Шпала.

«Интербригадники» оказываются опытными вояками. Они залегают и открывают ответный огонь. Похоже, ранний залп не нанес им сколько-нибудь сильного урона. Теперь наше преимущество сходит на нет. Начинается позиционная перестрелка, в которой побеждает обычно тот, у кого крепче нервы и кто лучше подготовлен.

Парень, вооруженный «Заставой», вскакивает на ноги. Из травы он не может целиться – мешают стебли. Следом за ним поднимаются и другие сербы.

– Ур-роды! – ревет Шпала. – Ложись! Ложись!!

У нас уже есть убитые, «двухсотые» на русском армейском сленге. И с каждой секундой их становится все больше. В предутренних сумерках росчерки трассеров плетут над лугом огненную паутину. Я еще ни разу не выстрелил – а зачем тратить патроны впустую? Зато наши пулеметчики стараются вовсю. Вот только их старания пропадают втуне.

Натиск «интербригады» усиливается. Еще минута – и мы будем вынуждены отступить под защиту деревьев. Хорваты прорвутся и уйдут вниз, к железнодорожному полотну.

Нас может спасти хороший артиллерийский залп по «интербригаде». Или вертолет с полным боекомплектом НУРов, чтобы перепахать этот долбаный луг. Но у нас только стрелковое оружие, причем половина нашей роты ведет огонь буквально наобум. Хорваты отвечают экономными очередями по два-три патрона, но они стреляют прицельно, отслеживая вспышки от выстрелов.

Я психую так, что руки трясутся от злости. Надо же быть такими дураками!

Слева от меня, прижавшись спиной к дереву, старому раскидистому платану, парень бьет из «Заставы» – раз, другой, третий. Тут его и находит пуля. Выронив винтовку, он со стоном оседает на землю. Я подпихиваю Шпале свой автомат, боком перебираюсь к дереву. Мокрое от росы цевье «Заставы» ложится в руку. Неудавшийся снайпер рядом дергает ногами в агонии. У него пробита грудь, из раны выпирает черная пузырящаяся масса. Видимо, пуля была разрывной, и парню разворотило легкие.

Кричу Шпале:

– Подсади!

Он понимает с полуслова, хватает меня за ноги и поднимает вдоль ствола. Закинув винтовку за спину, лезу вверх и устраиваюсь в развилке между двумя толстыми ветками. Отсюда луг – как на ладони.

– Магазины! – говорит Шпала и бросает мне брезентовую сумку. Он снял ее с убитого.

«Застава» – известная югославская оружейная фирма. Снайперская винтовка, которую я сжимаю в руках, называется М76. Она похожа на СВД, бьет на тысячу метров. Прицел, правда, какой-то западный, с незнакомой разметкой, но основной принцип тот же, что и в ПСО-1.

Ну что, пора за работу. Я успокаиваюсь, руки перестают ходить ходуном. Приклад упирается в плечо. Теперь предохранитель, затвор. Все, можно стрелять. Мокрый наглазник прицела холодит кожу.

Неожиданно приходит еще одна порция холода – от фигурки на шее. Конь оживает, он посылает мне недвусмысленный сигнал: все в порядке. Появляется странное ощущение неуязвимости, всемогущества. Конь как будто защищает меня, наделяет зоркостью сокола, быстротой кобры и силой медведя.

Начинаю поиск цели. Вижу группу «интербригадников», человек пять или шесть, пытающихся обойти наших с правого фланга. Они бегут, пригибаясь, вплотную с зарослями кустов. Ловлю первого на крестовину. В этот момент я не думаю о том, что это за человек. Он, фактически, и не человек вовсе. Просто мишень. Вот в квартире Нади я смотрел врагу в глаза. Здесь все проще. Жму спусковой крючок. Выстрел!

Когда четвертый диверсант падает в траву, двое оставшихся поворачивают и бегут обратно. Что ж, семь патронов на четверых – не так уж и плохо для незнакомого оружия.

Начинаю выцеливать и «гасить» огневые точки хорватов на лугу. «Интербригадники» соображают быстро – вскоре их пули начинают с сочным чавканьем впиваться в ветви платана, сби-

вать листья рядом со мной. Я стараюсь успеть первым. Конь со мной. Он всегда помогал мне в подобных ситуациях – и на точке в Афгане, и в Махандари, и в долине Неш, и в квартире у Нади. Помогает и сейчас.

Азарт боя опьяняет, делает все движения молниеносными. Прицел, выстрел, снова прицел.

Богумир начинает атаку. Его бойцы поднимаются из травы и бегут вперед, на ходу поливая противника из всех стволов. Хорваты не выдерживают натиска – и начинают отступать вверх по склону. Я отстреливаю их как в тире – одного за другим.

Когда четвертый опустошенный магазин летит вниз, выясняется, что все, патроны кончились. С трудом спускаюсь с дерева, аккуратно прислоняю «Заставу» к стволу – раздается шипение раскаленного металла – и сажусь рядом. Бой удаляется, очереди «калашей» звучат все реже, а потом вдруг раздается мощный залп и тут же – несколько гранатных взрывов.

И наступает тишина...

Мне вдруг вспоминается песня Высоцкого с длинным и печальным названием: «Песня про снайпера, который через пятнадцать лет после войны спился и сидит в ресторане»:

«А ну-ка бей-ка, кому не лень.

Вам жизнь копейка, а мне мишень.

Который в фетрах, давай на спор:

Я – на сто метров, а ты – в упор...»

– Друже Метак! – хлопают меня по плечу сербы.

Они веселы, смеются. Каждый старается как-то поблагодарить странного русского, что еле выдержал короткий маршбросок по горам, а потом оказался удачливым снайпером, решившим исход боя.

– Братан! – Шпала сует мне банку тушенки. – На, похавай. Не ожидал, в натуре, вот! Мастер, вот!

Кол, в горячке боя оказавшийся далеко от нас, кривит узкие губы.

– А уж думал – все, хана!

Я зажмуриваюсь, а перед глазами – прорезь прицела и падающие фигурки людей на лугу. «Вам жизнь копейка, а мне мишень»...

После боя у Стрмицы проходит неделя. Нас, всех троих русских, вызывают к майору Предрагу Благодичу. Он сообщает, что командование армии Сербской Краины приняло решение перебросить русских военных специалистов под Грачац. Там будет создаваться новый русский добровольческий отряд. Таких отрядов в сербских формированиях было несколько – легендарный РДО-1, РДО-2 «Царские волки», «Белые волки». По слухам, в Боснии действует РДО-3 и несколько казачьих подразделений.

Собираем мешки, сдаем оружие и грузимся в кузов «Газ-66». Военных машин советского производства тут много. Дорога до Грачаца занимает несколько часов. Водитель, перед тем как тронуться, объясняет нам, что есть хорошая дорога, но она проходит слишком близко от дислокации хорватских частей. Чтобы не попасть под обстрел, мы едем по каким-то узким и извилистым козьим тропам. Слева пропасть, справа скалы, из-под колес летит щебень. Мне такие поездки знакомы по Афгану, Шпале, похоже, тоже, а вот Колу приходится несладко. Он старается не смотреть по сторонам и судорожно сжимает поручень.

В Грачаце есть железнодорожная станция, что делает этот городок важным стратегическим узлом обороны Краины. Наша новая часть находится в нескольких километрах от города, неподалеку от деревеньки Ясенар. Местность тут тоже гористая, вокруг леса. Позиции сербского батальона оборудованы из рук вон – окопы открыты кое-как, блиндажей практически нет. Лич-

ный состав живет в отапливаемых палатках. Нам тоже достается десятиместная палатка цвета хаки. Внутри – складные армейские койки, стол, стулья.

– После приедут еще руски. Казаки, – говорит встретивший нас офицер. – Добро дошли¹⁸!

Нашего нового командира зовут Горан. С сербского это переводится просто – «житель гор», «горец». Горан немолод, в волосах седина. Черные глаза кажутся двумя углями, спрятанными под кустистыми бровями. Высокий, сутулый, с большими руками, он похож на сельского учителя, почему-то оказавшегося на войне.

Горан спокоен и терпелив. По-русски он говорит очень хорошо, что опять же наводит на мысль об учительском прошлом этого человека. Но о себе Горан рассказывает неохотно. Мы все чувствуем – там, в памяти, у него есть что-то такое, о чем он сам вспоминать не хочет, а окружающим про это и вовсе лучше не знать.

¹⁸ Добро дошли (серб.) – Добро пожаловать!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кровь войны

У снайпера очень много времени для размышлений. Когда сидишь «в гнезде» и часами ждешь прохода вражеской разведгруппы, мысли кружатся в голове, как осенние листья в ветреную погоду.

Я в последние дни чаще всего думаю о войне. Об этой – и о других. За те месяцы, что мы воюем, я неплохо узнал сербов. Видел хорватов, босняков, черногорцев, македонцев, словенцев, даже албанцев. Они все очень похожи. Тут, на Балканах, вообще все похоже – пятьсот лет турецкого ига даром не прошли.

Мне, человеку из далекой России, жители бывшей Югославии вообще кажутся на одно лицо. Но при этом тут каждый каждому готов перерезать глотку. Готов – и режет. А в перерывах между смертоубийствами сидит в кафане, ест мясо и овощи, поет песни и выглядит довольным собой и жизнью.

Большая по европейским меркам и богатая по меркам славянским страна Югославия развалилась на части летом девяносто первого. Словения и Хорватия смотрели в рот Германии и ловили каждое слово, звучащее из Берлина, только-только ставшего вновь столицей германского народа.

Запад тут же признал хорватов и поддержал их право иметь свое государство. А сербы, жившие в Хорватии, превратились в быдло, людей второго сорта. Их выгоняли из домов, убивали, насиловали – безнаказанно. Но это было только начало...

Теперь сербы воюют. Сербская Краина – маленькое государство между Хорватией и Боснией. Узкая полоса земель, протянувшихся от Книна на юге до Пакраца на северо-востоке. Есть еще анклав Восточная Славония с городом Вуковар. Краина изогнута, как серп.

Диспозиция жуткая: с запада республику давят хорваты, на востоке – мусульмане-босняки. Коренная Сербия помогает, но больше оружием, боеприпасами и советами. В Белграде своих проблем хватает – идет борьба за власть, политические интриги вяжут сербскую армию по рукам и ногам. Запад чутко держит руку на пульсе этой войны. Поэтому воюют в основном ополченцы.

Однако не это главная беда. Со временем и из ополченцев могут получиться неплохие бойцы. Но в Сербской Краине, как и в коренной Сербии, тоже больше двадцати политических партий. Все тянут одеяло власти на себя. Понятно, что при таком раскладе очень трудно руководить страной. А проблем в Сербской Краине столько, что их перечень может занять несколько страниц. Одна из основных – беженцы. После того, как Хорватия объявила о независимости, оттуда хлынул поток сербов – десятки тысяч человек бежали, чтобы спасти свои жизни и жизни близких. Люди уезжали, уходили пешком, неся на себе пожитки.

Это не укладывается у меня в голове: конец двадцатого века, Европа – и война между народами, долгие десятилетия жившими вместе. Правда, очень странная война. Во-первых, позиции противоборствующих сторон прослоены миротворцами ООН. Кого тут только нет! От канадцев до непальцев, от норвежцев до иорданцев. Где-то в Боснии даже стоит «русбат» – русский миротворческий батальон, состоящий из десантников.

Во-вторых, кафаны. Так тут называют ресторанчики, в изобилии встречающиеся повсюду. По-моему, у сербских мужчин в кафанах проходит половина жизни. Клетчатые скатерти, гли-

няные кувшины, запах жареного мяса, свежей зелени, овощей – и кофе.

Так вот: сегодня бойцы «интервентных четей» стреляют в босняков на перевале у Вышеграда, а завтра они сидят в кафане, хохочут, размахивая кружками и обнимают грудастых темпераментных подружек. Не знаю, говорят, в чужой монастырь со своим уставом не лезут, но по мне, если уж ты начал воевать, так войой до победы, без перерывов на ресторанчики, пьянки и девок.

Нет, я понимаю – бывает позиционная война, когда линия фронта не движется месяцами. Окопы, дежурный утренний обстрел, унылый быт, самоходы в ближайшую деревню. Но в итоге все обязательно закончится наступлением одной из сторон.

Здесь сербы о наступлениях не помышляют. Хорваты, впрочем, тоже. Более-менее активно ведут себя босняки. По сути, это те же сербы, ставшие при турках мусульманами. Босняков, говорят, поддерживает Турция и Саудовская Аравия. Оттуда идут деньги, оружие и едут наемники.

В хорватских частях тоже есть «солдаты удачи». Особенно много их стало после того, как хорватское правительство обратилось в ООН с просьбой убрать с их земли все миротворческие части, где служат «цветные». Этот призыв одобрили «наци» со всей Европы – и в Загреб потянулись любители пострелять в людей за деньги. Ими комплектуют «интербригады», которые отличаются особой жестокостью к мирному населению и пленным.

А главное – сейчас де-юре перемирие. Оно длится уже несколько месяцев. Де-факто же война продолжается. Ползучая, гнусная, партизанско-диверсионная, из-за угла, исподтишка.

Все это время видения из прошлого посещают меня с пугающим постоянством. Я становлюсь свидетелем начала великого похода на империю Цзинь.

Император тангутов прислал Чингисхану богатые дары и выражение покорности как раз тогда, когда армия монголов повернула на столицу империи Западная Ся.

– Ха, – сказал сын Есугея, разглядывая серебряные чаши и украшенное драгоценными камнями оружие. – Иногда можно завоевать царство почти без войны. Хорошо, пусть тангуты платят нам дань и не пропускают цзиньские караваны. Большого пока от них не требуется.

И повелитель монголов увел свои войска в родные степи. Он продолжал встречаться с купцами, хорошо знавшими земли империи Цзинь, и дни напролет проводил у своей песчаной карты.

В начале мая в ставку Чингисхана неожиданно прибыло богатое посольство от самого цзиньского императора Алтан-хана. Но сын Есугея не пожелал принять его согласно всем правилам и обычаям. В сопровождении Боорчу он выехал навстречу посольскому обозу и встретил посланцев императора в степи.

– Что вам нужно? – спросил Чингисхан, не слезая с коня.

– Мы везем скорбные вести, – приложив руки к сердцу, ответил ему разодетый в парчовые одежды глава посольства. – Великий Алтан-хан покинул этот мир и ныне вкушает все прелести владычества в ином мире, который, без сомнения, получил теперь правителя самого мудрого и самого...

– Кто сел на золотой трон? – перебил посла Чингисхан.

– Высокочтимый и высокородный князь Вый-шао.

– Что?! – воскликнул Чингисхан с деланным изумлением. – Этот болван? А я всегда думал, что «золотых царей» назначает само Вечное Синее небо...

И плюнув в сторону Великой Стены, он повернул коня, оставив посла в замешательстве.

Боорчу догнал своего повелителя и спросил:

– Темуджин, а ты разве знаком с князем Выем-шао?

– Знать не знаю, кто это.

– Почему же ты назвал его болваном?
– А только болван сейчас решится стать императором Цзинь,
– расхохотался Чингисхан. – Впрочем, пусть пока греет трон. Я не люблю садиться на холодное...

Под вечер во главе большого отряда Чингисхан приехал к подножию священной горы Бурхан-Халдун. Багровый закат окрасил полнеба в кровавые тона. Шумели на ветру деревья. Монголы разбили лагерь. Запылали костры, горьковатый дым стелился над густыми зарослями, смешиваясь с ароматами жареного мяса.

Сын Есугея-багатура не стал дожидаться трапезы. Приказав не следовать за ним, Чингисхан в одиночестве поднялся вверх по склону и в сумерках остановился рядом с огромным кедром. Здесь, сняв шапку, он набросил пояс на плечи, расстегнул одежду и принялся истово молиться, отбивая земные поклоны.

Монголы верили, что Тенгри время от времени является на Бурхан-Халдун, чтобы отдохнуть от всех дел. В окрестностях горы никто не охотился, не собирал ягоды, не брал топливо для костров. Священная гора была улусом Вечного Синего неба.

– Великий Тенгри, душами предков заклинаю – яви свою милость, – шептал Чингисхан, вглядываясь во мрак. – Дай мне знак, одари крепостью духа, помоги осилить задуманное. Народ твой ныне един и силен. Пришло время сокрушить врага, коварного Алтан-хана, стереть с лица земного империю Цзинь, сделать народ ее пищей для стервятников...

Все ночь до рассвета молился повелитель монголов. Наутро, обессиленный, он уснул меж кедровых корней и никто не потревожил его сон. Проснувшись после полудня, Чингисхан попил воды из глиняной бутылки, съел пресную лепешку и снова обратился к Вечному Синему небу.

Так продолжалось девять ночей. Сын Есугея высох, кожа туго обтянула потемневшее лицо. От слабости он еле двигался и мог

говорить только шепотом. Но даже в таком состоянии Чингисхан продолжал молиться. Он ждал знамения.

И все прибывшие с ним нойоны и нукеры, верные слуги и сподвижники своего господина, тоже терпеливо ждали внизу, с тревогой поглядывая на лесистые склоны Бурхан-Халдун.

Утро девятого дня выдалось ясным, солнечным. Чингисхан проснулся и почувствовал, что ослаб настолько, что не может встать. Он лег на спину, раскинул руки и пробормотал:

– О Великий Тенгри, я готов! Все слова сказаны. Вода не может течь вверх, огонь не может гореть вниз. Я перепоясался мечом, дабы отомстить за кровь моих родичей, которых цари Цзинь предали гнусной смерти. Если я в своем праве, окажи мне свыше поддержку своею десницей, сделай так, чтобы здесь, на земле, люди и духи объединились для победы. Яви знак! Яви знак!

Ослепительная молния разорвала голубую ткань небес, ударив в вершину кедра, под которым лежал сын Есугея-багатура. Чингисхан зажмурился, нашарил на груди под одеждой фигурку волка и крепко сжал ее в кулаке. Высоко над ним трещало пламя, весело пожиравшее кедровую хвою.

– Благодарю тебя, Великий... – с закрытыми глазами произнес повелитель монголов.

Тяжело поднявшись, он подобрал упавшую горящую кедровую ветвь, и начал спускаться к лагерю.

Когда Чингисхан, пошатываясь, вышел из-под лесного полога, то увидел всех своих слуг, сподвижников и родичей, собравшихся на опушке.

– Тенгри с нами! – крикнул он из последних сил, размахивая пламенеющей ветвью. – Седлайте коней! Мы идем на Цзинь!

Великую стену монгольское войско преодолело без особого труда. Триста лет назад власть в Китае захватили кидани. Они сделали ставку в борьбе с северными кочевниками на упре-

ждающие удары конницы и мало заботились о поддержании стены. Пришедшие им на смену чжурчжэни, основавшие династию Цзинь, придерживались такой же стратегии и укрепления на границах империи обветшали.

Войска Чингисхана встретились с передовыми отрядами цзиньцев на третий день после начала похода – и обратили их в бегство. У горы Е-ху, неподалеку от города Калган, путь монголам преградила императорская гвардия, отборные рубаки, не раз ходившие в степи и умевшие биться с северными варварами.

День выдался ветреным, ясным. Чингисхан, поднявшись на возвышенность, оглядел вражеские войска, перегородившие широкую долину. Доспехи цзиньцев блистали золотом, множество флагов плескалось на ветру, поднятые вверх копья казались настоящим лесом.

– Как хорошо, – сказал Чингисхан, указывая на неприятельскую армию, – что они все собрались в одном месте. Теперь не придется охотиться за ними по кустам.

Джебе-нойон захохотал, стегнул коня и умчался в передовой тумен. По его приказу десять тысяч монголов бросились вперед и ударили в грудь цзиньскому войску. Ударили, и, оцетившись копьями, стали отходить, откатываться назад, увлекая за собой противника.

Гвардейцы, выдержав натиск монголов, не спешили пускаться в погоню. Они хорошо знали все уловки степняков. Нависшая слева и справа масса монгольской конницы могла легко отсечь увлекшихся преследованием и истребить их до последнего человека.

Но Джебе был настойчив. Остановившись в трех десятках шагов от цзиньцев, монголы пустили в ход луки. Туча стрел затмила солнце и смертоносным дождем обрушилась на ряды гвардейцев. Игольчатые наконечники пробивали доспехи, ранили и убивали лошадей. Не выстояв под обстрелом, войска

Алтан-хана рванулись вперед, стремясь сократить расстояние и сразиться с противником накоротке.

Порядки цзиньского войска растянулись. Закованные в латы гвардейцы врубились в тумен Джебе, стремясь за короткий срок убить как можно больше монголов.

И тогда Чингисхан, наблюдавший за битвой со стороны, выкинул вперед правую руку, в которой была зажата фигурка волка. Повинуясь этому жесту, оба фланга монгольского войска пришли в движение и устремились на врага.

– Ху-у-у-р-р-а!! – вопили монголы, нахлестывая своих низкорослых коней.

Боорчу слева, Мухали справа – они набросились на цзиньцев. Воины Чингисхана использовали мечи и топоры, пренебрегая щитами. Над долиной повис оглушительный лязг металла, смешавшийся с воплями умирающих и конским ржанием.

Страх, источаемый волком, обессилил гвардейцев. Не выдержав монгольского натиска, они смешались и начали отходить. И в этот момент в тылу цзиньцев появилось два тумена отборнейших багатуров, совершивших накануне обходной марш по горам и ущельям. Не зря сын Есугея расспрашивал купцов, не зря своими руками отсыпал песчаную карту империи Цзинь! Гвардейцев погубила самоуверенность – и отличное знание Чингисханом местности.

– Тойру зам¹⁹, – сказал накануне сражения Чингисхан. – Умный побеждает сильного.

Субудей возглавил тумены багатуров, совершил тойру зам, надежно запечатал долину – и началось избиение. К полудню все было кончено. Монголы собрали оружие, ободрали с трупов гвардейцев доспехи, отловили цзиньских лошадей и двинулись дальше – на город-крепость Сюаньхуа²⁰.

А их предводитель, сидя в установленной на большой телеге

¹⁹ Тойру зам (монг.) – обход

²⁰ Спустя девять лет даосский монах Чан-чунь, проезжая через долину у горы Е-ху, увидел огромное поле, усеянное человеческими костями

походной юрте, до вечера не мог разжать руку, в которой лежала фигурка серебряного волка.

Когда Чингисхан увидел стены и башни Сюаньхуа, то нахмурился, помрачнел и скрылся в своей юрте. Огромные, сложенные из каменных глыб бастионы можно было взять только с помощью осадных орудий и лестниц, причем на это ушли бы месяцы.

Сюаньхуа высился над узким ущельем, через которое лежала дорога на главную из пяти столиц империи Цзинь – блистательный Чжунду²¹. Армия монгольского владыки не могла миновать крепость, которая, подобно воротам, закрывала проход в страну.

Накануне дозорные разъезды монголов поймали цзиньского чиновника, вместе с семьей скрывавшегося в овраге. Когда его привели к Чингисхану, цзиньец отказался разговаривать. Однако раскаленный железный прут, приложенный к бритой голове, развязал ему язык, и сын Есугея узнал, что в крепости стоит большой гарнизон в сорок тысяч воинов, немало беженцев с окрестных земель и имеется изрядный запас продовольствия.

Идти вглубь империи Цзинь, оставив в тылу Сюаньхуа, было невозможно. Тратить время на длительную осаду – тоже. Повелитель монголов думал недолго.

– Там, где бессилен могучий, побеждает хитрый, – сказал он и велел вызвать Джебе-нойона.

Когда тот явился, опустился на колени и низко поклонился своему владыке, Чингисхан произнес:

– Помнишь, как ты стрелял в меня и ранил в шею? Шрам остался до сих пор. Поэтому, когда я попадаю в затруднительное положение, то всегда вспоминаю тебя. Встань, подойди. Стрела летит быстрее ветра. Тебе предстоит доказать, что не зря я назвал тебя Джебе...

²¹ Чжунду – ныне Пекин

На следующий день три тысячи самых искусных всадников, посаженные на специально отобранных коней-хурданов, способных бежать быстрее всех в степи, двинулись к стенам Сюаньхуа. Джебе-нойон возглавлял этот отряд. Он ехал впереди на кауrom жеребце, безмятежно покусывая сорванную травинку.

Цзиньцы заметили неприятеля, и по ущелью поплыл хриплый вой боевых труб. Крепость имела трое ворот. Все они были открыты – внутрь вползала нескончаемая масса беженцев. Джебе выплюнул травинку и хлестнул коня плетью.

– Ху-р-ра!

Монголы бросились к воротам крепости, отчаянно вопя и размахивая мечами. Безжалостно рубя разбегающихся в ужасе крестьян, воины Джебе смяли стражников и ворвались в ворота. Тут монголы спешили и начали обстреливать стены и башни Сюаньхуа изнутри. Одновременно несколько десятков нукеров зажгли факелы и принялись поджигать соседние с воротами дома.

Внезапность нападения, жестокость монголов и легкость, с которой они очутились внутри считавшейся неприступной крепости посеяли среди цзиньцев настоящую панику. Но чжурчжэньский князь Хушаху, возглавлявший гарнизон, быстро навел порядок и отправил своих воинов отбить ворота. Против трех тысяч монголов было брошено вдесятеро большее войско. С четырех сторон подойдя к привратной площади, на которой засели монголы, цзиньцы устремились в атаку.

Монголы, увидев многократное превосходство неприятеля, не приняли боя. В страхе они запрыгивали в седла и со стеланиями уносились прочь из города, зачастую даже бросив оружие. Цзиньцы, окрыленные успехом, бросились в погоню. Князь Хушаху с самой высокой башни Сюаньхуа лично руководил действиями своих воинов. Потрясая тростью, он кричал:

– Убейте их всех, всех!

Всадники Джебе хлестали коней. Цзиньцы нагоняли их. Казалось, еще чуть-чуть, еще мгновение, и отряд монгольских воинов будет изрублен, истреблен до последнего человека.

Но всякий раз, когда гибель храбрецов казалась неминуемой, они находили силы, чтобы чуть-чуть, на длину копейного древка, оторваться от преследователей.

Эта гонка со смертью продолжалась до тех пор, пока почти все войско цзиньцев не выехало за пределы стен Сюаньхуа, чтобы поучаствовать в погоне за варварами. К этому моменту Джебе и его воины домчались до желтой скалы с косой вершиной, возле которой дорога поворачивала, устремляясь на север.

Князь Хушаху так и не понял, что произошло затем. Вот его воины гонят нечестивых монголов. Вот они почти догнали их... И вдруг откуда-то, словно из-под земли, возникает множество варваров на конях. Они мгновенно окружают цзиньцев, набрасываются на них и истребляют на месте.

– О горе! Тела моих людей лежат друг на друге, словно дрова в поленнице, – потрясенно пробормотал Хушаху, спускаясь с башни.

Он приказал оседлать коней и вместе с оставшимися воинами покинул Сюаньхуа, не дожидаясь, когда Джебе во второй раз – и уже окончательно – возьмет крепость.

Монголы сожгли город, перебив всех находившихся в нем людей. Чингисхан, тиская волка, хмурил брови, озирая груды мертвых тел среди дымящихся развалин.

– Это ждет и всех прочих цзиньцев, – сказал он и приказал двигаться дальше.

Теперь перед монголами лежала Великая Китайская равнина.

Казаки приезжают в начале июня. Их четырнадцать человек, все в хорошем камуфляже, крепкие, уверенные в себе ребята.

Но отношения с ними сразу же не складываются. Казаки смотрят на нас свысока, обращаются: «Э, мужик!». Когда же Шпала называет кого-то из них мужиком, нам в довольно жесткой форме объясняют, что они – казаки, а не мужики.

Зато теперь мы становимся полноценной боевой единицей и официально именуемся «диверзантско-извидьжьски одред «Црны вукови»». На нашей форме появляются нашивки с черным силуэтом волка на фоне желтой Луны и эмблемки с двуглавым российским орлом.

Военная рутина затягивает. Рейды, дозоры, дежурства. Пять раз за месяц сталкиваемся с диверсионными группами хорватов. Миротворцы пропускают их через свои зоны ответственности беспрепятственно. Через перевал ведет много тропок, и нам приходится день и ночь проводить в лесу. Спим урывками, едим на ходу. Шпала похудел так, что, кажется, от него прежнего осталась только половина.

Зато резко сократилось количество взрывов на дорогах и налетов на деревни. Нам объявляют благодарность от командования и выдают премии – по пятьдесят марок. В начале июля Горан обещал две недели отпуска, поедем в Грачац или Книн.

Но судьба распоряжается так, что вместо долгожданного отдыха нас перебрасывают на другой участок фронта, под Кореницу. Там сложилась тяжелая ситуация, хорваты каждую ночь тревожат сербскую оборону, совершают глубокие рейды в тыл. Надо помочь «братушкам».

Утро. На палатках – роса. Чистим зубы у родника. Кол сплевывает белую пену и обращается к Горану.

– Ящик стаканов нужен. Граненых. Лески японской зеленой крашеной ноль-ноль-три – две катушки. Проволока медная. Привезешь?

– Почему? Куда? – путая вопросительные слова, спрашивает Горан.

– Растяжки на перевале надо поставить, – Кол споласкивает лицо, вытирается.

– Со стаканом? – не понимает Горан.

– Да все просто, – терпеливо начинает объяснять сапер. – Вот смотри: берем стакан, берем гранату, «феньку». Ну, Ф-1, понимаешь? Выдергиваем чеку, вставляем гранату в стакан. Рычаг прижат, ударник запала не срабатывает. Ставим стакан с гранатой в нужном нам месте, привязываем к гранате леску, маскируем. Человек идет, задевает леску, стакан разбивается или «фенька» выскакивает из него – это как установить – рычаг отлетает, запал срабатывает – и бац!

Кол звучно хлопает в ладоши, изображая взрыв.

Горан несколько секунд внимательно смотрит на него, потом вздыхает:

– Вы, руски, кровь войны. Я привезу стаканы.

– И леску!

– Добро.

Он уходит. Шпала, закинув полотенце на плечо, хлопает Кола по спине.

– Игорек, я никак не въеду, ты у нас сапер или диверсант?

– Ярик, я специалист широкого, как твои штаны, профиля, – усмехается в ответ Кол.

Кончается июль. Днем очень жарко, ночью с гор ползут туманы. Очень высокая влажность; одежда, одеяла, простыни – все мокнет. В постель ложишься как в лужу. Кол соорудил себе гамак из старой маскировочной сетки и спит в нем.

Я вообще не сплю. Это продолжается уже две недели. Мне тревожно. Хорваты отчего-то резко снизили боевую активность. Времена, когда под Грачацем мы за ночь дважды, а то и трижды вступали в перестрелки, канули в лету. Сейчас ночные дозоры проходят спокойно, но я чувствую – это спокойствие обманное, ненастоящее.

Впрочем, наверное, все же не это показное затишье пугает и тревожит меня. Совершенно неожиданно активизируется конь. Когда у нас, точнее, лично у меня, было много «работы», фигурка лишь придавала мне уверенности. Но вот наступает тишина – и конь начинает выворачивать меня буквально наизнанку, постоянно, ежечасно, ежесекундно понуждая бросить эту войну, моих товарищей по оружию и бежать отсюда. Куда? Да ясно, куда. Ледяной пик Хан-Тенгри грезится мне каждую ночь в те недолгие мгновения сна, что я выцарапываю у проклятого предмета.

Я бьюсь с конем, как настоящий наездник бьется с диким, необъезженным жеребцом. Я должен, обязан его укротить, иначе конь сбросит меня, подчинит свой воле.

Мне тяжело. Что-то будет. Что-то произойдет...

Днем хожу как контуженный, голова кружится, глаза болят. А по ночам в палатке таращусь в темноту и считаю до тысячи, до двух тысяч – не помогает. Горан замечает мое состояние и как-то утром на разводе отзывает в сторону.

– На, возьми, – протягивает серебристый блистер с таблетками.

– Что это?

– Снотворное. Чтобы спать.

– Да ну... А если вдруг тревога? Какой из меня боец?

– Не надо боец. Надо спать, отдых, понимаешь? Тревоги не будет.

– Почему?

– Перемирие. Надо спать.

Таблетки австрийские, название не выговоришь. Я верчу в руках блистер, с надеждой спрашиваю:

– Может, лучше водка?

Горан качает головой из стороны в сторону, поворачивается и идет к штабному блиндажу. Я знаю – алкоголь на позициях под запретом. В феврале, когда мы еще были под Книном, здесь

в соседнем батальоне парни из «интервентной четы» устроили пьянку – отмечали чей-то день рождения. Упились до деревянного состояния, уснули вповалку, а ночью пришла диверсионная группа, смешанный отряд из хорватов и босняков. Тогда погибло двенадцать человек, остальных спас пулеметчик-диабетик. Он не пил и проснулся, когда резали его отключившихся сослуживцев. Очередь из РПК спугнула диверсантов и те ушли в горы.

С тех пор на позициях у нас – сухой закон. Командир нашего 15-ого Личского корпуса генерал Стеван Шево издал такой приказ и вменил командирам строго следить за его соблюдением. Я уже достаточно узнал разгильдяйский характер сербов, чтобы предположить, что в других частях наверняка потихоньку попивают. В других – но не у нас. Горан – человек-камень. Его слово нерушимо. Хочешь выпить – дождись смены, спускайся в город и там хоть залейся лозовачом и ракией-сливовицей.

Поэтому он и дает мне таблетки. Вечером того же дня я выпиваю одну – и ничего не происходит. Чувствую зов коня. Не спится. Ближе к полуночи глотаю вторую – ноль эффекта. В два часа, когда холод, источаемый фигуркой, буквально скручивает мои мышцы судорогой, принимаю третью, и тут количество переходит в качество, причем резко, в течение нескольких секунд. Все накопившееся во мне напряжение разом уходит. Становится тепло и покойно. Исчезает и шум в голове, куда-то пропадают все тревожные мысли. Вязкая истома обволакивает меня и уносит в царство Морфея.

Утренний развод я благополучно просыпаю, за что получаю устное взыскание. С этого дня сон налаживается, и я уже не принимаю таблетки Горана. Но на всякий случай держу их при себе.

Все так же ничего не происходит. Один день неспешно переползает в другой. Служба идет сама собой, как будто она тоже

связана с вращением нашей планеты вокруг своей оси. Разводы, наряды, караулы, дозоры, чистка оружия – и так день за днем.

Вообще служба в армии Сербской Краины напоминает пионерский лагерь, только вместо «Веселых стартов» – стрельба по живым мишеням, вместо «Дня Нептуна» – боестолкновения с диверсионными группами противника, вместо «Зарницы» – вылазки в хорватский тыл.

Порой увлекательно, но не весело.

На черных знаменах сербских четников – так называли здешних повстанцев еще во времена борьбы с османским игом – написано: «Слобода или смрт!». До свободы нам всем очень далеко. А до смерти – рукой подать.

Второе августа выдается дождливым, душным. Где-то далеко, над Дарницким хребтом, гремит гром.

– Сегодня день десантника, вот! – говорит мне Шпала после развода.

– Ну, хорошо. Поздравляю, брат.

– Поздравление не булькает, – он улыбается. – А отметить положено. Я тут ракией разжился, вот... Ты Колу скажи, и после десяти подгребайте к Белому камню.

– Казаков звать?

– Да ну их... – кривится Шпала. – Понтов больно много.

Ракия оказывается крепкой, как самогон. Да, по сути, это и есть самогон из чернослива. Мы все давно не пили и с привычки быстро косеем.

Вялый разговор время от времени прерывается на бравурные тосты:

– Ну, за десантуру!

– За то, чтобы число прыжков совпадало с количеством приземлений!

– За дядю Васю, вот!

К полуночи мы накидываемся так, что хочется лечь и уснуть прямо тут, в траве у белой известняковой скалы. Ракия – коварная штука. Голова вроде ясная, а руки-ноги почти не слушаются. И вдруг Кол произносит, старательно выговаривая слова:

– Мне сегодня ночью дед приснился. В форме военной. «Иди, – говорит, – ко мне во взвод. Будем вместе фашистов бить».

– И чего? – непонимающе таращит пьяные глаза Шпала.

– А то, – Кол пытается закурить, но ломает сигарету в непослушных пальцах. – Дед погиб в июне сорок первого. В Брестской крепости. Я его только на фотках видел.

Подавленные, слегка протрезвевшие, возвращаемся в палатку. Утром я просыпаюсь с тяжелой головой, и весь день проходит как во сне. Вечером подхожу к Горану:

– Нам отпуск обещали. Затишье же. Ты спроси отцов-командиров, может, дадут недельку хотя бы?

– Завтра, – говорит Горан. – Поеду в штаб, буду знам.

«Знам» – это «узнаю» по-сербски. Иду к палатке. Казаки играют в футбол. На импровизированном травяном плацу идет вечерний развод – кого в караул, кого в дозор на перевал.

Вдруг остро понимаю, что сербам не выиграть этой войны. Понимаю – но ничего не могу сделать. Да они и сами, как мне кажется, чувствуют это. Но – слишком упрямая нация – продолжают воевать, без надежды, с обреченной гордостью смертников.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Операция «Буря»

Похоже, ко мне опять вернулась бессонница. Засыпаю только под утро. Мне снится Телли и изумрудные луга Махандари. И когда первый взрыв подбрасывает койки в палатке, я несколько секунд сижу на земляном полу и никак не могу – не хочу! – проснуться.

Второй взрыв разносит в щепки будку связистов. Третий – накрывает ротную палатку, где квартирует сербская полурота. Матерясь и толкаясь, мы бестолково бегаем по лагерю, а взрывы становятся все чаще, воздух наполнен шуршащими звуками летящих снарядов.

– На позиции! – орет Горан, размахивая автоматом.

От его властного окрика мы приходим в себя, паника гаснет, как залитый водой костер. Обстрел продолжается, но хорватские артиллеристы переносят огонь дальше, к скалам, где стоит бронетехника.

Бежим к траншеям. Нас, «черных волков», осталось двенадцать человек – кого-то посекло осколками, кто-то просто потерялся во мраке. Помимо бойцов нашего отряда уцелело человек двадцать сербов. Мы да они – вот, собственно, и все, кто остался защищать горный проход, ведущий вглубь Краинской территории.

В темноте над нашими головами гудят самолеты – с запада, с запада! На юге встает зарево, доносится низкий рокот. Там тоже идет бой. Успокаивает только одно – за наши-

ми спинами, возле Завале, дислоцированы основные части Личского корпуса. Там имеется и тяжелая техника, и ракетные установки, и артиллерия. Нам надо просто продержаться какое-то время, потом придет подмога, и хорваты получат свое.

Связи нет, но всем уже понятно – это не просто обстрел, а настоящее наступление. Интересно, а как отреагировали на него миротворцы? Ведь они должны, обязаны были предотвратить полномасштабные боевые действия! Или хотя бы известить нас. В окрестностях полно деревень с мирными жителями. Что будет с ними, когда туда ворвутся «интербригады»?

Артобстрел заканчивается. Сидим в траншее, ждем. На перевале тихо. Слева от меня Шпала, в разорванном камуфляже, тискает приклад пулемета. У него сосредоточенное лицо. С таким лицом люди идут на смерть. Спрашиваю:

– Кола видел?

– Убило его, – не поворачиваясь, тихо отвечает он. – Осколком весь лобешник снесло. Все, теперь он у деда во взводе. Сон в руку, вот...

Атака начинается часов в шесть. На нас снизу по каменистому склону движутся несколько БМП, в ста шагах позади них маячат пехотные цепи. Очень густые цепи. Хорватов никак не меньше батальона. А нас – всего тридцать два человека.

Крупнокалиберные пулеметы и автоматические пушки БМП открывают огонь с дистанции в пятьсот метров. Мы ничего не можем противопоставить обстрелу – и прячемся в траншеях, буквально зарываясь в землю. Очень противное чувство – рядом с тобой грунт сотрясается от взрывов, свистят осколки и пули, а ты лежишь, полузасыпанный глиной и щебнем, словно погребенный заживо.

Я ползу по траншее, извиваясь, как червяк. Моя цель – холмик на правом фланге нашей обороны. Увенчанный десятком крупных валунов, он – неплохая позиция для стрельбы.

Хорватские БМП перестают стрелять и, выбрасывая хвосты сизых выхлопов, лезут вверх. Мне до них нет дела, этими «кoryтами» займутся другие.

Расчехляю «Заставу». Тру глаза – все в песке и пыли, веки саднит так, будто под них набили толченого стекла. Но это все – мелочи. Пора начинать работать. Далековато, конечно, но ждать, когда противник приблизится, нельзя. Время работает против нас. Шарю оптикой по склону, выискивая офицеров. Их надо выбивать первыми. Потом – пулеметчиков, гранатометчиков и связистов. Таков закон войны.

Когда «Застава» первый раз харкает огнем, по траншее пробегают одобрителный шум. Сербь рады – «друже Метак» жив и стреляет. Казаки, передавая друг другу бинокль, немедленно начинают давать советь:

– Слева от крайней «коробочки»! Ослеп, что ли?! Вишь, погонь! Куда, чучело! Мать твою, Новиков, нахрена ты этого ва-лишь?

Автоматические пушки БМП вновь оживают и все советчики и наблюдатели прячутся. Оно и к лучшему – как говорил пророк Пилилак: «Каждый должен заниматься своим делом и тогда в селении не будет одноглазых детей».

К этому моменту мой личный счет нынешнего утра – пятеро. Офицеры, рядовые... Сказать наверняка сложно. Но я стараюсь. Выцеливаю, чтобы попасть наверняка. Без командиров воинское подразделение превращается в стадо баранов.

Снайпер на войне – как вратарь в хоккее. Вроде такой же игрок, как все, но в критические моменты все зависит именно от него. Во время войны снайпер Роза Шанина, как счету которой было пятьдесят четыре подтвержденных врага, при-

чем двенадцать из них – немецкие снайперы, написала в своем последнем письме: «Немцы сопротивлялись ужасно. Особенно возле старинного имения. Кажется, от бомб и снарядов все поднято на воздух, у них еще хватает огня, чтобы не подпускать нас близко. Ну, ничего, к утру все равно одолеем их. Стреляю по фашистам, которые высовываются из-за домов, из люков танков и самоходок. Быть может, меня скоро убьют. Пошлите, пожалуйста, моей маме письмо. Вы спросите, почему это я собралась умирать. В батальоне, где я сейчас, из 78 человек осталось только 6. А я тоже не святая».

Вот и я не святой. И когда снаряды начинают взрываться между валунами на вершине холмика, я ползу обратно в траншею, проклиная все на свете.

Хорваты приближаются. Горан командует:

– Огонь!

Мы поднимаемся и открываем огонь. Шпала вылезает на бруствер, не обращая внимания на пули, закидывает на плечо трубу одноразового гранатомета «Муха». Ш-ш-ш! – как будто воды на каменку плеснули. И следом сразу густой и тяжелый удар – одна из хорватских БМП скрывается в дыму. Мы орем от радости, как дети.

Впрочем, восторг мгновенно гаснет в сплошной завесе взрывов. Разозлившиеся хорваты начинают методично перепахивать наши позиции. В довершение всех бед в небе появляются две вертушки. Это советские «восьмерки», переоборудованные противником в вертолеты огневой поддержки. Неуправляемые ракеты, оставляя за собой черные жирные хвосты, устремляются к земле.

Я успеваю рухнуть ничком и закрыть голову руками. На меня сверху падает чье-то тело, сыплется земля. Уши закладывает от рева разрывов. Кажется, обстрел длится вечно. Наконец все стихает. Встаю на четвереньки, трясую головой, как собака. В глазах мельтешат черные точки.

Оглядываюсь. Траншеи как таковой больше нет. Все перепаханно взрывами. Кругом – трупы, трупы. Вдруг вижу Горана. Наш командир тяжело ворочается в воронке, пытаюсь одной рукой приподнять пулемет РПК и направить его в сторону противника. Вторая рука висит плетью, по ней течет кровь.

Вертолеты улетают. БМП хорватов уже совсем близко, в двух десятках метров. Их пушки снова разражаются громкими хлопками выстрелов.

– Беги! – орет мне Горан в промежутке между взрывами и подтверждает свой приказ взмахом уцелевшей руки. – Форму кидай! Уходи, брача! Бог будет са вама!

И он припадает к пулемету. В общем грохоте боя очередь не слышна и только по дергающемуся плечу Горана понятно, что он стреляет.

Откидываю в сторону бесполезную «Заставу», пригибаясь, пробираюсь по траншее в его сторону. Везде трупы, тела людей, залитых кровью. Я опираюсь о них, отталкиваю, чтобы освободить проход. Кровь смешивается с землей и на моих руках – багровая кашка.

Горан поворачивает голову, видит меня и орет какое-то ругательство. В следующую секунду на том месте, где был наш командир, встает столб земли, простеганный шнурами огня. Я падаю на дно траншеи, лежу неподвижно и вдруг понимаю, что наступила тишина.

Стрелять в противника больше некому и не из чего. Рубеж пал. Тогда я, не поднимая головы и не оглядываясь, выползаю из траншеи и скатываюсь по противоположному склону к кустам. Прижимаясь к камням, где ползком, где на четвереньках, а где и в полный рост я преодолеваю полукилометровый путь до межгорного распадка и, уже не таясь, бегу по нему в сторону дороги. Когда я бросаю прощальный взгляд на возвышенность, где была наша линия обороны, то вижу пестрый

хорватский флаг-шаховицу, развевающийся над тем самым холмиком, с которого я стрелял в начале боя.

Людей встречаю часа через полтора. По тропе, ведущей через скалы, гуськом идут человек двадцать, в основном женщины. Беженцы. Завидев меня, они сначала пугаются, но разглядев нашивки, только качают головами. Старуха в черном платке молча достает из узла какие-то брюки и вельветовую куртку на молнии. Я так же молча снимаю форму и переодеваюсь.

Если нас поймают хорваты, в гражданской одежде есть, пусть и гипотетический, но шанс уцелеть. В форме «Черных волков» меня убьют на месте.

...Беженцы бредут по дороге. Их тысячи, десятки тысяч. Скорбная процессия тянется на многие километры. Они несут на себе узлы, сумки, чемоданы. Рядом со взрослыми шагают дети. Совсем маленьких держат на руках, везут в колясках. Многие катят тележки. Изредка встречаются конные повозки и автомобили, битком набитые людьми. Гораздо больше тракторов. Рычание двигателей, синие дымы солярных выхлопов. Прицепы завалены скarbом.

Стонут раненые – сербы вывозят всех пациентов из больниц и госпиталей. Оставлять их противнику нельзя, это равносильно убийству. В Книне, захваченном два дня назад, не успели эвакуировать госпиталь – хорваты выбрасывали раненых из окон и еще живых давили танками.

И вновь невозможно поверить, что все это происходит в конце двадцатого века в Европе.

Над колоннами беженцев время от времени проносятся боевые самолеты. На их крыльях хорошо читаются надписи: «NATO – OTAN», разделенные какими-то кругами и белыми звездами. Иногда появляются вертолеты. Они с утробным гулом зависают в небе, потом улетают. Когда я думаю, что мо-

жет сотворить со всеми этими людьми один такой самолет или вертолет, мне становится страшно.

У беженцев почти нет ни еды, ни воды. Колонну будоражат слухи. Они быстро распространяются среди измученных, напуганных людей. Слухи самые разные. Говорят, что операция хорватской армии называется «Олуя»²² и проводится при поддержке натовской авиации. Говорят, что с аэродрома в Баня-Лука транспортные самолеты эвакуируют детей и раненых в Сербию. Говорят, что дорога на Босанска-Крупа перерезана хорватами. Они обстреливают все машины, движущиеся со стороны Цазина. Говорят, что 5-й корпус армии Боснии и Герцеговины у Плитвицких озер ударил в тыл Личскому корпусу сербов, разрезал территорию Краины на две части и Западная Славония уже пала.

Небритый мужчина в инвалидной коляске громко рассказывает о том, что всех нас предали. Мол, отцы-командиры больше думали о том, как отступить и вывести людей, чем о том, как победить врага. В память врезается фраза, якобы сказанная кем-то из офицеров во время совещания в штабе: «Если я буду стрелять в хорватов, кто будет управлять моим трактором и везти мою семью в Сербию?».

Стало быть, они изначально не верили, что выстоят. Люди жили ожиданием беды – и бегства. Я не вправе их судить. По сути, сербы вступили в противостояние со всем тем миром, который почему-то называют цивилизованным. Вступили – и проиграли. А побежденных, как известно, ждет горе...

Утром в двухколесной повозке, заваленной узлами и сумками, умер ребенок. Совсем маленький, не старше года, он всю ночь плакал, кричал, а на рассвете затих. Мать, молодая сербка, повязала голову черным платком. Кативший повозку отец завернул тельце сына в простыню и похоронил его в десяти шагах от обочины дороги. Я и еще несколько мужчин помогли установить над могилой большой замшелый камень.

²² Олуя (серб.) – буря

Я видел умершего малыша, видел его лицо. Красное, сморщенное, жуткое, оно напоминало мордочку какого-то зверька. И еще меня поразило, что мать мальчика не проронила ни слезинки. Она восприняла все произошедшее как должное. Потому что беда. Потому что война. На войне убивают. И не только солдат, но и детей...

К обеду наша колонна доползает до межгорной котловины, поросшей лесом. Дорога вьется между осыпей, дважды мы вброд переходим какую-то горную речушку. Многие набирают воду в бутылки, банки, фляги, бидоны или просто в ведра.

Два хорватских штурмовика внезапно вываливаются из-за облаков и с ходу открывают огонь по колонне. Крупнокалиберные пули авиационных пулеметов выбивают в асфальте дыры с кулак величиной. Монолитная толпа, ползущая по дороге, тут же разбивается на множество осколков – люди бегут в разные стороны, бросая машины, трактора, тележки, узлы и сумки.

Штурмовики, покачивая крыльями, уносятся за зубчатую стену утесов, разворачиваются и на бреющем полете еще раз проходят над дорогой. Они прицельно расстреливают технику, дают залпы неуправляемыми ракетами по зарослям, в которых спрятались беженцы. Вспышки пламени, грохот взрывов, в воздух летят ветви деревьев – и куски человеческих тел.

Я наблюдаю за всем этим из расщелины между скалами. От бессильной злобы хочется выть. Зачем, для чего убивать тех, кто и так уже изгнан с родной земли, кто не может ответить, не может навредить? Беженцы – это не войска, фермерские трактора – не танки...

– Уроды, – выцеживаю сквозь зубы, провожая взглядом удаляющиеся штурмовики.

На дороге – мертвые тела, размочаленный скарб, тряпки. Несколько раненых кричат, взывая о помощи. Я покидаю свое убежище, лихорадочно соображая, как и чем помочь этим несчастным. Из леса выходят уцелевшие, женщины плачут, мужчины ругаются, потрясая кулаками.

На дороге позади нас появляется БМП. Это М80, «корыто». Над башенкой развевается хорватский флаг – ненавистная «шаховница». Под таким знаменем во время Второй мировой усташы проводили этнические чистки в сербских селах. Спустя полвека все повторяется вновь...

С М80 на дорогу сыплются солдаты. Они сразу открывают плотный огонь, стремясь убить как можно больше людей до того, как те успеют скрыться в лесу. Гулко бухает оружие БМП. Взрыв разносит в щепки телегу в нескольких метрах от меня.

Оглохший, с запорошенными пылью глазами, я бегу прочь от дороги, вламываюсь в заросли. Пули вжикают над головой, с тупым стуком вонзаются в стволы ясеней. Мне сейчас ясно только одно – надо уходить в горы, как можно выше. Туда, где нет ни дорог, ни троп. Там одинокого беглеца никто не станет искать. О том, что ждет меня потом, стараюсь не думать.

Главное – выжить. Не потерять контроль над ситуацией – и над собой. И словно в насмешку, конь уносит меня в тринадцатый век в самый неподходящий момент. Я взбираюсь на скальный гребень, останавливаюсь на секунду, чтобы перевести дух – и проваливаюсь в прошлое...

Над золочеными крышами Чжунду, главной из пяти столиц Великой империи Цзинь, плыл многоголосый звон колокольчиков. Так жители огромного города пытались привлечь внимание добрых духов, чтобы те помогли им отразить нападение северных варваров.

Тумены Чингисхана обложили Чжунду со всех сторон. Вечерами важные сановники и приближенные императора во главе с князем Хушаху поднимались на стены и с тревогой наблюдали за десятками тысяч костров, горящих на окрестных холмах.

Новый император, Сюань Цзун, заменивший Вый-шао, удавленного шелковым шнуром в собственной спальне по приказу все того же Хушаху, на стены не поднимался. Он сидел в своих роскошных покоях, где даже ножки кроватей были отлиты из чистого золота, и, раскачиваясь из стороны в сторону, в сотый раз перечитывал послание Потрясателя Вселенной: «Все земли твоей страны севернее Великой Желтой реки в моих руках. Тенгри довел тебя до столь ничтожного состояния, но я не рискну испытывать его терпение и готов уйти, если ты обеспечишь моих людей необходимым продовольствием и имуществом. Они говорят, что у тебя слишком много богатств, которыми ты владеешь не по праву. Торопись же, ибо враждебные чувства моих нойонов по отношению к тебе растут день ото дня».

В это же самое время Чингисхан вместе со старшими женами – Борте, Есуй, Есуган и красавицей Хулан – прохаживался по цветущему лугу, с интересом рассматривая стены и башни гигантского города. Неспешный разговор, затеянный еще в ханской юрте, временами прерывался, но не заканчивался.

Начало ему положила мудрая Борте-хатун, сказавшая мужу и повелителю:

– Слишком много зверей убивают твои охотники. Слишком много шкурок сдирают с них. Придет следующий год – на кого охотиться станут?

Накануне правое крыло войска Чингисхана под предводительством трех его сыновей – Джучи, Джагатая и Угедея – захватили обширную и богатейшую провинцию Шаньси, разграбив три главных города этой области – Биньян, Фучжоу и

Сучжоу. Следом была взята и дотла сожжена столица провинции Тайюань.

Посланный сыновьями к отцу гонец рассказал, что монголы истребили всех, кого встретили на своем пути, а отрубленные головы цзиньских воинов были сложены в гору, вершина которой поднялась выше самой высокой башни Тайюаня.

– Богатства, полученные сыновьями великого, не уместились и на тысяче повозок, а длина обоза с добычей превышает сорок тысяч шагов! – гордо закончил гонец.

Получив кипу шелка и золотую чашу в награду за верную службу и хорошие вести, гонец, пятясь, выскочил из юрты. Вот тогда-то Борте и произнесла, не глядя на мужа, слова об охотниках.

Потрясатель Вселенной, услышав их, сердито засопел. Есуй и Есуган переглянулись. Они хорошо знали – когда муж и повелитель чем-то недоволен, он всегда раздувает ноздри. Знали сестры-татарки и то, что хотя их всех, включая выскочку Хулан, и именуют старшими женами, но только медведица Борте, прозванная так за некоторую грузность, может говорить Чингисхану все, что она думает в тот или иной момент.

И только ее Потрясатель Вселенной всегда выслушивает до конца и только ей он прощает все.

Вот и сейчас, посопев, Чингисхан проворчал:

– Цзинь нанесла моему народу много обид. Они еще не отплатили сполна.

– Лишь Вечное Синее небо знает, где предел мести, – не согласилась Борте.

– Победоносные нукеры нашего господина втопчут всю Цзинь в грязь! – воскликнула худенькая, смуглая Хулан, потрясая сжатыми кулачками.

– Помолчи! – буркнул Чингисхан и девушка осеклась.

– Если мне будет позволено, я скажу... – начала Есуй, но и ее остановил Потрясатель Вселенной.

Поднявшись, он откинул полог юрты и махнул рукой:

– Воздух здесь застоялся, застоялись и мысли. Сегодня Тенгри даровал нам звезды. Пойдемте любоваться ими.

Завидев Чингисхана в сопровождении жен, стражники-турахуды тут же окружили их тройным кольцом, почтительно держась на расстоянии ста шагов.

– Цзинь – враги мне, – сказал Чингисхан. – Отчего я должен думать о сохранении жизней их подданных?

– Ты всегда хотел, чтобы монголы жили в мире, – напомнила Борте. – А разве возможен мир, когда рядом лежит страна, где рано или поздно подрастут дети убитых монголами родителей?

– Значит, нужно убить и детей, чтобы мстить было некому! – рассмеялась Хулан, но наткнувшись на тяжелый взгляд мужа и повелителя, умолкла.

Есуй и Есуган вновь переглянулись. Они поняли, куда клонит медведица. Понял это и Чингисхан. Перед его мысленным взором стремительно пронесли события последних месяцев.

Монголы, ворвавшись в коренные земли Китая, разделились на три армии. «Правое крыло» возглавили старшие сыновья Чингисхана, «левое крыло» – Мухали и Боорчу, а центр Потрясатель Вселенной оставил за собой.

Самым многочисленным и древним народом Срединной империи были ханьцы. Издревле жили они на берегах Хуанхе, занимались земледелием и различными ремеслами. За тысячелетия ханьцы видели немало завоевателей. С севера и востока на Китай накатывали орды кочевников. Иногда они терпели поражение и откатывались обратно в глушь, иногда свергали очередную династию и утверждали на троне своего повелителя. Но проходило столетие-другое, и неотесанные дикари под воздействием тысячелетней культурной традиции постепенно превращались в китайцев. Так было всегда, и

никто из жителей деревень и городов в долине Великой Желтой реки не сомневался, что так будет и в этот раз.

Получив весть о приближении монгольского войска, ханьцы поступали так, как и их предки – остались в своих домах, выложив на улице рядом с дверью подношения завоевателям. Кто побогаче – фарфоровые чашки, блюда, мотки шелковой пряжи или уже готовое полотно, бедняки – мешок риса и медную лампу. Воевать за императора Цзинь ханьцы не собирались. Их не тревожила смена власти в столице. Жизнь крестьянина тяжела, тут не до войны. Придет новый император, а в деревнях все останется по-прежнему.

Чжурчжэни-цзиньцы, сами в недавнем прошлом кочевники, напротив, сопротивлялись отчаянно. Алтан-хан слал на встречу монголам войско за войском. На просторах Великой Китайской равнины гремели кровопролитные битвы, сильно задерживающие продвижение монголов. Разъяренный Чингисхан начал все чаще прибегать к помощи волка. Бывали дни, когда он вообще не выпускал серебряную фигурку из рук. И враги дрогнули. Страх обессиливал их, лишал способности здраво мыслить и крепко держать в руках клинки.

Под Хуалаем монголы разгромили крупнейшую армию Цзинь. Погибших чжурчжэней было столько, что их мертвые тела усеяли все пространство на тридцать ли²³ вокруг. Опьянев от крови, нукеры Чингисхана уже не могли остановиться. Они врывались в деревни и города, громя все на своем пути. Храмы, дома, хранилища зерна предавались огню. В качестве добычи монголы признавали только скот, оружие, золото, серебро, фарфор и шелк. Копыта коней безжалостно топтали рассыпанный по улицам и дорогам рис – на корм коням он не годился, а сами степняки считали его слишком безвкусным, чтобы употреблять в пищу.

²³ Ли – китайская мера длины. В различные периоды китайской истории ее исчисляли по-разному – от 300 до 600 метров. В описываемое время ли равнялось примерно 500 метрам

– Вперед, вперед! – рычал Чингисхан, сжимая в руке волка. – Рубите всех!

И началось невиданное истребление. Лишь сильные, молодые юноши и девушки имели шансы выжить в этой бойне – их угоняли в рабство. Всех остальных жестоко убивали. Трупы валялись повсюду. Дымы от сожженных поселений пятнали небо. Наколотых на колья младенцев клевали стервятники. Вороны так разжирели, что утратили способность летать. При приближении человека они лишь отбегали в сторону, раскрывая испачканные кровью клювы.

Мертвецов глодали собаки и одичавшие свиньи. Полчища крыс заполонили пустынные улицы разоренных городов, спеша урвать свой кусок на этом вселенском пиршестве.

В довершение всех ужасов монгольского нашествия кидани, мстя чжурчжэнам за прошлые обиды – когда-то киданьская империя Ляо пала под ударами первых императоров Цзинь – подняли восстание и присоединились к завоевателям.

Ханьцы испугались. Бросая дома и возделанные поля, они устремились на юг, за Хуанхе, туда, где обосновалась изгнанная чжурчжэнами династия Сун. Дороги заполнили толпы беглецов. «Там, где прошли монголы, трава перестает расти», – в страхе говорили они.

Долина Великой желтой реки обезлюдела. Тошнотворный запах тлена висел над сожженными, разрушенными поселениями. И вот войска Чингисхана подошли к столице Цзинь. До победы оставался всего один шаг.

– Я хотел мира для монголов, – возобновляя прерванный разговор, сказал Потрясатель Вселенной. – Мне нет никакого дела до китайцев.

– А разве они теперь не подданные твои? – вкрадчиво поинтересовалась Есуй.

Борте одарила татарку признательным взглядом. Она поняла – сестры решили выступить на ее стороне.

– Что толку от подданных, которые умеют только ковыряться в грязи, выращивая свой никчемный рис? – ответил вопросом на вопрос упрямый Чингисхан.

– Помимо риса эти люди изготавливают шелк, посуду, разные вещи, полезные в хозяйстве, – не уступала Борте. – Господин мой, разве режут корову, которая дает жирное молоко? Было бы мудро с твоей стороны присмотреться к пленникам из числа китайской знати. Не все они заслуживают смерти. Там наверняка есть и те, кто может управлять здешним народом во славу великого Чингисхана!

– Я должен подумать, – сердито ответил сын Есугея-багатура. – Все, мне надоело гулять!

И резко повернувшись, он широкими шагами направился к юрте. Борте с улыбкой проводила мужа взглядом, потом обратилась к Хулан:

– Милая хатун, твоя горячность хороша, когда ты возлежишь с нашим господином на мягком войлоке. Но впредь постарайся сдерживать себя, участвуя в наших беседах.

Утром следующего дня Чингисхан получил ответ от нового Алтан-хана Сюань Цзуна. В нем говорилось, что император Цзинь признает за владыкой всех монголов право управлять всеми подвластными ему народами, в знак примирения отправляет богатые дары и выражает надежду, что всего этого хватит для того, чтобы монголы вернулись в свои земли.

Дары были присланы к полудню. Вozy с золотыми и серебряными монетами, тысяча мальчиков и тысяча девочек в нарядных халатах, три тысячи отборных скакунов, а сверх того – принцесса крови, княжна Цзи-гуо в золотом паланкине. Она предназначалась в супруги Чингисхану.

– Теперь, – довольно сказал он, разглядывая новую жену, – я ни за что не отступлюсь. Династия Цзинь будет стерта с лица земного! А сейчас я хочу прохлады. Эй, люди, седлайте коней. Мы идем на Долон-нор.

Как обычно, видение прерывается внезапно. Трясу головой, приходя в себя. Я все так же торчу на вершине скалистой гряды. Вечереет. Накапывает мелкий дождик. Позади, далеко позади, в пяти-шести километрах – шоссе, на котором хорваты расстреляли колонну беженцев.

Прямо передо мной – ложбина, углубление между двумя рядами скал. На дне ее я вдруг замечаю... линзу. А чем еще может быть овальное мерцающее сияние, висящее в полуметре над землей? Точно – она. Рядом – бездымный костерок из сухняка, расстеленный спальник, рюкзак...

И бородатый человек в темных очках. Он сидит на камне метрах в двадцати внизу и приветливо машет мне рукой. Сердце на секунду сжимается – не от страха, но и не от радости.

Нефедов. Удивляться сил уже не осталось.

Черт, значит, я снова в игре. Как там сказал Соломон Рувимович? «Большая Интрига»? Знать бы еще, что это такое...

Натягиваю на лицо равнодушное выражение и начинаю спускаться, стараясь не вызвать камнепад.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Что бы ты сделал?

– Привет! – весело скалится профессор.
– Сам привет...– бурчу я.
– Чайку?
– Кофейку. Ты как тут оказался?
– Да вот... Изучаю теорию этногенеза на практике.
– Ну, рассказывай.
– А с чего ты решил, что я буду тебе что-то рассказывать? – усмехается Нефедов.

Я улыбаюсь в ответ такой же иезуитской улыбкой.

– Игнат, я тебе нужен. Иначе ты не стал бы разыскивать меня в этой каше. Ну, а раз все это так, то давай уже не юлить друг с другом. Или...

– Что – или? – он напрягается, застывает на месте.

Я вижу отражение пламени костра в стеклах его затемненных очков. Мне смешно – мы разговариваем, как будто и не расставались, как будто находимся в долине Неш и впереди у нас вечность.

– Или я тоже тебе ничего не стану говорить.

– Хорошо, – Нефедов вздыхает. – Но чур все по-честному: откровенность за откровенность, договорились?

– Конечно, – я соглашаюсь легко. На пути к цели все средства хороши – он сам меня так учил.

Нефедов резким жестом сдергивает с лица очки.

– Посмотри!

Смотрю. Ага, я так и думал. У него разноцветные глаза. Левый –голубой, правый – зеленый, с еле заметной желтизной вокруг зрачка. Выглядит странно, если не сказать – жутко. Впрочем, у меня глаза такие же.

Значит, Нефедов имеет предмет. Интересно, какой?

В ответ на мой невысказанный вопрос профессор сует руку во внутренний карман куртки, достает что-то и раскрывает ладонь.

– Видал?

Он хвалится, хвалится, как мальчишка. Я его понимаю – Нефедов давно хотел иметь предмет. Теперь его заветная мечта осуществилась.

Разглядываю фигурку. Знакомый серебристый металл. Изящные линии. Это кошка. Или кот. Сидит себе, приподняв чуткие ушки, и смотрит куда-то.

– Красивая фигурка.

– Они все красивые.

– И какой от нее толк?

– Очень странный толк, Артем. Я мог бы тебе солгать, сказать, например, что эта фигурка, этот предмет дает возможность читать в душах людей и знать все их сокровенные помыслы, но мы же договорились – только правда. Поэтому...

Нефедов замолкает. Я не тороплю его. Ночь только вступила в свои права, до рассвета еще очень далеко.

– Наверное, у кота много свойств. Но я пока научился использовать только одно – видеть будущее человека.

– Какого еще человека?

– Любого... – Нефедов вздыхает. – Это в двух словах не объяснишь.

– А ты попробуй.

Он хмыкает, улыбается, оглядывает кусты, деревья вокруг. В костре трещат можжевельные сучья, камни вокруг подсохли и от них поднимается легкий пар.

– Ладно, – с деланной милостью в голосе соглашается Нефедов. – Кот показывает будущее. Вообще будущее. Но если очень постараться, можно увидеть того, кто тебе нужен.

Почему-то это дополнение заставляет меня вздрогнуть.

– То есть ты знал, что я окажусь в этом месте в это время?

– Ну да. Когда мы с тобой расстались, – продолжает профессор, – я оказался в горах. В Андах. Пустыня Наска, слышал? Два дня без еды и воды брел по ней, и мне уже казалось, что все, жизнь кончена. Там совсем нет людей... и вообще ничего нет. Но на третий день я увидел джип. Старый армейский джип, у которого закончилось горючее. А в джипе... и вокруг него лежали трупы. Четверо. Они перестреляли друг друга. У одного из мертвецов в кармане я и обнаружил кота. Там еще была канистра с водой и консервы.

– А что это были за люди?

– Не знаю. Одежда, обувь – самые обычные. Неподалеку от машины я увидел развалины, пошел туда. Похоже, они там рылись, что-то искали, может быть, как раз кота. Нашли – и не сумели поделить добычу. Так предмет попал ко мне.

– А дальше?

– Дальше было проще – и сложнее. Я нашел линзу, ведущую в будущее, и оказался в лабиринте аномалий. Пришлось потратить несколько месяцев на то, чтобы разобраться с котом. И когда мне стало ясно, что с его помощью я могу отыскать кого угодно, ну, как экстрасенс-беспредметник, я решил найти тебя.

– Что еще за беспредметник?

– Беспредметники – это необыкновенные люди. Сверхлюди, если хочешь.

– Волшебники, что ли? – я усмехаюсь, подкидываю в огонь кривую черную ветку.

– Можно и так сказать, – кивает профессор. – Лев Николаевич потратил много времени на изучение этих людей и их роли в этногенезе различных народов.

– Угу. Изрыгатели огня и летатели по воздуху. Не смейся.
– Да какой уж тут смех, все серьезно, – говорит Нефедов.
– Ну да. Сейчас ты объявишь беспредметниками всех спортсменов! А также выдающихся художников, писателей, ученых...

– Нет. Ты не понимаешь. Дар у беспредметника обычно проявляется вне его желания. Нельзя захотеть – и прыгнуть выше всех. Кстати, часто дар может вредить самому человеку или вообще всем вокруг.

– Как граната?

Нефедов громко, с аппетитом хохочет. Потом резко сгоняет с лица веселое выражение и произносит:

– А теперь о главном – какие у тебя планы?

Я пожимаю плечами.

– Не увиливай. Я разыскивал тебя повсюду. Кот показывает только картинку. Я потратил кучу золота...

– Золота?

– Конечно! Или ты думаешь, что в разных эпохах и странах пользуются спросом советские рубли? Золото – универсальный эквивалент человеческой жадности. Оно всегда и везде в ходу. Все, не перебивай меня! Так вот: я потратил кучу золота, чтобы с риском для жизни добраться сюда. И теперь я хочу знать – что ты собираешься делать дальше?

Смотрю на огонь. Пламя с треском пожирает ветви, исполняя незамысловатый танец, знакомый еще нашим пещерным предкам. Надо отвечать. Надо что-то сказать. В памяти возникает образ Телли...

– Я хочу вернуться к махандам.

Нефедов вздыхает:

– Ясно. В общем, я примерно так и думал. Только...

– Что – «только»?

– Артем, тут вот какое дело... Мы же договорились говорить друг другу правду?

– Ну...

– В общем, я возвращался на то место, в Махандари. Искал девушку. Не скрою – искал для того, чтобы через нее воздействовать на тебя. Но...

– Что?

– Она пропала. Ушла в хроноспазм. Точнее, в линзу, хроноспазма-то к тому моменту уже не было, там теперь огромное озеро и водопад.

– Она ждала четырнадцать лет? – машинально спрашиваю, еще не осознав всего, что стоит за словами Нефедова.

– Нет, не ждала. У времени свои законы. Пока мы были пленниками долины Неш... В общем, речь идет о неделе или около того. Телли вернулась домой, собрала припасы, снаряжение – и отправилась на твои поиски.

– Где она сейчас?

– Не знаю.

– Я... мы сможем ее найти?

– Не знаю.

Он отворачивается, и именно по этому нежеланию смотреть мне в глаза я понимаю, что профессор не врет. Если бы врал – смотрел бы бестрепетно и прямо.

Новость о Телли бьет меня под дых. В голове царит полный сумбур. То, чего я так боялся перед отъездом в Сербию, все-таки случилось. Все мои планы летят к чертовой матери. Мучительно соображаю, что делать. Перед глазами все время маячит лицо мертвого ребенка в повозке.

Телли... Одна среди хихикающих выроdkов, хищных тварей, чужих людей, которые бывают еще опаснее диких зверей, бродит где-то, а я... Я разыщу ее, чего бы мне это ни стоило!

И едва только эта мысль появляется в голове, как фигурка коня на груди леденеет, и я чувствую, слышу его зов. Он против. Он хочет другого. Но поздно, я уже не тот юнец, что слепо

повиновался этой силе. Я теперь знаю, зачем мне нужны были эти полгода в Сербской Краине, погибшие Кол и Шпала, расстрелянные беженцы и мертвый ребенок. Я могу бороться – и буду бороться.

Масло в огонь подливает Нефедов. Заметив мое замешательство, он разводит руками:

– С судьбой не поспоришь. Похоже, тебе придется забыть ее. Хотя...

Я хочу крикнуть: «Никогда!», но в последний момент в буквальном смысле прикусываю язык. Нельзя, нельзя поддаваться эмоциям. Слишком много поставлено на карту. Кроме того, я чувствую – профессор ведет свою игру. В средние века дьявола называли Отцом Лжи. Нефедов, конечно, не тянет на такой титул, но он с ложью тоже в близкородственных отношениях.

Проходит несколько минут, в течение которых я взвешиваю свои шансы на удачу. И, наконец, принимаю решение. Оно дается мне нелегко, но с другой стороны, сумел же я однажды, когда уходил в армию, расстаться с конем! Просто собрал волю в кулак – и оставил фигурку.

Значит, смогу и теперь. С предметом мне Телли не найти. У коня своя цель, у меня – своя. Нам больше не по пути. Но и просто выкинуть его, отдать кому-то, спрятать я не могу. Оставлять эту вещь здесь, в нашем времени, нельзя. Мне, нам, человечеству не нужен возрожденный Потрясатель Вселенной. Чингисхан – это война. Пусть с ним разбираются там, где будут побеждены войны, болезни, мор и голод.

И я говорю, помешивая угли в костре:

– Игнат, ты сказал, что есть линзы, через которые можно попасть в будущее?

– Есть. Их мало и все они так или иначе привязаны к Черным башням. А причем тут это?

– К каким башням?

– К Черным. Еще их называют Столпами Дьявола, Башнями Сатаны, Черными перстами... Много разных названий. Всего, как я понимаю, таких башен семь. Построили их в незапамятные времена те... В общем, неизвестно кто.

Я улавливаю в голосе Нефедова фальшь. Он явно что-то утаивает, но сейчас это не важно.

– Ну-ну, и где эти башни?

– Разбросаны по всему свету. Одни сохранились, другие разрушены до основания, но все равно действуют. Мне известно местонахождение трех из семи. Одна – в Сибири, у горы Аюм, одна – в Средней Азии, еще одна – в Абхазии, на озере Рица.

– Где?

– Ну, курортные места Черноморского побережья Кавказа помнишь? Гагры, Гудаута, Новый Афон, озеро Рица.

– А, вон это где... И что?

– Там есть линза, позволяющая попасть в будущее.

– Но это же далеко.

– Ну, не так чтобы....

– А в какое будущее ведет эта линза?

– Лет на четыреста вперед.

Четыреста лет! Четыре века! Мне это подходит. Ну, вот и все, решение принято. Осталось только, что называется, претворить его в жизнь.

– Ты только объясни мне убогому, – ерничает тем временем Нефедов, – зачем тебе в будущее? Ты же хотел найти девушку...

Изображаю на лице тяжелую внутреннюю борьбу. Потом как бы через силу выдавливаю из себя:

– Ну, это... Девушка подождет. А мы... Мы же не можем ожить... Наша техника...

– погоди, погоди! – Нефедов возбужденно вскакивает с места и начинает ходить около костра, то появляясь в круге света, то

исчезая во тьме. – Так он... Чингисхан... он жив? В смысле – его можно вернуть к жизни?

– Его нужно вернуть к жизни, – с напором, уверенно отвечаю я. – Это главная цель коня.

Удивительно – я сейчас сказал правду! Как в детском мультике: «Крокодил сказал доброе слово». Но эта правда, встроенная в общую конструкцию моего хитроумного, хочется верить, плана, не произвела на Нефедова должного впечатления.

– Врешь! – он останавливается и смотрит на меня. – Как ты узнал?

– Я видел, как он... как Чингисхан готовил себя к этому. И как готовил коня.

– Ага... – профессор задумчиво скребет бороду, закатывает глаза. – То есть его тело в целостности и сохранности лежит где-то... где-то во льдах, правильно? И ждет своего часа. Да, у нас технологий для оживления замороженных трупов нету, ты прав.

– Его надо не просто оживить, но и омолодить, – рублю я правду-матку. – И только в будущем...

– Стоп-стоп-стоп! – Нефедов опускается на корточки. – Я все понял. У меня только один, но очень, очень, Артем, важный вопрос...

– Говори.

– Предмет с ним?

– Какой?

– Не вилай!

Я притворно вздыхаю – дескать, не хотел говорить, но что уж теперь поделаешь, раз все карты раскрыты...

– Да. Волк находится на теле Чингисхана.

– Значит, адепты «Братства небесного огня» были правы... Все! – он снова вскакивает. – Я в деле. Будущее, говоришь? Что ж, там я толком так и не побывал. Поглядим, поглядим...

– А что за братство?

– Помнишь, я говорил, что на Земле существуют тайные общества, охотящиеся за предметами?

– И что?

– «Братство небесного огня» – одно из них. Они давно, может быть, сотни лет, следили за конем. И когда ты получил его... Тебя вели, Артем. За тобой следили. Ждали, когда конь приведет тебя к волку.

– Так это они подмешали в глюкозу яд там, в Афгане?

– Думаю, да. Видимо, решили, что ты свою миссию выполнил.

– Но потом, я надеюсь, это твое братство потеряло мой след?

– Как знать, как знать... – Нефедов пожимает плечами.

Я задираю голову и разглядываю звезды. Где-то далеко кричит сова. Ночь вошла в свои права, дело идет к полуночи. Что ж, кажется, я все сделал как надо, осталось оговорить детали. Спрашиваю:

– Значит, идем к линзе, ведущей в будущее? А как мы до нее доберемся?

Нефедов улыбается самой радостной из своих улыбок. Борода топорщится, разноцветные глаза горят. Он похож на пьяницу, узнавшего, что его пригласили на свадьбу.

– Артем, сейчас конец двадцатого века! Существует масса транспортных средств, тем более что по прямой через Черное море тут не так уж и далеко.

– По прямой только птицы летают, – я развожу руки в стороны, изображая крылья. – Нужно попасть в аэропорт. Где тут ближайший? Хотя какая разница? Машины у нас нет, а если бы и была, через кордоны и блок-посты не проехать, сразу в оборот возьмут.

– Машина – не проблема, – замечает Нефедов. – У тебя что, документы не в порядке?

Молча расстегиваю рубашку, показываю левое плечо.

– Синяк видишь? И еще вот, на указательном пальце.

– Что это?

– Мозоль от спускового крючка. По этим документам, Игнат, миротворцы сразу отправят меня в тюрьму для военных преступников, а хорваты просто отведут в какое-нибудь укромное ущелье и впелят пулю в затылок.

– Да, машина отпадает, – кривится Нефедов. – А жаль. Угнали бы и добрались за один день. Ну да не беда, Артем батькович! Поедем на поезде.

– Не понял?

– Тут и понимать нечего. Наша задача – добраться до границы Сербии, до городка Титово-Ужице. Вот смотри...

Он разворачивает карту Европы и начинает водить пальцем по линиям. Я кладу на карту ладонь:

– Во всей этой истории есть одно большое «но».

– Что еще за «но»?

– До границы с Сербией отсюда километров двести. Идти придется через места, где живут босняки. Они нас... ну, в общем, тех, кто за Великую Сербию, любят не больше, чем хорваты.

– Н-да, наворотили вы тут делов... – Нефедов проводит ладонью по бритой голове. – Хорошо, какие тогда будут предложения?

– А если попробовать через линзу?

– Через какую?

– Да вот через эту, – киваю на еле заметное в темноте голубоватое сияние.

– У-у-у, брат... Это же нестабилка. Опасно. Да и стражи, понимаешь ли...

– А вот с этого момента поподробнее, – говорю я и поудобнее устраиваюсь на нефедовском спальнике.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

До свидания, товарищ!

Про линзы профессор рассказывает долго и подробно. Дрова успевают прогореть, и я подбрасываю в костер новые сучья.

Выясняется, что Нефедов обнаружил закономерность, связь между оттенками линз и тем, куда они ведут.

– Есть простые линзы, пространственные переходы. Они связывают между собой особые зоны на поверхности Земли. Эти зоны люди называют аномальными.

– А не люди?

– Не люди... – Нефедов пощипывает бороду, искоса смотрит на меня, словно оценивая – стоит делиться информацией или нет?

– Не люди, Артем, эти зоны создали.

– На кой?

– Я не знаю. Честно – не знаю. Но думаю, что это все части какого-то глобального эксперимента. И долина Неш, где они оборудовали хроноспазм, и поселок «Алые зори» на берегу реки Ады, и движущиеся камни в Долине смерти, на высохшем озере Рейстрек-Плайя, и...

– Игнат, – прерываю я его. – А кто такие эти «они»?

– Вот это самое интересное. Я сталкивался с ними трижды. Внешне эти создания очень напоминают людей – две руки, две ноги, голова, глаза, нос-рот-уши. Носят одежду, разговаривают. Но у них прозрачная кожа.

– Как стекло?

– Скорее, как калька. Сквозь нее просвечивают сосуды, жилки всякие. И еще: на них не действуют предметы. Но это вовсе не значит, что эти существа не имеют к ним интереса. Наоборот, они собирают фигурки, охотятся за ними, ищут повсюду. Так вот, они, судя по всему, и создали линзы, чтобы быстро и без проблем перемещаться между зонами. Вот, собственно, и все, что мне известно...

Прозрачные, значит. Ясно, ясноенько. Ко мне они, выходит, тоже приходили. Интересовались. Или следили? Или хотели помешать? А может быть, помочь? Не прозрачный ли посадил меня на казанский поезд? Впрочем, сейчас разницы уже нет – я в Сербии, рядом линза. И Нефедов.

– Ты сказал, что линзы бывают разных оттенков, – напоминаю я.

– Да, это так. Простые переходы отливают красноватым. Похоже на цвет закатного солнца. Линзы, ведущие в прошлое, слабо светятся желтым. Те, через которые можно попасть в будущее, зеленоватые. Ну, а нестабилки имеют голубоватый оттенок. Кстати, обычно линзы разных цветов встречаются неподалеку друг от друга. У меня есть планы аномальных зон, на которых отмечены расположения линз. Сам чертил!

– А почему нестабилки?

– Они перемещаются. По пространственно-временным векторам. Могут возникнуть из ниоткуда и пропасть в самое неподходящее время. Угадать сложно, но можно, если правильно рассчитать вектор. Ты знаешь... – голос Нефедова понижается до шепота. Профессор опасливо оглядывается и заканчивает фразу: – Мне иногда кажется, что за странниками кто-то наблюдает... Как за лабораторными мышами в лабиринте. Кто-то оттуда, – палец профессора указывает на темное небо над нашими головами, – наблюдает и по своему усмотрению меняет расположение линз.

– А кто такие странники? – интересуюсь почему-то тоже шепотом.

– Так называются люди, странствующие по аномальным зонам. Я вот, например, типичный странник.

– Вас много?

– Я встречал около сотни. А всего, говорят, больше пяти-сот. Люди очень разные. Есть психи, есть откровенный криминал. Есть ученые. Попадаются и просто случайные люди. Но ты не думай, что там братство какое-то и все прочее. Нет, все сами по себе. Даже имена друг от друга скрывают. Только клички.

– А у тебя какая?

Нефедов хмыкает и с гордостью в голосе выдает:

– Нестор!

– Почему «Нестор»?

– В честь Нестора Ивановича Махно.

– Тоже анархист?

– Вроде того.

– А женщины? – спрашиваю с надеждой в голосе. – Женщины у вас там есть?

– Есть и женщины. Среди странников ходят легенды о какой-то супер-леди, сумевшей пройти через все линзы. Ее звали Ева. Что примечательно, она была совсем молодой. Но, к сожалению, потом эта Ева куда-то исчезла. Черный Патрик говорил мне, что она сошлась с прозрачными...

Ясно. Надо осмыслить услышанное. Странники... Моя Телли теперь – странница. Бродяжка, затерянная среди аномальных зон, где шатаются психи и криминальные личности, всякие черные патрики. А ведь есть еще и хихикающие демоны, и твари вроде тех, что гналась за мной в джунглях...

Чтобы лучше понять, как теперь живет Телли, прошу:

– Игнат, расскажи о жизни странников. Чем вы занимаетесь?

– В двух словах сложно сказать. Понимаешь, аномальные зоны – это интереснейшие с научной точки зрения территории. Вывернутые миры, если хочешь. Например, Мертвый лес. Мы с тобой, кстати, побывали совсем рядом с ним.

– Это где?

– Помнишь табличку «Поселок «Красные зори»», я его уже упоминал?

– Ну?

– Гну. Мертвый лес совсем рядом. Собственно, и поселок тоже аномалия. Там живут твари, когда-то бывшие людьми. Под воздействием излучения, природу которого я так и не понял, они деградировали в дикарей, жестоких и алчных до чужой крови. Но даже они боятся Мертвого леса, потому что там обитают создания, больше похожие на порождения ночных кошмаров. Или вышедшие из-под скальпеля доктора Моро.

– А это кто? Тоже странник?

– Нет, – Нефедов смеется. – Это персонаж из рассказа Герберта Уэллса. Неужели не читал?

– Читал, – разочаровано отвечаю я. – Просто сразу не допер.

– Но насчет доктора ты почти угадал, – продолжает профессор. – Среди странников есть один тип с такой кличкой. Доктор Чен. Его боятся даже Ночные.

– Кто?

– Да есть одна банда, охотники за головами. Их все называют Ночными, потому что нападают они только в темное время суток. И никогда не оставляют свидетелей. Только трупы.

– Слушай, а предметы?

– Чего – предметы?

– Ну, там, в этих ваших аномалиях, есть предметы?

Он снова чешет бороду. Потом отвечает:

– Во-первых, аномалии не наши. Мы их не создавали и не можем уничтожить. А во-вторых, ты что, думаешь, что предметы валяются на земле, как самородки? Ходи да собирай? Нет, друг ты мой, все гораздо сложнее. Возможно, когда-то так и было. Кто-то – никто не знает, кто – очень давно, еще на заре человеческой эры, разбросал предметы по всей Земле. А потом люди – ну, первобытные, дикие люди – начали предметы находить и использовать.

Я вспоминаю рассказ Соломона Рувимовича про улитку, с которой началась наша цивилизация. Ага, ну хоть что-то стало проясняться!

Нефедов между тем продолжает:

– Предметов, как я думаю, никак не меньше тысячи, а может быть, и несколько тысяч. И большинство из них попало в руки людей. Наверное, где-то на дне океана или высоко в горах лежат еще ненайденные фигурки, но их мало. Повторяю – большую часть люди нашли. Однако сейчас в ходу среди частных, так скажем, лиц не больше сотни предметов. Где остальные?

– Где?

– Вопрос вопросов! – Нефедов вздыхает. – Говорят, все ведущие мировые державы скупают их за фантастические деньги. Есть так же несколько тайных коллекционеров, собирающих предметы. И, наконец, прозрачные...

– Они тоже ищут их?

– Мало того, если предмет попал к прозрачным, то – все.

– В каком смысле «все»?

– Больше его никто никогда не увидит. Но куда прозрачные девают предметы, я не знаю.

– Ладно, черт с ними, с прозрачными. Давай вернемся к нашей линзе.

– Давай лучше не будем, – кривится Нефедов. – Я же тебе объяснял – это нестабилка.

– И много в аномалиях таких нестабилок?

– Хватает.

Я молчу, смотрю на огонь. Ситуация совсем непростая. Эх, если бы я там, в долине Неш, знал о том, что Телли последовала за нами в линзу!

«И что бы ты сделал?», – интересуется внутренний голос.

«Выбросил бы коня и отправился за ней».

«Не ври себе. Еще пару месяцев назад ты был не готов расстаться с конем. Ты бы просто не сумел. Надо было пройти через все, увидеть своими глазами ад в прошлом и в настоящем, чтобы решиться...»

– Все, заткнись! – ору я.

Нефедов настороженно смотрит на меня из темноты, в руке профессора подрагивает пистолет. Когда он успел отскочить, когда достал ствол? Мысленно беру на заметку новообретенные боевые качества моего спутника. Вслух же произношу:

– Все нормально. Просто маленькая беседа с собственной совестью.

– Круто ты с ней, – смеется Нефедов, убирая оружие. – Я со своей давно уже живу в крепком гражданском браке.

– Хорошо. Тогда давай собираться. Мы идем в линзу. В эту твою нестабилку.

– Но...

– Никаких «но»! Идем – и точка.

– погоди ты!

Он тянется к рюкзаку, достает пухлый альбом, начинает листать, бормоча под нос:

– Не то, не то... Ага, вот! Вот здесь мы, сейчас август девяносто пятого... Значит, вектора лягут сюда и сюда... Слушай, нам везет!

– Чего там? – я пытаюсь заглянуть через плечо профессора, но он закрывает альбом.

– Не лезь, куда не надо. Этим картам цены нет. И я за здорово живешь делиться ими ни с кем не намерен.

– Да и бог с ними. Ты лучше скажи – почему везет?

– Мы можем попасть на озеро Рица к зеленой линзе очень быстро. Буквально за пару часов. Риск, конечно, но ведь кто не рискует...

Я молчу. Расклад предельно ясен. У Нефедова есть кот. Он может подсказать, где искать Телли. У меня есть конь. Он указывает путь к Чингисхану – и к волку.

Нефедову нужен волк. Мне нужна Телли.

Вот так: «нужен» на «нужна».

Только волка Нефедов не получит.

Интересно, что будет, когда мы окажемся в будущем? Убить Нефедова я не сумею, да и оружия у меня нет. Одного он меня не отпустит, отдать коня кому-то в будущем не позволит...

И тут я вспоминаю: таблетки! Таблетки Горана! Они лежат в нагрудном кармане рубашки. Нефедов чай уважает. А ведь это, пожалуй, выход!

Никаких моральных угрызений у меня нет. Слишком долго всякие неизвестные – и известные мне люди, тот же Нефедов – использовали меня в своих целях. Теперь пришел мой черед.

И тут же неумолимый внутренний голос произносит: «Все правильно. Ты был преступником, дезертиром, убийцей, лгуном. Осталось только стать отравителем...».

Будущее всегда представлялось мне похожим на картинки из журнала «Техника – молодежи»: высокие, просто предельно высокие сооружения из стекла и металла, стрельчатые, обтекаемые; основания их тонут в пышной зелени. Обязательно чистое, синее небо, яркое солнце, вдали виднеется лента реки. На полях копошатся, поблескивая полированными боками, аграрные роботы, по идеально глад-

ким дорогам мчатся каплевидные автомобили, управляемые кибер-водителями, в воздухе носятся многочисленные летательные аппараты, а где-то далеко, у самого горизонта, сквозь легкую дымку угадывается какая-нибудь циклопическая конструкция вроде орбитального лифта.

Люди в будущем все как один высокие, красивые, идеально сложенные, абсолютно здоровые, что называется, без патологий, причем это касается не только тела, но и души.

Ворье, извращенцы, психопаты, убийцы останутся в прошлом. Наука сумеет избавить человечество от этих ужасов, пороки превратятся в атавизмы, исчезнут.

Если бы меня попросили описать будущее одним словом, я бы выбрал слово «счастье». Да, конечно же, «счастье». Там все станут счастливыми.

Ну, и, конечно же, беспредельно разовьется наука. Люди, превратив Землю в цветущий сад, выйдут за ее пределы, освоят Луну, Марс, Венеру и двинутся дальше, к планетам-гигантам и спутникам, а потом преодолеют невидимую границу Солнечной системы и рванутся к звездам.

Огромные звездолеты понесут отважных сынов рода человеческого сквозь бездны пространства – изучать, открывать, осваивать и искать братьев по разуму. Именно братьев, а не врагов.

Естественно, все эти мои видения были порождены фантастическими книгами, прочитанными еще в детстве, и основывались на фильмах вроде «Туманности Андромеды». Другого будущего я просто не мог придумать. Да, еще один важный момент: как я ни старался, у меня не получалось вообразить, что всего этого человеческая цивилизация достигнет при, скажем, рабовладельческом, капиталистическом или феодальном строе.

Только коммунизм. Всеобщее равенство, от каждого – по возможностям, каждому – по потребностям. Творчество и

труд рука об руку ведут людей в светлые дали. Только так. Только...

Мы и вправду добираемся до озера Рица всего за пару часов. Нестабилка приводит нас в жаркий полдень. Местность вокруг – как в фильмах про ковбоев – песок, камни, кактусы, красные скалы. В километре от нас замечаю какое-то уродливое сооружение. Воздух дрожит от зноя и я с трудом понимаю, что это выстроенное из подручных средств укрепление, форт или редут. Стены состоят из старых, ржавых грузовиков, листов железа, досок и балок.

Нефедов вскидывает к глазам бинокль.

– Ага, это Уотерхоул. Все правильно.

– Что правильно?

– Побежали, вот что. В этом месте, в этом времени очень опасно.

– Демоны?

– Вирусы. У тебя может не быть иммунитета. Бежим, я сказал!

И мы бежим по камням к неприметной ложбинке. На дне ее, возле сожженного остова машины, мерцает желтым цветом линза. Нефедов без лишних разговоров толкает меня в нее.

Не успеваю даже вскрикнуть – валюсь в темноте на камни. Тепло, тихо, где-то шуршат волны, накатывающиеся на берег. Вспыхивает луч фонарика – это Нефедов.

– Ну, ты и везунчик! – он прищелкивает языком. – Это озеро Рица. У нас все получилось!

Еще полчаса мы тратим на поиск зеленоватой линзы, ведущей в будущее. Обнаружив ее неподалеку от то ли скал, то ли каких-то развалин – в темноте не видно, – делаем привал.

– Жрать охота! – хлопает себя по животу Нефедов.

Я молча беру фонарик и иду к ближайшим кустам за топливом для костра. Пока все идет согласно моему плану.

Я стою перед зеленой линзой. В паре метров от меня на спальнике спит Нефедов. Моя задумка с таблетками сработала. В линзу было решено идти утром. Перед трудным походом требуется основательно подкрепиться, и я добровольно взял на себя обязанности кашевара. Профессор ничего не заподозрил и бестрепетно выпил кружку крепкого чая, в котором я украдкой растворил семь оставшихся таблеток. Надеюсь, этой дозы не хватит, чтобы убить человека. Сейчас я могу сделать с Нефедовым все, что захочу, но убивать... Я устал от всего этого. Надо побыстрее заканчивать.

Увы, но кот у меня не работает. Я вертел и сжимал фигурку и так, и эдак – без всякой пользы. Наверное, это связано с тем, что я взял предмет без спроса. Так что после всего мне надо будет уговаривать Нефедова найти Телли. Но я не очень-то волнуюсь по этому поводу. Уговорю. Пистолет профессора, черный, с надписью на стволе «Glock 17. Austria» теперь у меня. А у кого пистолет, тот и умеет уговаривать.

До будущего остается сделать всего один шаг. Мне страшно. Без дураков, без всяких оговорок – мне очень страшно. Я всю бессонную ночь воображал, что и кто может ожидать меня в двадцать пятом веке. Когда количество версий перешло за третий десяток, я выдохся.

Невозможно предугадать все. Жизнь все равно внесет свои коррективы, подставит ножку, даст по сопатке и макнет мордой в грязь. Закон подлости еще никто не отменял.

С этими, прямо скажем, не особенно оптимистическими мыслями иду в линзу. В самый последний момент улавливаю отчаянный призыв остановиться и вернуться к костру. Я знаю, кто пытается помешать мне. И еще пару месяцев назад ему бы это удалось. Но теперь я сильнее.

Волк поработил Чингисхана. Я победил коня. Впрочем, особой гордости у меня нет. Все же предмет, что достался Темуджину в наследство от отца, намного сильнее моего. И окажись я на месте Есугеева сына, кто знает, во что превратил бы меня волк.

Упругий удар. Звон в ушах. Громкий плеск, в лицо мне летят брызги. Я невольно жмурюсь, одновременно стараясь удержать равновесие – ноги разъезжаются, вязнут. Проваливаюсь по пояс в холодную жижу. В нос бьет тяжелый гнилостный запах. Все, приехали. Не думал, что мысли о грязи и законе подлости окажутся настолько реальными.

Открываю глаза. Ничего себе! Вот так будущее, царство тепла и света...

Я завяз в болоте. Точнее сказать сложно, потому что вокруг меня стеной стоит тростник. Может, это речные плавни или умирающий пруд. Но факт остается фактом – линза вывела меня в топь, и с каждой секундой я погружаюсь все глубже и глубже.

Собираю руками тростник в пучки, подтягиваюсь, стараюсь освободиться из мягких, но неодолимых оков трясины. Черная вода бурлит вокруг меня, пузыри газа поднимаются откуда-то снизу и лопаются, распространяя удушливое зловоние.

В конце концов мне приходится лечь на грудь и плашмя ползти через густые заросли, то и дело погружаясь в жижу с головой. Я не выбираю направления, просто двигаюсь наугад. Рано или поздно тростниковые джунгли закончатся, я в этом уверен. Жизнь научила меня непреложному правилу: всему на свете однажды приходит конец. О том, что может поджидать дальше, лучше не думать.

Наверное, я слишком расслабился, погрузившись в размышления – и конь воспользовался этим...

Главная столица империи Цзинь пала после недельной осады. Чингисхан поручил взять ее Мухали. К этому моменту толстый нойон собрал в своем войске «левого крыла» много осадных машин и людей, умевших с ними обращаться.

Ворвавшись в город, монголы устроили там жуткую резню, убивая даже домашних животных. Подожженный императорский дворец горел больше месяца и по тому, как ветер отклонял дым от пожарища, шаманы предсказывали погоду.

Множество жителей Чжунду, и слуги императора в их числе, бежали в окрестные холмы и нагорья, не дожидаясь штурма. Сводящий с ума страх перед монголами сломал их волю, и никто не помышлял о сопротивлении. Мухали направил целый тумен всадников на розыск беглецов.

– Ловите тех, кто облачен в богатые одежды, – сказал он. – Всех пленных везите к нашему повелителю.

...Захваченных цзиньцев ввели в походную юрту Чингисхана. Пленников было пятеро. Четверо – пожилые, дородные сановники, облаченные в коричневые шелковые халаты, расшитые золотом. На квадратных нагрудных и наспинных буфанах – изображения птиц, животных и солнца. Животы вельмож перетянуты широкими поясами, украшенными серебряными бляшками.

Увидев кипу белых войлоков, на которых возлежал владыка монголов, сановники бросились на землю и уткнулись лицами в ладони. Пятый пленник, одетый в неброский синий кафтан, молодой человек, почти юноша, чье лицо украшала короткая борода, тоже опустился на колени и поклонился Чингисхану, но сделал это не спеша, с подчеркнутым достоинством.

– Ты! – толстый палец Потрясателя Вселенной указал на молодого человека. – Подойди!

Нукеры тут же подхватили чиновника под мышки и подтащили к войлочному трону.

– Подними голову! – рыкнул Чингисхан. – Я хочу говорить с тобой.

Послушно посмотрев в глаза завоевателю, молодой человек не выдержал и отвел взгляд.

– Боишься, – удовлетворенно произнес Чингисхан и засмеялся. – Все вы, цзинь, меня боитесь.

– Да будет угодно повелителю услышать правду? – тихо, но твердо спросил чиновник.

– Какую еще правду?

– Я – не цзинь, хотя и состоял на службе у императора. По рождению я – кидань.

– Вот как? Кидани оказали нам хорошую услугу, укусив руку Алтан-хана, которую лизали много лет. Как тебя зовут?

– Елюй Чу-сай, если угодно господину.

– Что ты умеешь делать?

– Я изучал труды Конфуция и даосских мудрецов, – ответил пленник. – Кроме того, я знаю грамоту и счет, умею подсчитывать налоговые сборы, и обучен государственному управлению...

Чингисхан тяжело засопел, сел, широко расставив толстые ноги, обутое в мягкие кожаные сапоги.

– Что проку в этих умениях?

– Если господину угодно, я отвечу, – все так же тихо произнес кидань. – Мало завоевать новые земли. Ими нужно управлять, чтобы они приносили доход, чтобы новые подданные жили в мире и благополучии.

– В мире... – пробормотал владыка монголов, закатив глаза. – В мире... Хм... И что же, ты сможешь научить меня этому?

– Я – лишь ничтожный сухой лист, принесенный ветрами перемен к твоим ногам, господин. Чему может научить лист?

Твоя армия совершила невозможное – сокрушила империю Цзинь. Не тебе у меня, а мне надобно учиться у тебя.

– Ха, – лицо Чингисхана расплылось в довольной улыбке. – Что ж, кидань, не иначе как само Вечное Синее небо послало тебя мне. Кто твой отец?

Этот вопрос, обычный для монголов, заставил молодого человека побледнеть. Но, переборов замешательство, он ответил:

– Его звали Ила Люй, он был чиновником по особым поручениям при дворе императора, мой господин и учитель.

– И что же за поручения выполнял этот человек? – незамедлительно спросил Чингисхан.

– Он... Он ездил в монгольские степи... Там его знали под именем... Звездочет.

Молодой кидань умолк. Потрясатель Вселенной закрыл лицо ладонями. В тишине, наполнившей юрту, стало слышно, как потрескивают фитили масляных ламп да украдкой ворочаются на полу у входа четверо цзиньских сановников.

– Звездочет, – тихо произнес наконец сквозь пальцы Чингисхан. – Вот как сплелся ковер судьбы...

Отняв руки, он грозно взглянул на Елюй Чу-сая.

– Ты знаешь, что натворил твой отец?

– Знаю, господин мой и учитель.

– И ты не боишься говорить мне об этом?

– Нет.

– Почему?

– Наша жизнь – всего лишь краткий миг между двумя пределами великого ничто. Из ничего я вышел, в ничто и отправлюсь, чтобы возродиться для новой жизни.

– Не торопись, – со значением сказал Чингисхан. – Раз так угодно Тенгри, ты послужишь мне, ученый человек Елюй Чу-сай. Назначаю тебя моим советником.

– Милость учителя не знает границ, – кидань низко поклонился.

– А остальных... – Потрясатель Вселенной зыркнул на коленапоклоненных сановников и резко чиркнул себя большим пальцем по шее. – К праотцам!

Понимаю – это последняя попытка коня вернуть меня на истинный, в его понимании, путь. Он показал мне, как мой предок стал слугой и советником Чингисхана. Но я – не Елюй Чу-сай. И я не стану прислуживать тому, кто пролил реки крови в прошлом и наверняка не меньше прольет в будущем. Хватит, я наелся этого всего досыта. Осталось совсем чуть-чуть, и кошмар закончится.

...Верхушки сосен я замечаю случайно. Темно-зеленые облака хвои, прошитые медными жилками ветвей, они качаются над тростниковыми метелками, вселяя в мое сердце надежду. Сосны растут на песке, предпочитая сухие, возвышенные места. Значит, через несколько минут я смогу выбраться на твердь земную и отдохнуть.

Тяжелый рюкзак давит на плечи. Одежда промокла насквозь. В довершение всех бед пасмурное небо разразилось дождем, и теперь вода повсюду – и сверху, и снизу.

Ворочаясь, как медведь в малиннике, выбираюсь из тростников и вижу песчаный берег. Он в пяти шагах от меня. Сосны высятся чуть подальше. Серые небеса надо мной неожиданно прорезает ослепительно-белая полоса. Мощный рев заставляет меня пригнуться. Рев усиливается. Я задираю голову и вижу над сосняком сияющее пятно, окруженное языками пламени.

Секунду спустя пятно трансформируется в гигантский яйцеобразный аппарат, опускающийся вниз на огненных столбах. Поднимается сильный горячий ветер. Он вздымает в воздух песок, гнет сосны, укладывает на воду тростник. Я,

все также по колено в воде, поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза. И тут пламя гаснет, рев смолкает. Стальное яйцо раскалывается на четыре отливающие сталью дольки, которые еще в воздухе претерпевают удивительные изменения. Гладкие поверхности прорезают тонкие линии, каждая долька начинает дробиться, мелкие сегменты двигаются, срastaются, вытягиваются или, наоборот, утолщаются, и вот уже в нижней части долек я вижу по две опоры, а по бокам – нечто напоминающее огромные руки. Четыре человекообразные металлические фигуры, не меньше пяти метров в высоту каждая, мягко опускаются на песок. Их руки-манипуляторы заканчиваются устрашающего вида стволами, а из открывшихся на головогруды люков появляются зловещие острые головки ракет.

«Надо сваливать!», – запоздало думаю я.

Бежать и в самом деле поздно – вооруженные до зубов боевые шагающие машины, роботы, или чем там являются эти монстры? – находятся совсем близко. То есть они меня видят. Чувствуют. Осязают локаторами. И немедленно берут на прицел.

Такое вот будущее...

Один из четырех гигантов, издавая металлический шелест, начинает двигаться в мою сторону. Остальные занимают позиции на берегу.

– Черт! – машинально произношу я и поднимаю руки, показывая, что не имею никаких дурных намерений.

А что еще остается делать?

От холода и волнения у меня зуб на зуб не попадает. Монстр подходит совсем близко. Он нависает надо мной, как Голиаф над Давидом. Вот только у Давида была смертоносная праща, а у меня – только пистолет Нефедова. Он годится лишь на то, чтобы застрелиться.

Гигант останавливается. Надо что-то делать.

– Я пришел с миром! – кричу изо всех сил и поднимаю руки выше, мол, смотрите, у меня ничего нет.

Неожиданно выпуклые сегменты брони на груди монстра раздвигаются, и я вижу внутри человека. Настоящего человека будущего. Он облачен в серый комбинезон, перехваченный в нескольких местах металлическими полосками; на голове – шлем с прозрачным забралом.

Воспринимаю все увиденное спокойно. Похоже, я просто разучился удивляться.

С тонким скрипом на песок ложится пандус и человек спускается, покидая свою боевую машину. Я рассматриваю его лицо, худощавое, усталое, с тонкими, плотно сжатыми губами. Глубоко посаженные глаза смотрят на меня с интересом, но в них я замечаю еще что-то... Удивление? Недоумение? Да, пожалуй, именно недоумение, словно хозяин стального титана не ожидал меня встретить.

Или ожидал, но не меня?

Он делает шаг, другой, поднимает забрало и негромко спрашивает:

– С кем имею честь?

Спрашивает по-русски!

Замечаю у него на груди, там, где сердце, белый кружок, а в нем греческую букву β.

– Артем Новиков, – отвечаю, как во время представления на соревнованиях, и добавляю зачем-то: – Город Казань, Советский Союз.

Человек улыбается, приветливо машет рукой – выходи, мол, чего стоять в воде. Опускаю руки, выбираюсь на берег, сбрасываю мокрый рюкзак.

– Меня зовут Иван Ильич, товарищ Артем, – говорит человек. – Я так понимаю, вы – посланник?

– Т-товарищ? – у меня в голове творится черт знает что.

– Ну, естественно, – он продолжает улыбаться, хотя улыбка становится какой-то резиновой, ненастоящей.

– Вы давно в пути? – интересуется Иван Ильич, внимательно разглядывая меня.

– Очень давно, – искренне отвечаю я.

– Быть может, поднимемся на борт, – он кивает куда-то вверх. – Отдохнете, пройдете курс восстановления...

– Увы, – развожу руками, – дел много.

– Да, дела, дела... – туманно произносит Иван Ильич. – А почему он сам не пришел?

Кто такой «он» – я, конечно же, не знаю. И чтобы не попасть впросак, неопределенно пожимаю плечами.

– Но у вас есть что-то для меня? – опять очень неопределенно спрашивает он.

«Что у меня должно быть? – я чувствую себя неуютно. – Похоже, этот Иван Ильич принимает меня за другого. Вот откуда это радушие! Сейчас все вскроется, выяснится, и он отдаст приказ своим бойцам размолотить меня в пыль».

И тут я вижу шеврон на рукаве. Темно-синий круг, вверху – красная звезда, в центре – черный волк на фоне полной Луны, а внизу две буквы: АП.

Мои последние сомнения рассеиваются. Эмблема почти такая же, как у нашего отряда «Црвены Вукови». Все верно, все правильно! Будущее наступило. И в нем победили наши. Поэтому я отвечаю на последний вопрос моего визави утвердительно:

– Да, есть. Вот, возьмите.

Иван Ильич озадачен. Иван Ильич даже напуган. Он неуверенно протягиваю руку, словно второй кожей облитую серой металлизированной тканью.

Я снимаю с шеи коня и вкладываю фигурку в его ладонь.

Вот и все. Так просто, так буднично. Не ощущаю ни головокружения, ни ментальных воплей из прошлого, ни холода, ни жара.

Ни-че-го.

Конь проиграл. А я? Я выиграл? Впрочем, сейчас раздумывать над этим вопросом нет времени. Потому что Иван Ильич спрашивает:

– Это он направил вас?

Опять загадочный «он»! Но надо что-то отвечать и я говорю чистую правду:

– Я должен передать... вам. В вашем времени. Для ученых. Это очень важно.

– И все? – глаза Ивана Ильича буквально впиваются в меня.

Я смотрю на него, и с удивлением замечаю, что радужки этого человека меняются. По ним расползаются от зрачков разноцветные волны. А, ну да, он же теперь имеет предмет! Однако быстро, у меня, помнится, глаза поменяли цвет чуть ли не через неделю после того, как я открыл шкатулку и взял коня в руки.

– Все.

– Ну, спасибо вам, – Иван Ильич перекладывает фигурку в левую руку и протягивает правую.

И тут где-то глубоко в душе у меня начинает шевелиться червячок сомнения.

– Я живу в конце двадцатого века.

– Добро пожаловать в будущее! – он улыбается.

– У вас уже коммунизм?

– Практически да, – улыбка становится шире.

– А зачем тогда все это? – я киваю на шагающую машину. – Разве в двадцать пятом веке воюют?

Он бросает на меня быстрый взгляд.

– Нет, конечно. Это для защиты.

– От кого?

– От диких зверей. Тут... – Иван Ильич обводит окрестности, – давным-давно поселились люди, решившие уйти от цивилизации. Неформальное движение «Назад к природе», не слышали?

– У нас такого, кажется, еще нет.

– Ну, это дело наживное, – продолжает улыбаться он. – Так вот, мы защищаем общину этих чудаков, следим, чтобы они не пострадали от зубов и когтей своей матери...

– Матери?

– Природы.

Я окончательно успокаиваюсь, тоже улыбаюсь. Господи, хорошо-то как! Конь больше не давит мне на грудь, я не чувствую его обжигающе-ледяных прикосновений.

– Давайте прощаться? – спрашивает Иван Ильич. – До свидания, товарищ Новиков!

– До свидания, товарищ!

Мы наконец жмем друг другу руки. Он идет к своей жуткой машине, я смотрю ему вслед...

Иван Ильич вместе со своими бойцами улетают в дыму и пламени. Возносятся за пределы зримого мира, как говорили в старину. Я провожаю глазами их удивительный боевой корабль до тех пор, пока он не исчезает за облаками.

Поворачиваюсь и бреду через тростники обратно к линзе. Бурление вод, запахи, вязкая топь под ногами... И несмотря на это, на душе у меня царит полное умиротворение. Я сумел победить, пересилить мощь коня – и Чингисхана.

Я – свободен! Теперь уже окончательно и абсолютно. И отныне никто и никогда не сумеет навязать мне свою волю. Что там Нефедов говорил про беспредметников? Может, это и есть мой дар?

Что же касается коня... Люди будущего, я убежден в этом, сумеют разобраться с предметом. Они изучат его, они применят его силу на пользу всему человечеству.

И уж точно они не дадут Чингисхану начать новую войну. Просто потому, что войн тут нет. Хотя... если нет войн, для чего тогда боевые шагающие машины? А, ну да, Иван

Ильич же говорил – для защиты одичавших неформалов от местной фауны.

Конечно, есть какое-то несоответствие между вооружением стальных гигантов и степенью опасности обитающих на болотах животных. Но мне сейчас не до этого.

Я теперь – странник. Чужой среди чужих. У меня есть карты Нефедова и пистолет. И меня ждет линза. Ждут аномальные зоны. Ждут пустынные демоны. Ждет спящий у костра Нефедов. Он сразу все поймет, едва увидит мои глаза. Поймет – и взбесится. Мне на все это плевать.

Потому что где-то там, среди призрачного лабиринта аномалий, среди пространства и времени меня ждет Телли...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Российским читателям Сергей Волков знаком по фантастическим романам «Пасынок судьбы. Искатели» и «Пасынок судьбы. Расплата», «Твой демон зла. Ошибка» и «Твой демон зла. Поединок», по романам цикла «Пастыри»: «Последнее желание», «Четвертый поход», «Черные бабочки» и «Огненный дух».

В 2008 году вышел роман «Объект «Зеро»», повествующий о героической робинзонаде наших далеких потомков на загадочной планете Медея, в 2009 — мистический боевик «Стража последнего рубежа».

В настоящее время писатель живет в Москве, занимается журналистикой и литературным трудом. Женат, воспитывает двух дочерей и сибирскую кошку. Увлекается чтением исторической литературы, поэзией, любит хоккей и жареное мясо.

10 ВОПРОСОВ АВТОРУ О «ЧИНГИСХАНЕ 3»

1. История Артема Новикова закончилась?

Я бы так не сказал. Наоборот, он – двадцатилетний парень, стоит, можно сказать, на пороге жизни. Правда, к этому возрасту Артем уже набрался такого жизненного опыта, что ни дай бог никому. И тем не менее я уверен, что мы еще не раз встретимся с Новиковым на страницах книг сериала «Этногенез».

2. Кто такой Иван Ильич из будущего?

Ответ на это вопрос ищите в книге «Сомнамбула 3». Иван Ильич – оперативный псевдоним одного из главных героев этой серии. Могу еще добавить, что все персонажи проекта «Этногенез» – неслучайные люди, все они так или иначе работают на основной сюжет и являются микрочастичками нашей огромной мозаики.

3. Чем занимаются странники? Что они ищут в аномальных зонах?

Со странниками вопрос сложный. Мне всегда казалось, что слово «странник» произошло не столько от «странствовать», сколько от «странный». Вот эти люди, живущие внутри аномальных зон, как раз и отличаются от других своей «странностью». Им интересно там, где нормальный человек не проживет и дня. Их притягивает этот экстрим. Ну, а ищут они, конечно же, в первую очередь новые знания. Хотя кто-то – и материальную выгоду.

4. Описанная в романе «Чингисхан 3» история падения Сербской Краины – это правда или авторский вымысел?

Все главы, связанные с этой трагической страницей современной истории – чистая правда, все эпизоды основаны на реальных событиях. Вымышленными являются только герои, бойцы сербского сопротивления. И операция «Буря», проведенная хорватами при поддержке войск НАТО, и приведшая к падению Сербской Краины – тоже исторический факт.

5. Елюй Чу-сай действительно сын Звездочета, убившего отца Чингисхана?

Историки считают отцом Елюй Чу-ся киданьского князя Ила Люя. Он занимал высокие посты при дворе императора Цзинь, делал переводы китайских книг на чжурчженьский и киданьский языки. Кроме того, Ила Люй выполнял секретные поручения императора в соседних землях, и умер при невыясненных обстоятельствах в 1191 году, когда маленькому Елюй Чу-сяю было всего два года. Добавлю еще, что Ила Люй был известным астрологом и предсказателем.

6. Артем найдет Телли?

Судя по характеру Артема, он никогда не отступает от задуманного. Если решил найти – найдет обязательно. Конечно, для этого ему придется стать странником, но с другой стороны разве деятельная и решительная натура Новикова будет противиться этому, тем более если речь идет о любимой девушке?

7. Соломон Рувимович – один из самых загадочных персонажей серии. Кто он?

Наблюдатель. Человек, который знает истинную историю человечества и все, что связано с предметами, но никогда никуда не вмешивается, предпочитая скромную жизнь книжного торговца. Единственное исключение Соломон Рувимович делает для Артема, хотя не исключено, что он тоже ведет свою игру.

8. Нефедов – это Нестор? На чьей он стороне, какие цели преследует?

Нефедов – авторитетный странник, один из немногих людей, кому удалось познать механизм пространственно-временных связей, образованных линзами. Он может путешествовать в разные эпохи, менять свой возраст. И, конечно же, вполне может оказаться знакомым нам Нестором. А вот какие у него цели?.. Доподлинно известно только, что он охотится за предметами. Сказать что-то больше сложно – Нефедов неуловим и его история далека от завершения.

9. Как вы теперь, написав три книги, относитесь к личности Чингисхана?

Неоднозначно. И в процессе изучения исторических материалов мое отношение к Чингисхану менялось. С одной стороны это величайший завоеватель, крупный политический деятель, «Человек тысячелетия», оставивший огромный след в мировой истории. С другой – жестокий, коварный и безжалостный тиран, по одному слову которого истреблялись целые народы. Личность яркая, одаренная, но пугающая, не зря один из его титулов звучал как «Потрясатель Вселенной».

10. Но Чингисхан еще появится на страницах проекта «Этногенез»?

Возможно, но не как действующий герой. Мне кажется, что наш мир пережил достаточно потрясений. Так что пусть спит спокойно в ледяной пещере под горой Хан-Тенгри.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ Воля Чингисхана	4
ГЛАВА ВТОРАЯ Не стреляй!	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Проходная пешка	37
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Мама	59
ГЛАВА ПЯТАЯ Привет из прошлого	74
ГЛАВА ШЕСТАЯ Omnia mea mecum porto	93

Содержание

ГЛАВА СЕДЬМАЯ Солдатами не рождаются	117
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Друже Метак	130
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Кровь войны	148
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Операция «Буря»	165
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Что бы ты сделал?	181
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ До свидания, товарищ!	191

Армагеддон

Имя	Ростислав
Отчество	Кириллович
Фамилия	Шибанов
Время действия	2012 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Поместье Неверлэнд
Локация	Калифорния, Соединенные Штаты Америки
Предмет	Скорпион
Дар	Удача
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Армагеддон²

Имя	Ростислав
Отчество	Кириллович
Фамилия	Шибанов
Время действия	2014 год н.э.
Возраст	24 года
Адрес	Солт-Лейк-Сити, штат Юта
Локация	Закрытая Территория
Предмет	Скорпион
Дар	Удача
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Пираты

Имя	Кристин
Фамилия	Ван Дер Вельде
Время действия	1650 год н.э.
Возраст	15 лет
Адрес	Парусник «Ла Навидад»
Локация	Остров Демона
Предмет	Дельфин
Дар	Морская удача
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

СЕРИАЛ «ЭТНОГЕНЕЗ»

ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ

<http://vkontakte.ru/club9307841>

Э Т Н О Г Е Н Е З

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пražская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Сергей Волков

ЧИНГИСХАН 3

Книга третья

Солдат неудачи

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Вадим Нестеров

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.10.10 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 18,72

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32